

ООО Издательский дом «ХОРС»

**ОБЩЕСТВО:
социология, психология, педагогика**

Научный журнал

www.dom-hors.ru

№ 3 (83)

2021

Publishing House HORS LLC

**SOCIETY:
Sociology, Psychology, Pedagogics**

Scientific Journal

www.dom-hors.ru

No. 3 (83)

2021

ОБЩЕСТВО: СОЦИОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА

2021, № 3 (83)

Основан в 2011 г.

Научный журнал «Общество: социология, психология, педагогика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий от 01.12.2015 г., в соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28.12.2018 г. № 90-р, от 15.10.2019 г. №392-р входит в Перечень рецензируемых изданий по следующим научным специальностям: по социологическим (22.00.01, 22.00.03, 22.00.04, 22.00.05, 22.00.06, 22.00.08), психологическим (19.00.01, 19.00.02, 19.00.03, 19.00.05, 19.00.07, 19.00.10, 19.00.13), педагогическим (13.00.01, 13.00.02, 13.00.04, 13.00.08) наукам.

Журнал «Общество: социология, психология, педагогика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 15.03.2011 г. Номер свидетельства ПИ № ФС77-44189.

Журнал «Общество: социология, психология, педагогика» зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования. Лицензионный договор с ООО «НЭБ» № 62-03/2011R от 23.03.2011 г. на включение информации об опубликованных статьях в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал входит в следующие международные базы данных: UlrichsWeb, EBSCO, Crossref.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Петьков Валерий Анатольевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Кубанского государственного университета,

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:**– по социологическим наукам:**

Аникин Леонид Сергеевич, доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры социологии регионов Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского,

Антонова Наталья Леонидовна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Бормотова Татьяна Михайловна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,

Вдовина Маргарита Владимировна, доктор социологических наук, доцент, профессор факультета социологии Российского государственного социального университета,

Герасимова Галина Ивановна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета,

Голенкова Зинаида Тихоновна, заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, почетный доктор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,

Жалсанова Валентина Гуржаповна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,

Жигунова Галина Владимировна, доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой философии, социальных наук и права социального обеспечения Мурманского арктического государственного университета,

Зарубин Валерий Григорьевич, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного, муниципального и социального управления Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена,

Ильиных Светлана Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»,

Камышова Екатерина Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева,

Коркия Эка Демуриевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,

Лоскутова Ирина Мироновна, доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и специальной социологии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета,

Малинина Татьяна Борисовна, доктор социологических наук, кандидат физико-математических наук, доцент, старший научный сотрудник, профессор кафедры социального анализа и математических методов в социологии Санкт-Петербургского государственного университета,

Меренков Анатолий Васильевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, заместитель директора по науке Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,

Мигунова Юлия Владимировна, кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук,

Плюснина Лидия Константиновна, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга, рекламы и связей с общественностью Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»,

Пузанова Жанна Васильевна, доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры социологии, заведующая лабораторией социологических и фокус-групповых исследований Российского университета дружбы народов,

Романовская Ольга Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальной информатики Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского,

Сивирин Борис Сергеевич, доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры управления персоналом Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

Урбан Ольга Андреевна, доктор социологических наук, доцент, заместитель директора по стратегическому развитию, профессор кафедры экономики и управления Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета,

Хагуров Айтеш Аюбович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина, главный научный сотрудник, руководитель Сектора социологии села (г. Краснодар) Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,

Хагуров Тему́р Айтешевич, доктор социологических наук, доцент, проректор по учебной работе, качеству образования – первый проректор Кубанского государственного университета, действительный член Российской академии социальных наук,

Шабанов Виктор Леннарович, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института аграрных проблем Российской академии наук,

Шедий Мария Владимировна, доктор социологических наук, доцент, профессор Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации,

– по психологическим наукам:

Балин Виктор Дмитриевич, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета,

Григорьева Марина Владимировна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогической психологии и психодиагностики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского,

Дейнека Ольга Сергеевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета,

Защиринская Оксана Владимировна, доктор психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и педагогической психологии Санкт-Петербургского государственного университета,

Калашникова Марина Борисовна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого,

Королева Татьяна Петровна, доктор психологических наук, Краснодар,

Медникова Людмила Сергеевна, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры олигофренопедагогики Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена,

Морозова Ирина Станиславовна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой акмеологии и психологии развития, директор Института образования Кемеровского государственного университета, член-корреспондент Сибирской академии наук Высшей школы,

Мусийчук Мария Владимировна, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, доцент по кафедре общей психологии, профессор кафедры психологии Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова,

Ожигова Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета,

Панюкова Юлия Геннадьевна, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Психологического института Российской академии образования, профессор кафедры педагогики и психологии Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева,

Ракитянский Николай Митрофанович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,

Стоянова Ирина Яковлевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психотерапии и психологического консультирования Национального исследовательского Томского государственного университета,

Сулейманов Рамиль Фаилович, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей психологии Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязева,

Суннатова Рано Иззатовна, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории экпсихологии развития Психологического института Российской академии образования,

Турчин Анатолий Степанович, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и прикладной психологии Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации,

– по педагогическим наукам:

Абрамовских Наталья Викторовна, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и методики дошкольного и начального образования Сургутского государственного педагогического университета,

Апанасюк Лариса Ахунжановна, доктор педагогических наук, доцент, заместитель декана по науке лингвистического факультета, профессор кафедры иностранных языков Российского государственного социального университета,

Бедерханова Вера Петровна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета, заслуженный работник высшей школы РФ,

Воскресасенко Ольга Александровна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры «Педагогика и психология» Пензенского государственного университета,

Голиков Николай Алексеевич, кандидат педагогических наук, доцент, инженер отдела инновационных исследований Центра прикладных исследований и разработок Тюменского индустриального университета, профессор Российской академии естествознания, заслуженный работник науки и образования, почетный работник общего образования РФ,

Исаева Татьяна Евгеньевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Иностранные языки» Ростовского государственного университета путей сообщения,

Кашук Светлана Михайловна, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова,

Краснощекова Галина Алексеевна, доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Южного федерального университета,

Кузьменко Галина Анатольевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теоретических основ физической культуры и спорта Института физической культуры, спорта и здоровья Московского педагогического государственного университета,

Мартыросова Татьяна Александровна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры физической культуры и валеологии Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева,

Московченко Ольга Никифоровна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теоретических основ физического воспитания Красноярского педагогического государственного университета имени В.П. Астафьева,

Неборский Егор Валентинович, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета,

Павлов Сергей Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, начальник пресс-службы Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова,

Писаренко Вероника Игоревна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Южного федерального университета,

Сахарчук Елена Сергеевна, доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой туризма Московского государственного института культуры,

Селитреникова Татьяна Анатольевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры физиологии Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург,

Симонова Татьяна Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой коррекционной педагогики Астраханского государственного университета,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Абрамян Ваграм Геворгович, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, профессор кафедры управления, бизнеса и туризма Российско-Армянского (Славянского) университета, профессор кафедры управления и бизнеса Ереванского государственного университета (Республика Армения),

Буквич Райко, доктор экономических наук, руководитель отделения региональной географии Географического института «Йован Цвийич» Сербской академии наук и искусств (Республика Сербия),

Гао Тяньмин, кандидат экономических наук, доцент, директор Центра исследования России, директор Центра синей экономики Арктики Института экономики и управления Харбинского инженерного университета (КНР),

Гамбарян Артур Сиреканович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянского (Славянского) университета, заслуженный юрист Республики Армения,

Донай Лукаш, доктор политических наук, профессор Познаньского государственного университета имени Адама Мицкевича, факультет политических наук и журналистики, кафедра международных отношений (Республика Польша),

Ерохин Василий Леонидович, кандидат экономических наук, доцент Института экономики и менеджмента Харбинского инженерного университета (КНР),

Каниевска-Себа Александра, D.Phil. in Management and Quality Studies, доцент Познаньского государственного университета им. Адама Мицкевича (Республика Польша),

Карапетян Владимир Севанович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой дошкольной педагогики и методик Армянского государственного педагогического университета имени Хачатура Абовяна, действительный член Международной академии психологических наук (Россия), (Республика Армения),

Кюскиева-Арабска Екатерина Димитрова, кандидат социологических наук, PhD in Administration and Management, доцент, вице-декан факультета экономики и менеджмента, руководитель отдела национальных и международных проектов и секретарь научного совета Высшего училища агробизнеса и регионального развития, президент Академии инноваций и устойчивости, Пловдив (Республика Болгария),

Няголова Марияна Димитрова, кандидат психологических наук, доцент истории психологии, преподаватель кафедры психологии Велико-Тырновского университета имени святых Кирилла и Мефодия (Республика Болгария),

Пиризода Джалил Сафар, доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики сельского хозяйства Академии сельскохозяйственных наук Республики Таджикистан (Республика Таджикистан),

Погосян Геворк Арамович, академик Национальной академии наук Республики Армения, доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, научный руководитель Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения (Республика Армения),

Сандоян Эдвард Мартинович, доктор экономических наук РФ и РА, профессор, директор Института экономики и бизнеса Российско-Армянского (Славянского) университета (Республика Армения),

Тодев Илия Тосков, доктор исторических наук, профессор Института исторических исследований Болгарской академии наук (Республика Болгария),

Ханов Талгат Ахматиевич, доктор юридических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза (Республика Казахстан),

Хопёрская Лариса Львовна, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Киргизско-Российского Славянского университета (Киргизская Республика),

Христозова Галя Михайлова, доктор педагогических наук, профессор, ректор Бургасского свободного университета (Республика Болгария),

Цвиркун Виктор Иванович, доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, Doctor Honoris Causa, чрезвычайный и полномочный посол Республики Молдова в государстве Катар (Республика Молдова),

Шебеко Валентина Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры методик дошкольного образования Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (Республика Беларусь).

РЕДАКЦИЯ:

ДИРЕКТОР ООО ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ХОРС»:

Харсеева Виктория Леонидовна, кандидат социологических наук

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА:

Дюжева Мария Павловна

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Угулава Кристина Геннадьевна

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Гаспарян Кристина Андреевна

РЕДАКТОРЫ:

Арсентьева Ирина Ильинична
Невзорова Наталья Викторовна
Сергейчик Людмила Ивановна
Ситникова Ольга Валериевна
Тюлюкова Мария Олеговна
Шушанян Наринэ Суменовна

ПЕРЕВОДЧИКИ:

Арсентьева Ирина Ильинична
Герасимова Валентина Евгеньевна
Кочетова Дарья Андреевна
Невзорова Наталья Викторовна
Сергейчик Людмила Ивановна
Ханмамедова Виктория Рамизовна

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО Издательский дом «ХОРС»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:

350015, г. Краснодар, ул. Янковского, д. 156
тел. +7 988 234-44-80
Электронный адрес: mail@dom-hors.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350015, г. Краснодар, ул. Янковского, д. 156
тел. +7 988 234-44-80
Электронный адрес: mail@dom-hors.ru

SOCIETY: SOCIOLOGY, PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS

2021, No. 3 (83)

Founded in 2011

Society: Sociology, Psychology, Pedagogics is included in the List of Peer-Reviewed Scientific Publications as of December 01, 2015. According to the Decree of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 90-p as of December 28, 2018, the scientific journal is peer-reviewed in the following science-related fields: social, psychological, education sciences.

The journal "Society: Sociology, Psychology, Pedagogics" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on March 15, 2011. It has Registration Certificate ПИИ № ФС 77-44189.

The journal "Society: Sociology, Psychology, Pedagogics" is registered in Russian Science Citation Index. It has Licensed Agreement with NEB LLC No. 62-03/2011R of March 23, 2011 on the Inclusion of the Information about Published Articles in the System of the Russian Science Citation Index.

The journal is included in the following international databases: UlrichsWeb, EBSCO, Crossref.

CHIEF EDITOR:

Petkov Valeriy Anatolyevich, D.Phil. in Education Science, Professor, Education Science and Psychology Department, Kuban State University,

EDITORIAL BOARD:

– social sciences:

Anikin Leonid Sergeevich, D.Phil. in Social Science, PhD, Professor, Department of Sociology of Regions, National Research Saratov State University,

Antonova Natalia Leonidovna, D.Phil. in Social Science, Professor, Applied Sociology Department, Ural Federal University,

Bormotova Tatyana Mikhaylovna, D.Phil. in Social Science, Chief Research Fellow, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,

Vdovina Margarita Vladimirovna, D.Phil. in Social Science, Associate Professor, Professor, School of Social Science, Russian State Social University,

Gerasimova Galina Ivanovna, D.Phil. in Social Science, Associate Professor, Professor, Department of Marketing and Municipal Administration, Industrial University of Tyumen,

Golenkova Zinaida Tikhonovna, Honored Scientist of the Russian Federation, D.Phil., Professor, Honored Dr., Head of the Centre for the Studies of Social Structure and Stratification, The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,

Zhalsanova Valentina Gurozhapovna, PhD in Social Science, Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,

Zhigunova Galina Vladimirovna, D.Phil. in Social Science, PhD, Associate Professor, Professor, Head of the Department of Philosophy, Social Sciences and Social Security Law, Murmansk Arctic State University,

Zarubin Valery Grigorievich, D.Phil. in Sociology, Professor, Department of State, Municipal and Social Administration, Russian State Pedagogical University,

Ilyinykh Svetlana Anatolyevna, D.Phil. in Social Science, Professor, Head of the Department of Social Science, Novosibirsk State University of Economics and Management,

Kamyshova Ekaterina Viktorovna, PhD in Social Science, Associate Professor, Social Work Department, Ogarev Mordovia State University,

Korkiya Eka Demurievna, PhD in Social Science, Associate Professor, Sociology of Communication Systems Sub-department, Sociology Department, Lomonosov Moscow State University,

Loskutova Irina Mironovna, D.Phil. in Social Science, PhD, Professor, Theoretical and Special Sociology Department, Institute of Social Education and Humanities, Moscow State University of Education,

Malinina Tatiana Borisovna, D.Phil. in Social Science, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Senior Research Fellow, Professor, Department of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology, Saint Petersburg State University,

Merenkov Anatoly Vasilyevich, D.Phil., Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Deputy Director of Research, Ural Humanities Institute, Ural Federal University,

Migunova Yuliya Vladimirovna, PhD in Social Science, Research Fellow, Institute for Social and Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,

Plyusnina Lidia Konstantinovna, D.Phil. in Social Science, PhD in Economics, Professor, Marketing, Advertising and Public Relations Department, Novosibirsk State University of Economics and Management,

Puzanova Zhanna Vasilyevna, D.Phil. in Social Science, PhD, Professor, Sociology Department, Head of the Laboratory of Social Studies and Focus-Group Research, RUDN University,

Romanovskaya Olga Alekseevna, D.Phil. in Social Science, Professor, Social Computer Science Department, Saratov State University,

Sivirinov Boris Sergeevich, D.Phil. in Sociology, PhD in Philosophy, Associate Professor, Professor, Personnel Management Department, Siberian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

Urban Olga Andreevna, D.Phil. in Social Science, Associate Professor, Deputy Director for Strategic Development, Professor, Economics and Management Department, Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University,

Khagurov Aitech Ayubovich, D.Phil. in Social Science, Professor, Sociology and Cultural Studies Department, Kuban State Agrarian University, Chief Research Fellow, Head of the Village Sociology Sector (Krasnodar), Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,

Khagurov Temyr Aitechevich, D.Phil. in Social Science, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and Quality of Education, the First Vice-Rector of Kuban State University, Member of the Russian Academy of Social Sciences,

Shabanov Viktor Lennarovich, D.Phil. in Social Science, PhD in Economics, Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences,

Shediy Maria Vladimirovna, D.Phil. in Social Science, Professor, Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation,

– psychological sciences:

Balin Viktor Dmitrievich, D.Phil. in Psychology, Professor, Medical Psychology and Psychophysiology Department, St. Petersburg State University,

Grigorieva Marina Vladimirovna, D.Phil. in Psychology, Professor, Head of the Educational Psychology and Psychodiagnostics Department, Saratov State University,

Deyneka Olga Sergeevna, D.Phil. in Psychology, Professor, Political Psychology Department, St. Petersburg State University,

Zashchirinskaya Oksana Vladimirovna, D.Phil. in Psychology, Associate Professor, Education Science and Educational Psychology Department, St. Petersburg State University,

Kalashnikova Marina Borisovna, D.Phil. in Psychology, Professor, Head of the Psychology Department, Novgorod State University,

Koroleva Tatyana Petrovna, D.Phil. in Psychology, Krasnodar,

Mednikova Lyudmila Sergeevna, D.Phil. in Psychology, PhD in Education Science, Professor, Department for Teaching the Mentally Retarded Persons, Herzen State Pedagogical University of Russia,

Morozova Irina Stanislavovna, D.Phil. in Psychology, Professor, Head of the Acmeology and Developmental Psychology Department, Director, Institute of Education, Kemerovo State University, Corresponding Member of the Siberian Academy of Higher Education,

Musiychuk Maria Vladimirovna, D.Phil., PhD in Education Science, Associate Professor, General Psychology Department, Professor, Psychology Department, Institute for the Humanities, Magnitogorsk State Technical University,

Ozhigova Lyudmila Nikolaevna, D.Phil. in Psychology, Professor, Psychology of Personality and General Psychology Department, Kuban State University,

Panyukova Yulia Gennadiyevna, D.Phil. in Psychology, Professor, Leading Research Fellow, Institute of Psychology, Russian Academy of Education, Psychology and Education Science Subdepartment, Russian State Agrarian University,

Rakityansky Nikolay Mitrofanovich, D.Phil. in Psychology, Professor, Department of Sociology and Psychology of Politics, Political Science Subdepartment, Lomonosov Moscow State University,

Stoyanova Irina Yakovlevna, D.Phil. in Psychology, Professor, Psychotherapy and Psychological Counseling Department, Tomsk State University,

Suleymanov Ramil Failovich, D.Phil. in Psychology, Associate Professor, Head of the General Psychology Department, Kazan Innovative University,

Sunnatova Rano Izzatovna, D.Phil. in Psychology, Professor, Leading Research Fellow, Center of Developmental Ecopsychology and Psychodidactics, Institute of Psychology, Russian Academy of Education,

Turchin Anatoly Stepanovich, D.Phil. in Psychology, Associate Professor, Professor, General and Applied Psychology Department, St. Petersburg National Guard Forces Command Military Institute of the Russian Federation,

– education sciences:

Abramovskikh Natalya Viktorovna, D.Phil. in Education Science, Associate Professor, Head of the Theory and Methodology of Preschool and Elementary Education Department, Surgut State Teacher's Training University,

Apanasyuk Larisa Akhunzhanovna, D.Phil. in Education Science, Associate Professor, Deputy Dean for Science, Department of Linguistics, Professor, Foreign Languages Subdepartment, Russian State Social University,

Bederkhanova Vera Petrovna, D.Phil. in Education Science, Professor, Head of the Social Work, Psychology and Higher Education Science Department, Kuban State University,

Voskresasenko Olga Aleksandrovna, D.Phil. in Education Science, Professor, Education Science and Psychology Department, Penza State University,

Golikov Nikolai Alekseevich, PhD in Education Science, Associate Professor, Engineer of the Department of Innovation Research, Center of Applied Research and Inventions, Industrial University of Tyumen, Professor, Russian Academy of Natural History, Honoured Employee of Science and Education, Honoured Worker of General Education of the Russian Federation,

Isaeva Tatiana Evgenyevna, D.Phil. in Education Science, Professor, Head of the Foreign Languages Department, Rostov State Transport University,

Kashchuk Svetlana Mikhaylovna, D.Phil. in Education Science, Associate Professor, Head of Foreign Languages Department, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University,

Krasnoshchekova Galina Alekseevna, D.Phil. in Education Science, Associate Professor, Head of the Foreign Languages Department, Southern Federal University,

Kuzmenko Galina Anatolyevna, D.Phil. in Education Science, Professor, Physical Education and Sports Theory Department, Institute of Physical Education, Sport and Health, Moscow State University of Education,
 Martirosova Tatyana Aleksandrovna, D.Phil. in Education Science, Professor, Physical Education and Healthcare Science Department, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
 Moskovchenko Olga Nikiforovna, D.Phil. in Education Science, Professor, Physical Education Theory Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University,
 Neborsky Egor Valentinovich, D.Phil. in Education Science, Associate Professor, Education Science Department, Higher School of Education, Moscow State University of Education,
 Pavlov Sergey Nikolaevich, D.Phil. in Education Science, Associate Professor, Head of the Press Service, Magnitogorsk State Technical University,
 Pisarenko Veronika Igorevna, D.Phil. in Education Science, Professor, Foreign Languages Department, Southern Federal University,
 Sakharchuk Elena Sergeevna, D.Phil. in Education Science, Associate Professor, Head of the Tourism Department, Moscow State Institute of Culture,
 Selitrenikova Tatiana Anatolyevna, D.Phil. in Education Science, Professor, Physiology Department, Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St. Petersburg,
 Simonova Tatiana Nikolaevna, D.Phil. in Education Science, Associate Professor, Head of the Special Needs Education Department, Astrakhan State University,

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Abrahamyan Vagram Gevorgovich, D.Phil. in Economics, PhD in Engineering, Professor, Management, Business and Tourism Department, Russian-Armenian (Slavonic) University, Professor, Management and Business Department, Yerevan State University (Republic of Armenia),
 Bukvich Rayko, D.Phil. in Economics, Head of the Regional Geography Department, Geographical Institute "Jovan Cvijić", Serbian Academy of Sciences and Arts (the Republic of Serbia),
 Gambaryan Artur Sirekanovich, LL.D, Professor, Head of the Theory of Law and Constitutional Law Department, Russian-Armenian (Slavonic) University, Honored Lawyer of the Republic of Armenia (Republic of Armenia),
 Gao Tianming, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Center of Russian Research, Director of the Center of Blue Economy, Arctic, Institute of Economics and Management, Harbin University of Engineering (PRC),
 Donaj Lukasz, D.Phil. in Political Science, Dr hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan, Faculty of Political Science and Journalism, International Relations Department (the Republic of Poland),
 Erokhin Vasily Leonidovich, PhD in Economics, Associate Professor, School of Economics and Management, Harbin Engineering University (PRC),
 Kaniewska-Seba Aleksandra, D.Phil. in Management and Quality Studies, Associate Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (the Republic of Poland),
 Karapetyan Vladimir Sevanovich, D.Phil. in Psychology, Professor, Head of the Pre-school Psychology and Techniques Department, Armenian State Pedagogical University, Member of the International Academy of Psychological Sciences (Russia), (the Republic of Armenia),
 Kyuskieva-Arabska Ekaterina Dimitrova, PhD in Sociology, PhD in Administration and Management, Associate Professor, Vice-Dean, Faculty of Economics and Management, Head of the National and International Projects Department, Secretary of the Academic Board, University of Agribusiness and Rural Development, President, Innovations and Sustainability Academy, Plovdiv (the Republic of Bulgaria),
 Nyagolova Mariyana Dimitrova, PhD in Psychology, Associate Professor of History of Psychology, Lecturer, Psychology Department, St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo (Republic of Bulgaria),
 Pirizoda Jalil Safar, D.Phil. in Economics, Professor, Director, Institute of Agricultural Economics, Academy of Agricultural Sciences of the Republic of Tajikistan (the Republic of Tajikistan),
 Pogosyan Gevorg Aramovich, Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, D.Phil. in Social Science, PhD, Professor, Academic Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (the Republic of Armenia),
 Sandoyan Edward Martini, D.Phil. in Economics in the Russian Federation and the Republic of Armenia, Professor, Director of the Institute of Economics and Business, Russian-Armenian (Slavonic) University (Republic of Armenia),
 Todev Ilija Toskov, D.Phil. in History, Professor, Institute for Historical Studies of the Bulgarian Academy of Sciences (the Republic of Bulgaria),
 Khanov Talgat Akhmatzиеvich, LL.D, Professor, Director, Research Institute of Economic and Legal Studies, Karaganda Economic University of Kazpotreboysuz (the Republic of Kazakhstan),
 Khopyorskaya Larisa Lvovna, D.Phil. in Political Science, PhD, Professor, International Relations Department, Kyrgyz Russian Slavic University (The Kyrgyz Republic),
 Hristozova Galya Mikhaylovna, Dr hab., Professor, Rector, Burgas Free University (the Republic of Bulgaria),
 Tsvirkun Viktor Ivanovich, D.Phil. in History, D.Phil. in Education Science, Professor, Doctor Honoris Causa, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Moldova in the State of Qatar (Republic of Moldova),
 Shebeko Valentina Nikolaevna, D.Phil. in Education Science, Professor, Pre-School Education Techniques Department, Belarusian State Pedagogical University (the Republic of Belarus).

EDITORIAL STAFF:

DIRECTOR OF PUBLISHING HOUSE HORS LLC:

Kharseeva Viktoria Leonidovna, PhD in Social Science

DEPUTY DIRECTOR:

Dyuzheva Maria Pavlovna

MANAGING EDITOR:

Ugulava Kristina Gennadyevna

EXECUTIVE EDITOR:

Gasparyan Kristina Andreyevna

EDITORS:

Arsentyeva Irina Il'yichna
Nevzorova Natalya Viktorovna
Sergeichik Lyudmila Ivanovna
Sitnikova Olga Valeryevna
Tyulyukova Maria Olegovna
Shushanyan Narine Surenovna

TRANSLATORS:

Arsentyeva Irina Il'yichna
Gerasimova Valentina Evgenyevna
Kochetova Darya Andreyevna
Nevzorova Natalya Viktorovna
Sergeichik Lyudmila Ivanovna
Khanmamedova Victoria Ramizovna

FOUNDER:

Publishing House HORS LLC

PUBLISHER'S ADDRESS:

350015, Krasnodar, 156 Yankovskogo st.
tel. +7 988 234-44-80
Electronic address: mail@dom-hors.ru

EDITORIAL BOARD'S ADDRESS:

350015, Krasnodar, 156 Yankovskogo st.
tel. +7 988 234-44-80
Electronic address: mail@dom-hors.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционный совет	3	Editorial Board
СОЦИОЛОГИЯ	14	SOCIOLOGY
Фионова Л.Р. Формирование списка необходимых компетенций государственного служащего в сфере документационного обеспечения управления	14	Fionova L.R. Formation of a List of Indispensable Competences of a Government Official in the Field of Documentation Management
Фирсов М.В., Лельчицкий И.Д., Вдовина М.В., Черникова А.А. Клинический вектор модернизации платформы социальной работы 1.0 в условиях новых глобальных вызовов	19	Firsov M.V., Lelchitsky I.D., Vdovina M.V., Chernikova A.A. The Clinical Vector of Modernization of the Social Work Platform 1.0 in the Context of New Global Challenges
Воронин Д.Ю., Кузнецов П.Н., Евстигнеев В.П., Ярмак О.В. Агентное моделирование динамики консолидации общества при использовании процедур киберметрии интернет-контента	25	Voronin D.Yu., Kuznetsov P.N., Evstigneev V.P., Yarmak O.V. Agent-based Modelling of Societal Consolidation Dynamics Using Internet Content Cyber-metrics Algorithms
Коркия Э.Д. Феномен социального одиночества в культуре онлайн-обучения	31	Korkiya E.D. The Phenomenon of Social Loneliness in Online Learning Culture
Маркина Ю.М., Пестова Я.Н. Потенциал дальневосточного профессионального PR-сообщества в развитии гражданского общества	36	Markina Yu.M., Pestova Ya.N. Potential of the Far Eastern Professional PR-community in the Development of a Civil Society
Хохолова И.С., Филиппова В.В. Ментальные карты северных городов Якутии (Верхоянск и Среднеколымск): социокогнитивный подход	40	Khokholova I.S., Filippova V.V. Mental Maps of the Northern Towns of Yakutia (Verkhoyansk and Srednekolymsk): Socio-Cognitive Approach
Обуховский Д.А. Восприятие модели предпринимательского университета студенческим сообществом	48	Obukhovsky D.A. Perception of the Entrepreneurial University Model by the Student Community
Чернов Г.И. Социально-экономический анализ вкусовых практик гастрономического пространства Санкт-Петербурга	55	Chernov G.I. Socio-Economic Analysis of the Eating Habits of the Gastronomic Space of St. Petersburg
Шамаева К.М. Сравнительный анализ ценностных ориентаций молодежи в советское и постсоветское время	59	Shamayeva K.M. Comparative Analysis of Value Orientations of Young People in Soviet and Post-Soviet Time
Ян Юнькэ Феномен сверхурочной занятости в современном Китае: экономико-социологический анализ	62	Yang Yunke The Phenomenon of Overtime Employment in Modern China: Possibilities of Economic and Sociological Analysis
ПСИХОЛОГИЯ	68	PSYCHOLOGY
Морозова И.С., Каргина А.Е. Формирование конструктивных стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций первокурсников средствами психолого-образовательного сопровождения ...	68	Morozova I.S., Kargina A.E. Forming of Constructive Strategies for Overcoming Difficult Life Situations of Freshmen by Means of Psychology-Educational Support
Овчарова Р.В. Самопрезентация личности подростков и юношей в социальной сети	74	Ovcharova R.V. Self-Presentation of the Personality of Adolescents and Young Men in the Social Network

Луныка А.Н.

Социальное самоопределение курсантов
военного института как фактор
социально-психологической адаптации 80

Lunyaka A.N.

Social Self-Determination of Cadets
of the Military Institute as a Factor
of Socio-Psychological Adaptation

Шияневская И.А.

Стратегии копинг-поведения руководителей
с различным уровнем успешности
совместной управленческой деятельности 85

Shiyanevskaya I.A.

Coping Behaviour Strategies
of Executives with Various Levels
of Co-managerial Efficiency

ПЕДАГОГИКА 90**PEDAGOGICS****Бороненко Т.А., Федотова В.С.**

Культура восприятия информации
как компонент
цифровой грамотности школьников 90

Boronenko T.A., Fedotova V.S.

Culture of Information Perception
as a Component
of Schoolchildren's Digital Literacy

**Кораблева Ю.А., Кузьменко Г.А.,
Ким Т.К.**

Ресурсы совершенствования
линий поведения учителя и обучающегося
с задержкой психического развития
в образовательном пространстве
урока физической культуры 99

**Korableva Yu.A., Kuzmenko G.A.,
Kim T.K.**

Resources for Improving Educator
and Learner Behaviour Lines
with Mental Retardation
in the Educational Context
of a Physical Education Class

Булыгина М.В.

Педагогические доминанты в развитии
иностранного языка как учебного предмета
в дореволюционном Южном Зауралье 106

Bulygina M.V.

Pedagogical Dominant Ideas in the Development
of a Foreign Language as an Educational Subject
in the Pre-Revolutionary Southern Trans-Urals

Восковская А.С., Карпова Т.А.

Мобильные технологии
как средство обучения иностранному языку
в неязыковом вузе 110

Voskovskaya A.S., Karpova T.A.

Mobile Technologies as a Teaching Tool
of a Foreign Language
at a Nonlinguistic University

**Линник А.П., Ровенская О.П.,
Стадник С.В.**

Совершенствование экологических знаний
и умений в системе подготовки
авиационного персонала 116

**Linnik A.P., Rovenskaya O.P.,
Stadnik S.V.**

Improvement of Environmental Knowledge
and Skills in the System
of Training of Aviation Personnel

Пирязева Е.Н.

Голоса птиц в содержании
художественно-эстетического воспитания
дошкольников 121

Piryaeva E.N.

Birds' Voices in the Content
of Art-Aesthetic Education
of Preschool Children

Сяпина Т.В.

Исследование познавательной активности
будущих инженеров
в процессе обучения математике 125

Syasina T.V.

Research of the Cognitive Activity
of Future Engineers
when Learning Mathematics

Шайдуллина В.К.

Направления совершенствования
юридического образования
в условиях цифровизации 130

Shaydullina V.K.

Directions for the Improvement
of Legal Education in the Context
of Digitalization

Ялозина Е.А.

Второгодничество как педагогическая
и социально-экономическая проблема
советского всеобуча 1920–1930-х гг. 133

Yalozina E.A.

Grade Repetition as a Pedagogical
and Socio-Economic Problem of the Soviet
Universal Education in 1920s–1930s

Салькова А.В.

Теоретический анализ педагогического
опыта включения музейной среды
в систему художественного воспитания
дошкольников 138

Salkova A.V.

Theoretical Analysis of Pedagogical Experience
of Including Museum Environment
in the System of Early Childhood (Preschool)
Arts Education

Хубешты Е.Г.

Культура здоровья как показатель
готовности студентов к реализации
здоровьесберегающих технологий
в дошкольно-образовательной среде..... 143

Khubeshty E.G.

Health Culture as an Indicator
of Students' Preparation for the Implementation
of Health-Saving Technologies in the Preschool
Educational Environment

Каракаш Ю.Ю.

Формирование музыкальной культуры
у младших школьников на материале
дагестанской профессиональной музыки..... 147

Karakash Yu.Yu.

Formation of Musical Culture
in Younger Schoolchildren
with Dagestan Professional Music

Этические и правовые основы

редакционной политики 152

Ethical and Legal Framework

of Editorial Policy

Порядок и условия публикации 157

Procedures and Conditions for Publication

Порядок рецензирования 160

Peer Review Procedure

График выхода журналов 161

Release Schedule of Magazines

УДК 651.41

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.1>**Фионова Людмила Римовна****Fionova Ludmila Rimovna**

доктор технических наук, профессор,
заведующая кафедрой информационного
обеспечения управления и производства
Пензенского государственного университета
<https://orcid.org/0000-0001-6131-6904>

D.Sc. in engineering, Professor,
Head, Department of Information supplying
of Management and Production,
Penza State University
<https://orcid.org/0000-0001-6131-6904>

ФОРМИРОВАНИЕ СПИСКА НЕОБХОДИМЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО В СФЕРЕ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ*

FORMATION OF A LIST OF INDISPENSABLE COMPETENCES OF A GOVERNMENT OFFICIAL IN THE FIELD OF DOCUMENTATION MANAGEMENT

Аннотация:

В статье сформирован список необходимых компетенций государственного служащего в области документационного обеспечения управления. Использован предложенный ранее автором метод проведения и обработки результатов опроса респондентов. Представлен список нормативных документов, определяющих требования к организации документационного обеспечения управления в органах власти. При выборе формулировок компетенций учтены профессиональные стандарты, применяемые в сфере документационного обеспечения управления для независимой оценки специалистов. Описаны результаты опроса экспертов и государственных служащих, в котором участвовали представители всех категорий госслужащих из различных исполнительных органов государственной власти Пензенской области. Компетенции проранжированы по степени востребованности. Сформированный список можно использовать при проведении кадровых конкурсов и аттестации, разработке образовательных программ для госслужащих и подготовке методических пособий.

Ключевые слова:

государственный служащий, документационное обеспечение управления, экспертный опрос, необходимые компетенции, сформированный список

Summary:

A list of the indispensable competences of a government official in the field of documentation management is formed in the paper. The method proposed earlier by the author for conducting and elaborating the results of the survey of respondents was used. A list of governing documents defining the requirements for the management of documentation in the public authorities is presented. The occupational standards applied in the field of management documentation support for the independent assessment of specialists are taken into account when choosing the competence wording. The results of a survey of experts and government officials, in which representatives of all categories of state employees from various executive bodies of the state authorities of Penza Region participated, are described. The ranking of competencies according to the degree of demand has been carried out. The list can be used for personnel competitions and appraisals, developing training programs for government officials and preparing methodological manuals.

Keywords:

government official, management documentation, expert survey, indispensable competences, generated list

Цифровая трансформация государственного управления затрагивает деятельность каждого государственного служащего и требует изменения подходов к решению повседневных задач. Любой госслужащий ежедневно в обязательном порядке выполняет какие-либо действия с управленческими документами (в том числе с электронными), начиная от просмотра и изучения готовых материалов, заканчивая полным циклом работ, связанным с подготовкой нового документа. Независимо от того, на каком носителе готовится документ, он должен быть грамотно составлен и правильно оформлен. Только в этом случае он будет выполнять функцию, ради которой был создан.

Существует еще ряд качеств, которыми госслужащий должен обязательно обладать, т. к. он – залог успешного функционирования государства. Для поддержания этих качеств и осуществляется непрерывное профессиональное образование или обучение на протяжении всей жизни. Его государственный служащий может осуществлять самостоятельно или через систему образования.

Многолетнее участие в работе кадровых и аттестационных комиссий в Правительстве Пензенской области позволило прийти к заключению о необходимости формирования списка компетенций государственного служащего, связанных с документационным обеспечением управления (далее – ДОУ). Именно знания, умения и компетенции в данной сфере гарантируют эффективные коммуникации органа власти, как внутренние, так и внешние.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-411-580002.

Для выбора формулировок компетенций по ДОУ в первую очередь был составлен перечень основных программных и нормативных документов, определяющих требования к делопроизводству и ДОУ в органах власти на основе приказов Росархива и Федерального архивного агентства [1]. При решении вопроса о включении каждой компетенции в список необходимых (при работе с управленческой документацией) использована ранее описанная методика [2].

Для создания начального списка компетенций были изучены профессиональные стандарты специалистов по ДОУ, в которых описаны трудовые действия, выполняемые с документами [3], и должностные регламенты государственных гражданских служащих Правительства Пензенской области, где зафиксированы их должностные обязанности. Участие в разработке обоих профессиональных стандартов позволило в первую очередь включить в список такую компетенцию, как знание нормативной законодательной базы, регламентирующей ДОУ в органах власти. Это понятно не только экспертам, поскольку каждый шаг в работе с документами связан с той или иной нормой. Любая ошибка в документе органа власти чревата серьезными последствиями. Кроме того, важнейшей компетенцией является владение навыками подготовки деловой корреспонденции. От того, насколько грамотно составлено и оформлено письмо, зависят и качество коммуникации, и имидж органа власти.

Кроме того, во всех регламентах для разных должностей государственной гражданской службы Пензенской области в разделе II, где описываются квалификационные требования, указано, что гражданский служащий должен знать законодательство России и своего субъекта. Среди нормативных законодательных актов также обозначены акты по делопроизводству. При этом у всех в должностных обязанностях предусмотрен подпункт о том, что гражданский служащий «соблюдает правила делопроизводства, в том числе учитывает и хранит полученные на исполнение документы и материалы, своевременно сдает их ответственному за делопроизводство, в том числе при уходе в отпуск, убытии в командировку, в случае болезни или оставления должности» [4].

В подавляющем большинстве должностных регламентов определена необходимость следующих знаний:

- технологии работы со служебными документами и поручениями;
- порядка подготовки, согласования проектов нормативных правовых актов губернатора Пензенской области и Правительства Пензенской области, законов Пензенской области;
- процедуры рассмотрения обращений граждан и юридических лиц;
- процедуры подготовки проектов писем в адрес заявителей, государственных органов и органов местного самоуправления, должностных лиц [5].

Также во всех документах присутствует требование такого профессионального навыка, как умение разрабатывать проекты нормативных правовых актов, осуществлять процедуру их согласования и подписания.

Каждая компетенция перед включением в список согласовывалась с экспертами, в состав которых вошли:

- 1) заместитель директора Государственного архива Пензенской области (далее – ГАПО);
- 2) заместитель председателя Комитета по делам архивов (далее – КДА) Пензенской области;
- 3) начальник Управления делопроизводства и информационно-технического обеспечения Законодательного собрания Пензенской области;
- 4) заместитель начальника Управления по контролю за исполнением управленческих решений Правительства Пензенской области;
- 5) начальник отдела правового кадрового и документного обеспечения;
- 6) заместитель начальника отдела делопроизводства Правительства Пензенской области;
- 7) заместитель начальника отдела Министерства экономики;
- 8) главный специалист-эксперт Управления по обеспечению деятельности губернатора Пензенской области;
- 9) главный специалист-эксперт Правового управления Правительства Пензенской области.

Все эксперты работают с управленческой документацией и, что важно, организуют и контролируют работу с документами других служащих. ГАПО и КДА, представители которых обозначены первыми в списке специалистов, входят в структуру Росархива – главного органа, формирующего правила работы с документами в России.

В первоначальный список было включено 26 компетенций на основе анализа упомянутых нормативных актов [6] и разных должностных регламентов. Для оценки соответствия сформированного списка компетенций реальным функциям, выполняемым госслужащими на рабочих местах, проведен опрос, в котором приняли участие 144 человека из 24 исполнительных органов государственной власти Пензенской области. Участвовали представители всех категорий служащих (секретари, инспекторы, специалисты разных разрядов, ведущие и главные специалисты,

старшие специалисты, специалисты-эксперты, советники, консультанты) из разных министерств, департаментов, управлений, комитетов и отделов. Такой состав и представительство должностей из всех структур обеспечили достаточную точность результатов исследования. Опрос реализован в период прохождения госслужащими повышения квалификации.

Прежде чем оценить важность компетенций, для уточнения их формулировок госслужащим предлагалось также ответить на простые вопросы. Далее приведены примеры некоторых из них.

1. Проекты каких документов Вам приходится чаще всего готовить?
2. Знаете ли Вы, какие документы должны утверждаться руководителем?
3. Знаете ли Вы, как правильно оформляется адресат в письме?
4. Подготовка каких документов вызывает у Вас самые большие трудности?
5. Обращаетесь ли Вы к инструкции по делопроизводству Вашего органа власти, когда нужно подготовить новый документ?
6. Если на обращении гражданина руководитель в резолюции указал кроме Вас еще несколько исполнителей, кто организует исполнение поручения?
7. Знаете ли Вы типовые сроки исполнения документов?
8. Знаете ли Вы, как оформляется виза согласования документа?
9. На какие органы власти распространяются Правила делопроизводства в государственных органах, органах местного самоуправления?
10. Как оформляется реквизит «подпись» на бланке должностного лица?
11. Может ли на документе быть проставлено несколько указаний по исполнению документа от разных должностных лиц?
12. Какое максимальное количество адресатов может иметь письмо без составления списка рассылки?

Информация об ответах на все вопросы была обработана и для облегчения восприятия представлена в виде диаграмм, как показано на рисунках 1 и 2. Особое удивление вызвал ответ на вопрос 4 (см. рисунок 2). Оказалось, что подготовка письма вызывает такие же трудности, как формирование проекта постановления или распоряжения, при этом 30 % участников анкетирования чаще всего составляют именно письма.

Документы, указанные респондентами в ответах на вопрос 1:
"Проекты, каких документов Вам приходится чаще всего готовить?"

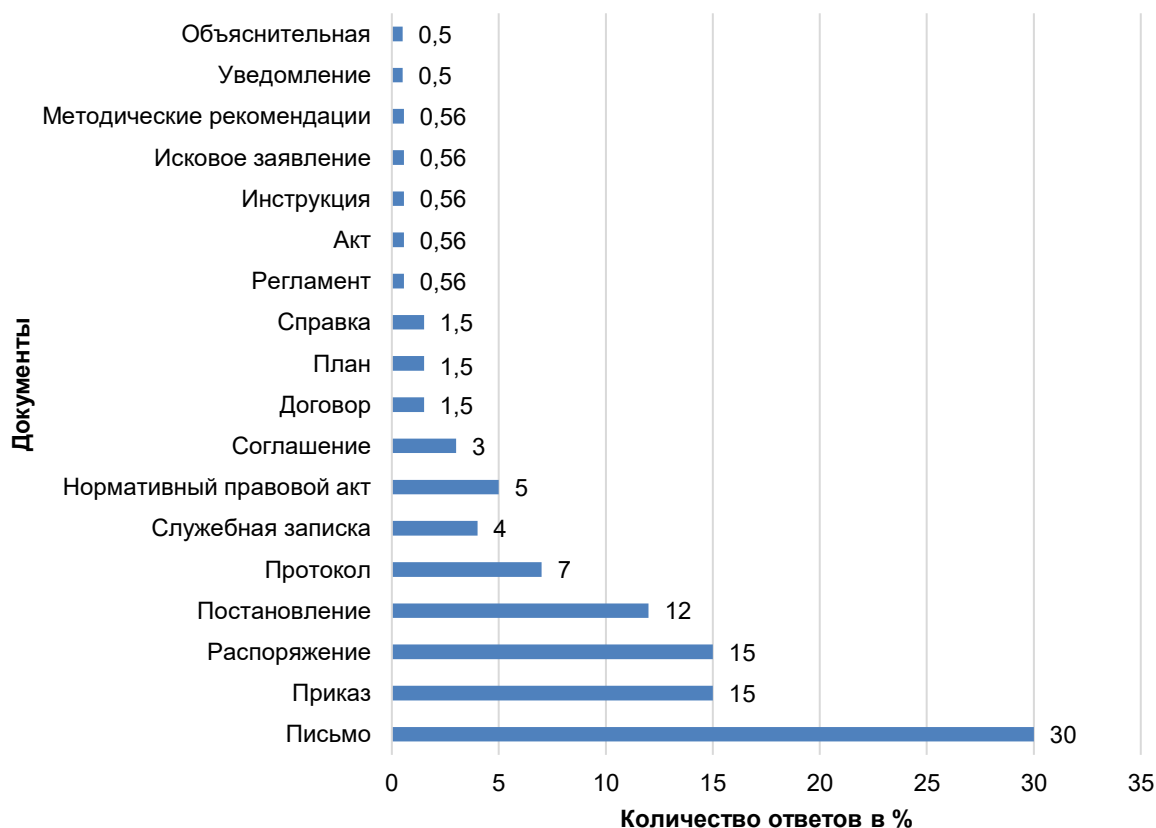

Рисунок 1 – Варианты ответа на вопрос 1

Рисунок 2 – Варианты ответа на вопрос 4

В анкету для оценки важности компетенций вошли самые «популярные» компетенции, указанные экспертами и госслужащими. Участники опроса из обеих групп должны были расставить приоритеты у всех компетенций (на первое место ставилась самая важная для каждого служащего).

При обработке и анализе результатов в каждой группе определялся обобщенный ранг каждой компетенции и рассчитывался весовой коэффициент с использованием метода парных сравнений [7]. Сопоставить ранги самых востребованных 10 компетенций, выставленные членами обеих групп респондентов, можно по таблице 1.

Таблица 1 – Результаты расчета ранга компетенций по ДОУ

Номер компетенции	Описание	Ранг R_i от экспертов	Ранг R_i от госслужащих
2	Владение навыками подготовки деловой корреспонденции	1	1
1	Знание порядка подготовки, согласования проектов нормативных правовых документов	2	3
6	Знание и применение процедуры рассмотрения обращений граждан и юридических лиц	3	2
3	Знание типовых сроков исполнения документов в государственном органе	4	6
5	Владение технологиями работы со служебными документами и поручениями	5	4
7	Знание нормативной законодательной базы, регламентирующей ДОУ в органах власти	6	7
8	Знание и умение использовать в работе инструкции по делопроизводству в органе власти	7	5
9	Умение работать с системой электронного документооборота	8	9
4	Умение использовать в работе электронные шаблоны документов	9	8
10	Знание порядка передачи документов на хранение ответственному за делопроизводство	10	10

Как видно из таблицы 1, оценки экспертов и госслужащих близки. На первом и последнем местах стоят одни и те же компетенции, остальные разнятся в одну-две позиции. Это дает возможность предположить, что владение выбранными 10 компетенциями действительно позволит выполнить весь спектр работ с наиболее востребованными управленческими документами в органе власти.

Сформированный список компетенций использован для подготовки пособия и рабочей тетради – справочника для госслужащих по ДОУ. В дальнейшем его можно применять при проведении кадровых конкурсов и аттестации, подготовке образовательных программ для вновь поступающих на госслужбу либо очередных программ повышения квалификации.

Ссылки:

1. Об утверждении Методических рекомендаций по разработке инструкций по делопроизводству в государственных органах, органах местного самоуправления [Электронный ресурс] : приказ Росархива от 24 дек. 2020 г. № 199. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об утверждении Правил делопроизводства в государственных органах, органах местного самоуправления [Электронный ресурс] : приказ Федерального архивного агентства от 22 мая 2019 г. № 71. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Фионова Л.Р. Оценка готовности госслужащих к работе в электронном правительстве // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 73–77.
3. Специалист по организационному и документационному обеспечению управления организацией [Электронный ресурс] : профессиональный стандарт : утв. приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 15 июня 2020 г. № 333н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Специалист по управлению документацией организации [Электронный ресурс] : профессиональный стандарт : утв. приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 10 мая 2017 г. № 416н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Выписка из должностного регламента с квалификационными требованиями и перечнем функций по должности ведущей группы (консультант) [Электронный ресурс] // Официальный портал Правительства Пензенской области. Управление по обеспечению деятельности губернатора Пензенской области. 2021. URL: <https://pnzreg.ru/authority/government-service/kadrovyy-rezerv/290035> (дата обращения: 19.03.2021) ; Выписка из должностного регламента с квалификационными требованиями и перечнем функций по должности ведущей группы (консультант) [Электронный ресурс] // Официальный портал Правительства Пензенской области. Управление экономического планирования и финансового обеспечения. 2021. URL: <https://pnzreg.ru/authority/government-service/kadrovyy-rezerv/286691> (дата обращения: 19.03.2021).
5. Выписка из должностного регламента с квалификационными требованиями и перечнем функций по должности ведущей группы (консультант) // Официальный портал Правительства Пензенской области. Управление экономического планирования и финансового обеспечения.
6. Об утверждении Методических рекомендаций ... ; Об утверждении Правил делопроизводства ... ; Специалист по организационному и документационному обеспечению ... ; Специалист по управлению документацией ...
7. Малыгина Е.А., Фионова Л.Р. Системный подход к формированию «портфеля» компетенций документоведа на основе мнения работодателей // Вестник Костромского госуниверситета им. Н.А. Некрасова. Сер.: Технические и естественные науки. 2007. № 1 (4). С. 79–82.

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Ханмамедова Виктория Рамизовна

УДК 316.422.42

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.2>**Фирсов Михаил Васильевич****Firsov Mikhail Vasilievich**

доктор исторических наук, профессор,
заместитель декана факультета психологии
по научной работе
Российского государственного
социального университета
<https://orcid.org/0000-0003-0665-5852>

D.Phil. in History, Professor,
Deputy Dean for Research,
Psychology Department,
Russian State Social University
<https://orcid.org/0000-0003-0665-5852>

Лельчицкий Игорь Давидович**Lelchitsky Igor Davidovich**

доктор педагогических наук, профессор,
член-корреспондент РАО;
директор Института педагогического образования
и социальных технологий
Тверского государственного университета
<https://orcid.org/0000-0002-1902-653X>

D.Phil. in Education Science, Professor,
Corresponding Member,
Russian Academy of Education;
Director, Institute of Pedagogical Education
and Social Technologies, Tver State University
<https://orcid.org/0000-0002-1902-653X>

Вдовина Маргарита Владимировна**Vdovina Margarita Vladimirovna**

доктор социологических наук,
профессор факультета социологии
Российского государственного
социального университета
<https://orcid.org/0000-0002-8617-2940>

D.Phil. in Social Science, Professor,
Sociology Department,
Russian State Social University
<https://orcid.org/0000-0002-8617-2940>

Черникова Анна Андреевна**Chernikova Anna Andreevna**

младший научный сотрудник
Института демографических исследований
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
<https://orcid.org/0000-0002-8125-7566>

Junior Research Fellow,
Institute for Demographic Research,
Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences
<https://orcid.org/0000-0002-8125-7566>

КЛИНИЧЕСКИЙ ВЕКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ПЛАТФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ 1.0 В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

THE CLINICAL VECTOR OF MODERNIZATION OF THE SOCIAL WORK PLATFORM 1.0 IN THE CONTEXT OF NEW GLOBAL CHALLENGES

Аннотация:

Целью исследования является выявление и анализ проблем, детерминирующих клинический вектор модернизации платформы социальной работы 1.0 на фоне такого нового глобального вызова, как пандемия коронавирусной инфекции COVID-19. Трансформация модели социальной работы в условиях глобальных жизненных вызовов вносит коррективы в масштабное социальное функционирование человека, изменяя ценностные стратегии массового патогенного поведения. Ретроспективный подход позволил охарактеризовать изменения оформившихся парадигм помощи в их единстве и динамике, противоречии и закономерностях, логике процессов трансверсальности, обосновать актуальность нового вектора развития социальной работы. В контексте транзитивных процессов (неопределенности, изменчивости, множественного многообразия), усиливаемых пандемией COVID-19, обозначены причины и особенности клинической направленности в трансформации платформы социальной работы 1.0.

Ключевые слова:

новые глобальные вызовы, пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, здоровье уязвимых групп населения в социальном контексте, социальная работа, платформа 1.0, модернизация, цифровизация, клинический вектор

Summary:

The study aims to identify and analyze the problems that determine the clinical vector of modernization of the social work platform 1.0 against the background of a new global challenge such as the COVID-19 coronavirus pandemic. The transformation of the social work model in the context of global life challenges makes adjustments to the large-scale social functioning of a human being by changing the value strategies of mass pathogenic behavior. The retrospective approach made it possible to characterize the changes in the established paradigms of assistance in their unity and dynamics, contradictions and regularities, the logic of transversality processes, and to justify the relevance of the new vector of social work development. In the context of transitive processes (uncertainty, variability, multiple diversity), amplified by the COVID-19 pandemic, the reasons and features of the clinical orientation in the transformation of the social work platform 1.0 are outlined.

Keywords:

new global challenges, COVID-19 coronavirus pandemic, health of vulnerable population groups in a social context, social work, platform 1.0, modernization, digitalization, clinical vector

В современных условиях, характеризующихся новыми жизненными вызовами, прежде всего пандемией новой инфекции COVID-19, меняется характер социального взаимодействия людей, увеличивается объем цифровизации и объективно возрастает потребность в трансформации вектора развития социальной работы. Необходимо подчеркнуть, что этому способствуют как факторы эволюционного парадигмального изменения социальной работы, так и средовые исторические факторы, существенно меняющие модели помощи нуждающимся и саму социопатогенную платформу, которая формировалась в течение нескольких столетий.

Тектонические сдвиги платформы социальной работы 1.0 от социопатогенной к модели самопомощения сегодня определяются такими факторами, как глобализация, появление массовых групп населения, нуждающихся в социальных услугах, которыми становятся престарелые люди и инвалиды, оформление отвечающей современным трендам технологической помощи нуждающимся. Такая помощь осуществляется с сохранением традиционных методов работы «лицом к лицу» (офлайн-формат) и использованием цифровых инструментов, позволяющих ее онлайн-организацию, либо используется смешанный формат (офлайн/онлайн). Вместе с тем сегодня начинает генерироваться практика взаимодействия с клиентами на основе NBICS-технологий, дающих возможность оказывать поддержку человеку исходя из его биопсихосоциоконгнитивных проблем, что, несомненно, становится уникальным источником появления новых теоретико-методологических представлений и оформления в их контексте нового образа практики социальной работы.

Бесспорно, развитие новой парадигмы технологической помощи в организации и мониторинге процесса разрешения проблем человека, испытывающего затруднения, позволяет осуществлять социальную работу на протяжении всего жизненного цикла: от ранних стадий развития до процессов позднего возраста, инволюционных и паллиативных. В этом контексте глобальная социальная работа охватывает пространство всего земного шара, несмотря на разность культур, экономик, политических систем. Она вмешивается не только в традиционные проблемы социальности, но и в такие области, как экология, а в последнее время является активным агентом, противодействуя в корпусе других «помогающих профессий» распространению пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией COVID-19.

Следовательно, современная ситуация перехода платформы 1.0 к платформе 2.0 требует осмысления как на уровне национальных подходов, в дискурсах исторического своеобразия развития, так и цивилизационных, дающих возможность наблюдать процессы изменения оформившихся парадигм помощи в их единстве и динамике, противоречии и закономерностях, логике процессов трансверсальности, позволяющих увидеть не только причины, но и тенденции обозначившей себя сегодня платформенной трансформации, по существу, появления нового вектора развития социальной работы.

Пандемия, вызванная коронавирусной инфекцией, модифицировала структуру государственного управления, что повлекло за собой пересмотр концептов «общественного здоровья» в традиционных дискурсах социальных патологий, внося коррективы как в логику государственной социальной политики, так и в организацию повседневной жизни «человека-нуждающегося».

Современное человеческое сообщество, несмотря на географическое многообразие и политические различия, социокультурные особенности своего жизнеустройства, рефлексировалось в настоящее время как пространство патогенного риска. Вполне обоснованно утверждение о том, что пандемия COVID-19 становится таким же значимым фактором цивилизационного риска, как и постоянно возникающие территориальные вооруженные конфликты, недемократические выборы в тех или иных странах, сохраняющиеся ядерные и экологические угрозы, о которых писали социологи на рубеже прошлого и настоящего столетий [1, с. 28; 2].

В этих условиях все более утверждается идея о том, что на смену геополитической парадигме приходит концепт «биополитики», который начинает обретать статус ведущего фактора политического влияния на современное мироустройство. Сегодня становится все более очевидным, что в различных государствах мира управление населением на основе «биополитики власти» в переживаемой нами действительности является не каким-то абстрактным философским концептом, а необходимой социальной технологией по разрешению проблем человека в трудной жизненной ситуации, вызванной пандемией как первой, так и второй волны.

Платформа социальной работы 1.0 в исторической перспективе имела различные версии, которые трансформировались в зависимости от социально-экономических и социокультурных условий. Представляется необходимым остановиться на общих тенденциях ее формирования в различных странах.

Как известно, социальная работа в статусе профессиональной деятельности по оказанию помощи человеку в трудных жизненных ситуациях начинает складываться в начале XX в. Однако ее ранние формы, механизмы поддержки человека в ситуациях индивидуального и общественного кризиса стали определяться значительно раньше, если говорить о западной цивилизации, то еще в глубокой древности, когда формируются механизмы общественного взаимодействия между различными социальными общностями и группами [3]. Именно тогда начинают проявляться основные

противоречия в социальной общности между группами «коллективной стабильности» (субъектами помощи), осуществляющими политику филантропии, и группами «социального иждивенчества», которые в силу своих возрастных, биопсихосоциальных особенностей, социальной депривированности представляли, согласно О. Льюису, «субкультуру обездоленных» [4].

«Субкультура обездоленных» (объекты помощи) как общность исторически воспроизводилась на протяжении столетий, обрела системные характеристики, такие как «беспомощность, зависимость, непричастность, маргинальность» [5]. Содержание этих концептов детерминировалось социально-экономическими и социально-политическими условиями той или иной эпохи. Исторически сложившиеся социальные институты помощи, выполнявшие функции поддержки, интеграции, контроля, имели многообразные формы организации: государственные, общественные, конфессиональные.

Процесс модернизации социальной работы от ее ранних форм до профессиональных осуществлялся не столько как линейный процесс, где процесс институционализации развивался от простых форм помощи к более сложным, сколько как процесс стохастический, для которого были характерны процессы и конвергенции, и дивергенции. Так, модернизация помощи трансформировалась в различные исторические эпохи от стихийной поддержки до упорядоченной, от спонтанных действий родовых и государственных акций помощи отдельным лицам и социальным группам до закрепленного на основе законодательных актов государства и церкви содействия социальным общностям, от филантропических занятий частных лиц и организаций до административной деятельности государственных структур.

В данном контексте следует отметить, что до начала оформления профессионального этапа практики социальной работы правящие элиты и институты влияли на процессы модернизации моделей помощи, поскольку именно им были делегированы функции помощи, а также надзора и контроля за ее осуществлением. Например, контроль за профессиональными нищими на основе трудовой помощи осуществлялся в рабочих домах Англии [6], «ателье де шарите» во Франции, «хунтас де кариадад» в Испании [7], смиренных и прядильных домах в Российской империи, где под контроль брались не только мужчины-бродяги, но и женщины [8].

Изменения в содержании и механизмах помощи, по существу, моделировали новые практики, влияющие на модернизацию помогающей деятельности. Это проявлялось, например, в стихийной активности отдельных людей, в частности в деятельности купца Бюша и экономиста Фохта в XVIII столетии в Гамбурге, а также князя Одоевского в XIX в. в Санкт-Петербурге [9]. В качестве еще одного примера можно привести инициативу самих обездоленных групп: например, в Риме в XVII в., когда хромые, слепые, калеки объединились в корпорации взаимопомощи [10, с. 34.].

Необходимо отметить, что развивающаяся законодательная практика также влияла на изменение практики помощи, что наглядно представлено на примере законодательных актов против нищенства, принятых в европейских странах в XVI–XVIII вв. (табл. 1).

Таблица 1 – Законодательная регламентация нищенства в европейских государствах

Германия	Франция	Англия	Россия
– 1500 г. Имперские указы запрещают нищенствовать – 1530 г. Имперские указы разрешают нищенствовать (если община не могла прокормить их) – 1618 г. Ангальский закон о бедных – 1714 г. Ганноверский закон о нищих – 1794 г. Прусский закон о бедности как угрозе безопасности	– 1551 г. Указ Генриха II о взимании еженедельного налога на нищих – 1560–1561 гг. Законы сейма о репрессивных мерах по отношению к нищенству – 1699 г. Указ Людовика XIV о благотворительных сборах с увеселительных мероприятий – 1793 г. Декрет о праве многодетных родителей на вспомоществование	– 1531 г. Закон о запрете на попрошайничество – 1536 г. Закон о надзоре за попрошайничеством – 1597 г. Закон о помощи старым, слепым и немощным – 1601 г. Закон о бедных – 1722 г. Закон о бедных – 1795 г. Закон о бедных	– 1551 г. Стоглав запрещает клиру просить милостыню – 1589 г. Судебник «Об охране побирающих нищих и калек» – 1691 г. Указ о запрете «лукавых нищих» побираться в Москве – 1712 г. Указ о препровождении нищих в Монастырский приказ – 1718 г. Указ о ловле бродяг и отдаче их в работу – 1771 г. Указ о доставлении в полицию праздновающихся

Ретроспективный анализ свидетельствует о том, что модернизационные импульсы и усилия в исторической перспективе преобразовывались в деятельность социальных работников, которая сегодня на мировой арене представляет собой глобальную сеть помощи и поддержки на основе профессиональной солидарности между специалистами различных стран мира.

В начале XXI в. можно было наблюдать, как на процессы модернизации социальной работы воздействуют не только мировые научные школы, тенденции научно обоснованной практики, мо-

дели образования, которые постоянно совершенствуются, определяя новые эффективные компетенции подготовки специалистов во многих университетах мира. Заметную роль в процессе модернизации социальной работы стали играть IT-технологии, позволяющие оказывать помощь человеку с ранних до поздних этапов жизни [11].

Ключевым агентом модернизации является глобальное профессиональное сообщество, которое через различные механизмы выполняет социальный заказ правящих элит. Наряду с государственными акторами модернизации платформы социальной работы 1.0 в этом процессе участвуют церковь, некоммерческие и общественные организации, осуществляющие помощь субъектам «субкультуры обездоленных» с использованием характерных для этих институтов механизмов «управления случаем» на основе своих технологических практик, социокультурных кодов, ценностных и этических отношений.

Однако наряду со сложившимися эндогенными факторами модернизации появляются экзогенные факторы, которые существенно влияют на процессы модернизации вообще [12] и социальной работы в частности. К таким факторам можно отнести пандемию COVID-19, которая охватила все страны мира, влияя на повседневный уклад жизни человека, экономику, систему управления государством, в том числе и на практику помощи.

Анализ первой волны COVID-19 в 2020 г. показывает, что влияние экзогенных факторов на перманентный процесс модернизации социальной работы вызвано различными явлениями и условиями, среди которых аналитики определяют как важнейшие:

- процессы «новой нормы» и «новой девиации»;
- развитие цифровых технологий, которые позволяют осуществлять помощь нуждающимся клиентам в ситуации удаленного доступа;
- реализацию деятельности в новых условиях, а именно: массовых эпидемий, экологических глобальных катастроф, которые имеют взаимозависимость с региональными и мировыми экономическими, политическим, социальными кризисами [13].

Процессы «новой нормы» как в наиболее развитых странах, так и в наиболее бедных реализуются с позиций усиления репрессивного давления и ужесточения контроля, прежде всего в отношении социально уязвимых групп населения. Однако «новые нормы» в системе социальной защиты населения были связаны с административными мерами по самоизоляции наиболее востребованных групп населения, прежде всего престарелых людей и людей, имеющих мультиморбидные заболевания. В их отношении во многих странах мира создавались определенные программы, которые были направлены на решение проблем продовольственной безопасности, социальной изоляции, цифрового разрыва, когда технологии терапевтической помощи и Е-консультирования реализовывались через IT-технологии [14].

Как показывают исследования, во многих странах, например в Японии, цифровые технологии позволяли более оперативно решать проблемы пожилых и престарелых, семей и детей из группы риска, более эффективно находить решения в межведомственных взаимодействиях, сокращать бюрократические «пробочки» в системе государственного управления [15].

Можно отметить, что в условиях пандемии в социальной работе приоритетными по сравнению с привычными методами, используемыми в офлайн-формате, становятся онлайн-технологии. При этом происходят изменения в подходах к классификации технологий, поскольку вместо анализа эффективности традиционных их видов (индивидуальных, групповых, общинных) методы помощи репрезентируются чаще в контексте дискурса о цифровой трансформации.

Вместе с тем активное использование цифровых инструментов в процессах оказания помощи обозначило ряд проблем, с которыми социальные работники не сталкивались в своей практике ранее. Среди таких проблем, как отмечается в зарубежных исследованиях, основными являются следующие:

- онлайн-технологии социальной работы не позволяют эффективно оценивать положение детей, находящихся в группе риска;
- закрытие школ приводит к невозможности реализации программ поддержки питания детей из социально уязвимых слоев населения;
- онлайн-практика социальной работы не позволяет контролировать и оценивать семейное насилие, в частности насилие над пожилыми людьми в условиях длительного пребывания на ограниченной территории;
- неготовность к встрече с массовыми эпидемиями привела к тому, что во многих странах мира в домах престарелых была зафиксирована самая высокая смертность среди лиц старшего поколения, такая ситуация, например, возникла в Великобритании и Швеции [16].

Среди детерминированных пандемией коронавируса проблем в практике социальной работы следует назвать, в частности, оказание соответствующих услуг через традиционные каналы помощи бездомным, которые к тому же оказались в ситуации невозможности действительной самоизоляции. Во многих странах мира дети, находящиеся на государственном интернатном по-

печении, были возвращены родственникам, а учреждения прекратили свое существование. Данные проблемы стимулировали поиск эффективных технологий социальной работы в условиях пандемии, поскольку сложившиеся традиционные методы помогающих практик не позволяют продуктивно их осуществлять, особенно рельефно это проявилось в профессиональном разрешении клинических случаев, что характерно для всех стран [17].

Другой особенностью, детерминирующей клинический вектор модернизации социальной работы, является не только появление новых проблемных ситуаций и нозологий травмирующего (клинического) случая, но и изменение идеологии помощи. Так, в условиях пандемии социальные патологии и потребности человека, обусловленные концептом «общественного договора» между властью и отдельным человеком, претерпели существенные изменения.

Базис общественного договора, когда человек, согласно З. Фрейду, соглашался с неизбежным «культурным принуждением» на основе доминант потребления и общественной безопасности, сегодня трансформируется. Социальная экология общественной среды изменила правила функционирования социальных учреждений. Формально (де-юре) учреждения социальной защиты в массовом сознании еще отражают «защитные механизмы» коллективного Сверх-Я, направленные против доминирования «господства дурных, социально вредных влечений» [18]. Однако на практике (де-факто) в этих учреждениях реализуются функции «биологии власти», когда в центре внимания оказываются риски биосоциального функционирования человека, его социопатогенные состояния, клинический вектор преодоления которых становится более приоритетным, нежели чем поддержание «общественного порядка и дисциплины» [19].

Еще одна особенность, подчеркивающая значимость клинического вектора модернизации социальной работы и соответственно ее платформы 1.0 в условиях COVID-19, связана с представлениями о «человеке-нуждающемся» в существующей сегодня ситуации неопределенности, стремительно меняющемся социальном пространстве со все более утверждающейся множественностью контекстов жизнедеятельности. В этих обстоятельствах усиливается необходимость управления случаем, потребность клинической направленности помогающей практики.

Можно наблюдать, как социальные условия меняют представления о патологии общества и социальных неврозах, которые были описаны З. Фрейдом. Примечательно, что внимание З. Фрейда, как отмечал Э. Фромм, было сфокусировано на природе конфликта требований человеческой природы и общества. Причиной этого конфликта представлялось общество, которое «в целом может быть больным». Социальный невроз развивается благодаря тому, что цивилизация и культура противоречат потребностям человека. На этой основе возникает коллективный невроз [20, с. 25–26].

Модернизация современной социальной работы развивается в ситуации, когда социальный невроз формируется не только в ситуации «больного» общества, вызванной «цивилизационными тенденциями». Например, в свою очередь, пандемические обстоятельства приносят свою «долю деструктивного состояния» в симптоматику «общественного» невроза, объединяя все многообразие социальных групп в одну большую конгломерацию, которую можно рассматривать как пандемическое социально-виктимное сообщество.

Это пандемическое социально-виктимное сообщество, приобретая социальный невроз, может иметь различные модификации в зависимости от социальных, когортных, возрастных факторов, «мутируя» подобно новым штаммам COVID-19. В частности, у одних социальных групп – пожилых и престарелых – почву для социального невроза образуют доминирующие экзистенциальные проблемы жизни и смерти, которые усугубляются сопутствующими проблемами «естественной изоляции», осложненными условиями, вызванными административными мерами «самоизоляции», что не способствует сценариям «позитивного старения». Французский философ М. Мерло-Понти, осмысляя тело человека как универсум, формирующий смыслы и установки к деятельности, определял его «проводником в мир», «скрепляющим механизмом» бытия субъекта [21]. Однако этот «скрепляющий механизм» при определенных его состояниях является фактором угрозы и риска повседневной жизнедеятельности человека, фактором трудной жизненной ситуации.

Другие социальные группы, например активная часть населения, находящаяся на стадии профессионального социального функционирования, формирования «Я-профессионального», сталкивается с перманентными ситуациями ограниченной возможности или скорее невозможности реализовывать свои карьерные интенции в обстоятельствах повседневной «производственной неопределенности и изменчивости». Это также становится серьезным основанием для социальных неврозов.

Подростки в ситуации самоизоляции лишены общения как ведущего фактора социализации на данном этапе личностного развития. Природа социальных неврозов и агрессивного поведения лежит в основе эрзац-общения в среде подростков, которые активно используют в условиях самоизоляции мессенджеры, и они уже не столько добавляют, сколько определяют дискурсы и направленность общения. Ограниченные коммуникации с помощью мессенджера WhatsApp не дают возможности получить полный спектр эмоционального вербального общения,

где интонации, невербальные средства взаимодействия имеют такое же значение, что и вербальные сообщения между коммуникаторами.

Платформа 1.0 оформлялась в течение почти двух тысячелетий как патогенная модель помощи и поддержки, где в процессе ее эволюции формировались принципы, техники и программы работы с социально уязвимыми группами населения. «Архитекторами» данной платформы на разных этапах исторического пути выступали правящие элиты, политические деятели, активисты благотворительности, различные конфессиональные и общественные организации и их лидеры, а на позднейших этапах развития – социальные работники, которые дали импульс становлению различных направлений помогающих профессий.

В центре внимания технологий помощи на платформе 1.0 всегда находится работа с «обездоленным большинством», поиск решения проблем в логике «контроля – исправления» на уровне как административных мер, так и групповых, а впоследствии – индивидуальных стратегий, когда трудная жизненная ситуация клиента рассматривается как проявление одной из разновидностей социальной болезни. Глобализация трансформирует как массовое поведение, так и образы мира, представление о сложившихся связях, отношениях, а также сущность «общественного здоровья» как совокупного показателя благосостояния, свобод, прав человека, реализации его возможностей и интенций [22, с. 25–26].

Как нам представляется, социальная работа сегодня столкнулась с новыми вызовами, активно модифицируя помогающую платформу 1.0. Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 существенно изменяет понимание проблематики человека в трудных жизненных ситуациях, влияет на индивидуализацию подходов, структуру управления индивидуальным случаем и дизайн управления проблемной ситуацией на всех уровнях. Все это позволяет утверждать о значимости клинического вектора модернизации платформы социальной работы 1.0, определяющего стратегический контекст платформы социальной работы 2.0.

Ссылки:

1. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелнику и Н. Фёдоровой. М., 2000. 384 с.
2. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / пер. с англ. И. Тюриной. М., 2005. 528 с.
3. Coe J.A.R., Menon G.M. Computers and Information Technology in Social Work: Education, Training, and Practice. Boca Raton (Fla.), 2000. 205 p.
4. Lewis O. The Culture of Poverty // Society. 1998. Vol. 35. P. 7–9. <https://doi.org/10.1007/bf02838122>.
5. Карвацкий А., Антонович Д. Андеркласс и культура бедности в среде бывших государственных сельских хозяйств в контексте теоретических и интерпретационных дискуссий [Электронный ресурс] / пер. с польск. Н. Сидяченко // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 1. С. 36–70. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/910/614/1216/03_Karwackix26Antonowicz.pdf (дата обращения: 13.12.2020).
6. Compton B.R. Introduction to Social Welfare and Social Work: Structure, Function, and Process. Homewood (Ill.), 1980. 598 p.
7. Beier A.L., Ocobock P. Cast Out: Vagrancy and Homelessness in Global and Historical Perspective. Athens (Ohio), 2008. 396 p.
8. Фирсов М.В., Черникова А.А. От социопатогенного пространства помощи к пространству самоопечения: генезис и трансформация платформы 1.0 // Социальные контексты здоровья : монография / З.Х. Саралиева, С.А. Судьин, А.М. Бекарев, Г.Л. Воронин [и др.]. Н. Новгород, 2020. С. 106–143.
9. Фирсов М.В. Социальная работа в России: теория, история, общественная практика. М., 1996. 448 с.
10. Делюмо Ж. Цивилизация Возрождения / пер. с фр. И. Эльфонда. Екатеринбург, 2006. 720 с.
11. Service Workforce Safety and Wellbeing during the Covid-19 Response [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unicef.org/media/68501/file/Social-Service-Workforce-Safety-and-Wellbeing-during-COVID19-Response.pdf> (дата обращения: 13.12.2020).
12. Beier A.L., Ocobock P. Op. cit.
13. Survey nazionale sul contagio COVID-19 nelle strutture residenziali e sociosanitarie [Электронный ресурс] // Istituto Superiore di Sanità. Aggiornamento. 2020. 05 maggio. URL: <https://www.epicentro.iss.it/coronavirus/pdf/sars-cov-2-survey-rsa-rapporto-3.pdf> (дата обращения: 11.10.2020).
14. Социальные последствия пандемии COVID-19 и инклюзивность [Электронный ресурс] // Счетная палата Российской Федерации. 2020. 37 с. URL: <ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-inclusion.pdf> (дата обращения: 13.12.2020).
15. Online Page 1w-000011.html [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/territory/page1w_000011.html (дата обращения: 12.12.2020).
16. Statistics on COVID-19 among the Older People by Type of Housing [Электронный ресурс] // The Swedish National Board of Health and Welfare. 2020. URL: <https://www.socialstyrelsen.se/en/statistics-and-data/statistics/statistics-on-covid-19/> (дата обращения: 11.12.2020).
17. Ibid.
18. Гидденс Э. Указ. соч. ; Куттер П. Принуждение в неврозе и в обществе // Энциклопедия глубинной психологии / пер. с нем. под ред. А.М. Боровикова : в 3 т. Т. 1. Зигмунд Фрейд: жизнь, работа, наследие. М., 1998. С. 657–681.
19. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М., 1996. 416 с.
20. Фромм Э. Здоровое общество / пер. с англ. Т. Банкетово, С. Карпушиной. М., 2019. 528 с.
21. Цит. по: Фирсов М.В. История социальной работы. М., 2019. 400 с.
22. Фромм Э. Указ. соч. С. 25–26.

Редактор, переводчик: Сергейчик Людмила Ивановна

УДК 004.94:316.42

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.3>**Воронин Дмитрий Юрьевич****Voronin Dmitry Yurievich**доцент кафедры социальных коммуникаций
Севастопольского государственного университетаAssociate Professor,
Department of Social Communication,
Sevastopol State University**Кузнецов Павел Николаевич****Kuznetsov Pavel Nikolaevich**доцент кафедры программной инженерии
интеллектуальных систем
Севастопольского государственного университетаAssociate Professor, Department
of Software Engineering for Intelligent Systems,
Sevastopol State University**Евстигнеев Владислав Павлович****Evstigneev Vladislav Pavlovich**доцент кафедры программной инженерии
интеллектуальных систем
Севастопольского государственного университетаAssociate Professor, Department
of Software Engineering of Intelligent Systems,
Sevastopol State University**Ярмак Ольга Валерьевна****Yarmak Olga Valeryevna**заведующая кафедрой социальных коммуникаций
Севастопольского государственного университетаHead, Department of Social Communications,
Sevastopol State University**АГЕНТНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ДИНАМИКИ КОНСОЛИДАЦИИ
ОБЩЕСТВА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ
ПРОЦЕДУР КИБЕРМЕТРИИ
ИНТЕРНЕТ-КОНТЕНТА*****AGENT-BASED MODELLING
OF SOCIETAL CONSOLIDATION
DYNAMICS USING INTERNET
CONTENT CYBER-METRICS
ALGORITHMS****Аннотация:**

Формирование взаимоуважения и согласия между представителями разных национальностей и народностей в Республике Крым имеет большое социально-политическое значение. В современных условиях эта проблема не потеряла остроты, а наоборот, с учетом новых экстремистских и террористических вызовов приобрела новые аспекты. Таким образом, научное исследование с применением агентных технологий является актуальным. В статье основное внимание уделяется анализу консолидации общества при использовании процедур киберметрии интернет-контента. Наряду с классическим математическим аппаратом, пригодным для обработки социологических данных, предлагаются механизмы киберметрии, базирующиеся на технологиях гибридного имитационного моделирования. На практике это позволит учесть особенности рассматриваемой предметной области, а также гетерогенность акторов объекта исследования, их индивидуальные особенности и целевые установки на новом методологическом уровне, что будет, несомненно, способствовать повышению качества принимаемых решений.

Ключевые слова:

консолидация общества, агентное моделирование, киберметрия, интернет-контент, социальные сети, принятие решений, анализ динамики социологических процессов, гибридная имитационная модель

Summary:

The formation of mutual respect and consent between representatives of different nationalities and ethnicities in the Republic of Crimea is of great socio-political importance. In the current context, this problem has not abated, but on the contrary, it has acquired new aspects in view of new extremist and terrorist challenges. Thus, the scientific research carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-011-31565 using agent technologies is relevant. An analysis of societal consolidation using Internet content cyber-metrics algorithms is the major focus of this publication. Alongside classical mathematical tools applicable for processing sociological data, cyber-metrics mechanisms based on hybrid simulation technologies are proposed. In practice, this will allow the peculiarities of the subject area under consideration, as well as the heterogeneity of the actors of the object of study, their individual characteristics and targets to be taken into account at a new methodological level. This will undoubtedly contribute to improving the quality of the decision-making process.

Keywords:

societal consolidation, agent-based modelling, cybermetrics, internet content, social media, decision-making, sociological dynamics analysis, hybrid simulation model

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31565 «Социологическое измерение межнационального и межрелигиозного согласия в Республике Крым и Севастополе при использовании полумарковских процессов и агентного моделирования».

Идеологическое противоборство мировых держав на политической арене в настоящее время приобретает дополнительные особенности. Все чаще активно используются технологии информационных войн и методы «мягкой силы» для нанесения идеологического урона противнику. В частности, интернет-контент, создаваемый пользователями социальных онлайн-сетей и крупными медиаресурсами, а также сервисы по его распространению и алгоритмы формирования персонализированных информационных рекомендаций (новостная лента «ВКонтакте», «Инстаграм», «Фейсбук», ранжирование результатов запросов пользователя в поисковых системах, рекомендации контента в видеосервисах и т. д.) давно превратились в мощный инструмент распространения вирус-идей, позволяющий за счет многократного усиления мнений отдельных пользователей формировать информационное поле, воздействующее на широкие массы людей, управляя психологическим состоянием общества и становясь объектами и средствами информационного контроля, а в отдельных случаях – даже ареной информационного противостояния и важным компонентом геополитических процессов [1]. У противоборствующих сторон появляется возможность использовать современные технологии агентного моделирования и киберметрии интернет-контента для изучения коллективных действий пользователей в виртуальной среде. Таким образом, современное общество весьма уязвимо перед целенаправленным деструктивным воздействием, формируемым в рамках информационной войны и развития угроз для безопасности и стабильности государства [2].

Для эффективного управления описанными процессами необходимо иметь развитые информационные технологии, позволяющие анализировать и измерять ключевые характеристики интернет-контента, например отклик населения на информационные поводы в разных социальных медиа. Достаточно содержательной оценкой отклика может быть изучение реакции граждан на различные аспекты информационной повестки, которая может быть проявлена в виде текстовых реплик, комментариев, действий по распространению или блокированию соответствующего контента. На основании анализа комплексных оценок в динамике можно выявлять зависимость между содержанием информационных сообщений и эмоциональной реакцией населения, а также формировать прогнозные сценарии поведения потребителей различного контента [3].

Необходимо отметить, что такие важные характерные особенности российского общества, как многонациональность и поликонфессиональность, часто являются ключевыми факторами для формирования западными державами деструктивной стратегии дестабилизации обстановки в регионе [4]. Это обстоятельство формирует дополнительные вызовы, которые должны быть парированы эффективными информационными технологиями, базирующимися на развитых процедурах анализа динамики консолидации общества. Таким образом, актуальность тематики данной статьи не вызывает сомнений.

Современные технологии киберметрии интернет-контента базируются на широком использовании моделей анализа социальных сетей [5]. Для выявления скрытых структур и закономерностей, содержащихся в пользовательском контенте, а также типовых шаблонов и их сочетаний применяются следующие ключевые методики и программные продукты [6]:

- интент-анализ (Ethnograph, Leximancer, Minnesota Contextual Content Analysis);
- контент-анализ (CrawdadDesktop, INTEXT, Kwalitan, PROTAN, Yoshikoder);
- фоносемантический анализ (Vaal, DIATON);
- морфологический анализ (ATLAS.ti, Textanz, TextArc);
- синтаксический анализ (ProfilerPlus, DictaScope);
- дискурс-анализ (CATPAC);
- нарративный анализ (LIWC, PC-ACE);
- экспертная оценка текста;
- семантический анализ (PROTAN, T-LAB).

По результатам обзора можно сделать ряд выводов.

1. Большинство технических решений, которые могут применяться для оценки факторов, описывающих динамику консолидации общества, к сожалению, не задействуют в полной мере научно-практический потенциал современных технологий агентного моделирования, что не позволяет детально выявлять особенности причинно-следственных связей социологического характера при использовании процедур киберметрии интернет-контента.

2. Существующие подходы в основном не ориентированы на создание интегрированных предиктивных показателей изменения динамики консолидации общества в условиях геополитического информационного противостояния.

3. Существующие подходы к анализу социальных медиа в недостаточной степени ориентированы на решение междисциплинарной крупномасштабной научной задачи формирования и укрепления социального иммунитета в условиях многонациональности и поликонфессиональности российского общества.

Отмеченные обстоятельства заставляют задуматься о необходимости формирования эффективных средств оценки и противодействия деградиционным воздействиям на интернет-аудиторию, препятствующих тем самым распространению экстремистских настроений, направленных на дестабилизацию политической обстановки в современном российском обществе [7].

Для оценки динамики процессов консолидации социума предлагаем использовать гибридную модель, целевое назначение которой состоит в формировании компромиссного объема государственной поддержки, обеспечивающего необходимый уровень вклада рассматриваемой социальной группы в обеспечение консолидации общества в анализируемом регионе. Исходными данными для нее являются параметры, характеризующие взаимодействия акторов социальной среды. Результат ее функционирования – найденное минимальное значение объема государственной поддержки, достаточное для достижения требуемого уровня консолидации. Изучаются три основных актора: «представитель социальной группы», «государство», «регулятор». В предлагаемой гибридной модели выделены следующие функциональные блоки:

Φ_{Π} – оценивает объем участия «представителя социальной группы» в социально-экономических процессах, которое он готов обеспечить «государству» при складывающейся государственной поддержке;

Φ_{Γ} – оценивает необходимый объем участия «представителя социальной группы» для удовлетворения интересов «государства» при складывающемся объеме государственной поддержки;

Φ_P – формирует управляющие воздействия «регулятора» по коррекции объема государственной поддержки «представителя социальной группы».

Формально предлагаемая модель реализует отображение $\mathfrak{Z} \rightarrow c^{\text{ОПТ}}$, где $\mathfrak{Z} = \langle c^0, \Phi_{\Pi}, \Phi_{\Gamma}, \Phi_P \rangle$ – кортеж, описывающий информационное обеспечение рассматриваемой модели;

c^0 – начальный объем государственной поддержки «представителя социальной группы»;

$c^{\text{ОПТ}}$ – найденный оптимальный объем государственной поддержки «представителя социальной группы», необходимый для обеспечения заданного уровня консолидации общества в регионе.

Формализация функциональных требований описывается системой (1):

$$\left\{ \begin{array}{l} \frac{dc}{dt} = \Phi_P(c^0, W(V_{\Pi}, V_{\Gamma}, t), u_P); \\ V_{\Pi}(t) = \Phi_{\Pi}\left(c, \frac{dc}{dt}\right); \\ V_{\Gamma}(t) = \Phi_{\Gamma}\left(c, \frac{dc}{dt}\right); \\ u_P = \lambda W(V_{\Pi}, V_{\Gamma}, t) + \beta \int_0^T W(V_{\Pi}, V_{\Gamma}, t) dt + \gamma \frac{dW(V_{\Pi}, V_{\Gamma}, t)}{dt}; \end{array} \right. \quad (1)$$

при начальных условиях c^0 .

где c – объем государственной поддержки, складывающейся в текущий такт функционирования модели;

$\frac{dc}{dt}$ – дифференцирующая составляющая, описывающая скорость изменения объема государственной поддержки для обеспечения консолидации общества в регионе;

W – системная характеристика модели (функция потерь);

V_{Π} – объем участия «представителя социальной группы», которое ожидает «государство» при господдержке в объеме c ;

V_{Γ} – объем участия «представителя социальной группы», которое он в состоянии оказать «государству» при господдержке в объеме c ;

u_P – управляющие воздействия «регулятора» по коррекции c ;

λ, β, γ – коэффициенты усиления пропорциональной, интегрирующей и дифференцирующей составляющих ПИД-регулятора, которые могут быть найдены при использовании процедур адаптивного выбора вариантов или нейронных сетей.

На рисунке 1 представлена организационно-функциональная структура предлагаемой модели. Она является одноканальной: прямой канал реализуется функциональными блоками Φ_{Π} , Φ_{Γ} ; обратная связь – блоком Φ_P .

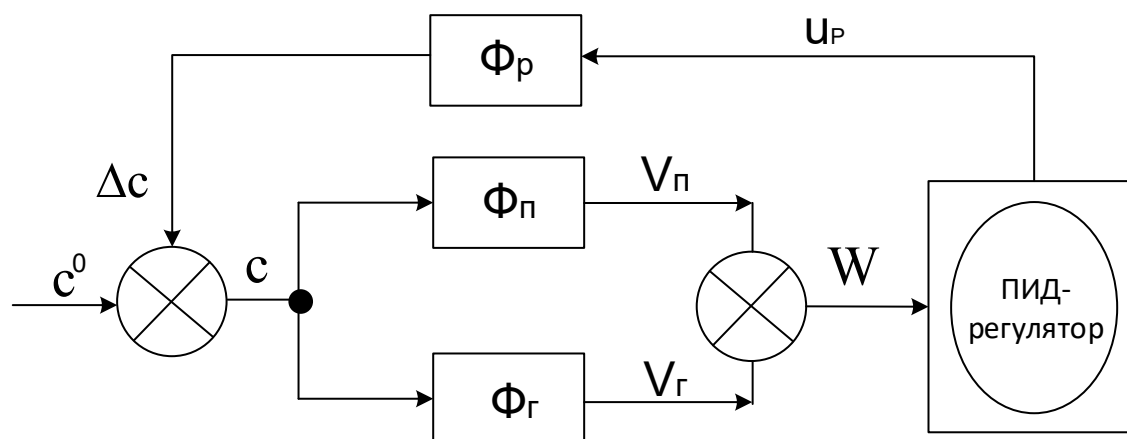

Рисунок 1 – Организационно-функциональная структура модели управления акторным равновесием при предоставлении услуги облачным сервисом

Формализационная модель реализована с использованием среды имитационного моделирования AnyLogic, применена процедура поиска на основе модифицированного ПИД-регулятора. Начальные условия c^0 задает ЛПР. Динамика изменения $V_П$ и $V_Г$ описывается при помощи выражения (2):

$$\begin{cases} V_П(t, \Delta t) = V_П(t_0, \Delta t) \cdot \alpha(t) + c(t_0, \Delta t) \cdot \beta(t); \\ V_Г(t, \Delta t) = V_Г(t_0, \Delta t) \cdot \gamma(t) + c(t_0, \Delta t) \cdot \mu(t), \end{cases} \quad (2)$$

где $\alpha(t)$, $\gamma(t)$ – коэффициенты, учитывающие «инертность» акторов;
 $\beta(t)$, $\mu(t)$ – коэффициенты, учитывающие «эластичность» акторов.
 Очевидно, что:

$$\begin{cases} \frac{V_П(t)}{\Delta t} = V_П(t_0) \cdot \alpha(t) + c(t) \cdot \beta(t); \\ \frac{V_Г(t)}{\Delta t} = V_Г(t_0) \cdot \gamma(t) + c(t) \cdot \mu(t). \end{cases} \quad (3)$$

Далее приведены диалоговые окна программной реализации модели при использовании среды имитационного моделирования AnyLogic. На рисунках 2 и 3 представлен интерфейс проведения экспериментов с реализованной моделью.

В результате анализа графических зависимостей можно сделать вывод, что через определенное число условных единиц модельного времени автоколебания затухают и формируется требуемое управление, обеспечивающее консолидацию общества в рамках социальной группы при минимально необходимом объеме государственной поддержки. Предложенный подход в отличие от известных реализован в агентоориентированной парадигме при использовании системно-динамической библиотеки среды имитационного моделирования AnyLogic, модифицированного ПИД-регулятора и направлен на применение развитых процедур киберметрии интернет-контента. Данный научный результат является междисциплинарным, включает в себя различные аспекты современных информационных технологий для поиска компромисса при акторном взаимодействии объектов социологической системы: «представитель социальной группы», «государство», «регулятор». Анализ динамики консолидации общества с помощью процедур киберметрии интернет-контента выполнен на уровне детализации, приемлемом для принятия системных решений по преодолению коллизий, возникающих при поиске оптимальных решений по консолидации общества.

В качестве направления дальнейшего исследования динамики акторов рассматриваемой предметной области целесообразно для анализа прямых и обратных реакций использовать агентные технологии имитационного моделирования. Они позволяют описывать процессы консолидации общества с учетом их цикличности, неоднородности переходов, моно- и мультиориентированности адаптационных механизмов, а также учитывать данные процессной идентификации для компонент функционального и личностного уровней изучаемых этнических групп.

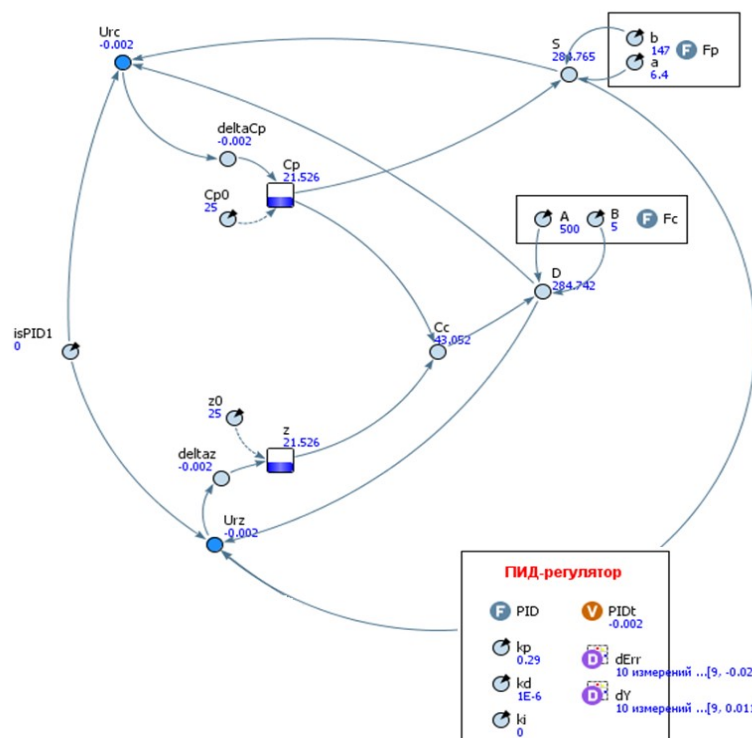

Рисунок 2 – Интерфейс проведения экспериментов с моделью

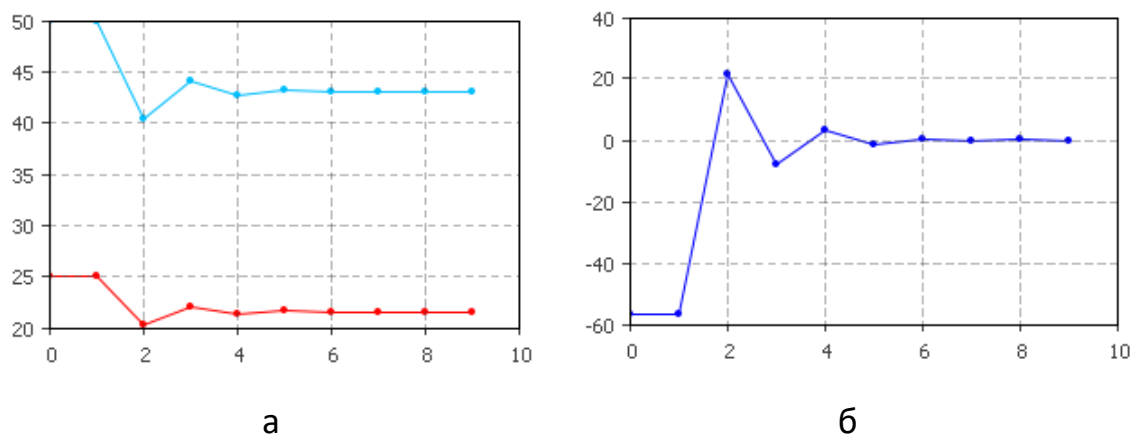

Рисунок 3 – Графические зависимости:

а – динамика изменения V_n (голубая линия) / V_g (красная) в зависимости от модельного времени;
 б – динамика изменения ошибки управления в зависимости от модельного времени

Ссылки:

1. Оценка динамики межнационального согласия при использовании комплекса марковских и полумарковских моделей / Д.Ю. Воронин, А.В. Скатков, О.В. Ярмук, П.Н. Кузнецов, В.П. Евстигнеев // International Journal of Open Information Technologies. 2021. Т. 9, № 2. С. 59–64.
2. Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2018. 224 с. ; Agent-Based Simulations of Emotional Dialogs in the Online Social Network MySpace / B. Tadic, M. Suvakov, D. Garcia, F. Schweitzer // Cyberemotions: Collective Emotions in Cyberspace. Cham, 2017. P. 207–229. https://doi.org/10.1007/978-3-319-43639-5_11.
3. Нейросетевые технологии анализа тональности мнений для реализации человек-ориентированной концепции трансформации городской среды / Д.Ю. Воронин, П.Н. Кузнецов, В.П. Евстигнеев, Р.Н. Литвинова, С.А. Митягин // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Т. 8, № 7. С. 76–83.
4. Кузнецова Ю.А., Ильин О.И. Массовые онлайн-мероприятия как инструмент преодоления социальной изолированности населения // Теория и практика общественного развития. 2020. № 7 (149). С. 19–26. <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.7.2>.
5. Самсонова Т.Н., Цыганкова Д.Н. Основные проблемы и направления достижения консолидации российского общества // Там же. № 11 (153). С. 24–31.

6. Bergenti F., Franchi E., Poggi A. Selected Models for Agent-Based Simulation of Social Networks // Proceedings of the 3rd Symposium on Social Networks and Multiagent Systems. York, 2011. P. 27–32 ; Bolzern P., Colaneri P., De Nicolao G. Opinion Influence and Evolution in Social Networks: A Markovian Agents Model // Automatica. 2019. Vol. 100. P. 219–230. <https://doi.org/10.1016/j.automatica.2018.11.023> ; Prabowo R., Thelwall M. Sentiment Analysis: A Combined Approach // Journal of Informetrics. 2009. Vol. 3, no. 2. P. 143–157. <https://doi.org/10.1016/j.joi.2009.01.003> ; Smelser N.J. Theory of Collective Behavior. L., 2013. 484 p. ; Social Network Analysis: An Example of Fusion between Quantitative and Qualitative Methods / R.Y. Nooraie, J.E.M. Sale, A. Marin, L.E. Ross // Journal of Mixed Methods Research. 2020. Vol. 14, no. 1. P. 110–124. <https://doi.org/10.1177/1558689818804060> ; Truong Q.D., Truong Q.B., Dkaki T. Graph Methods for Social Network Analysis // International Conference on Nature of Computation and Communication. Cham, 2016. P. 276–286. https://doi.org/10.1007/978-3-319-46909-6_25.
7. Бреев В.В. Стохастические модели социальных сетей // Управление большими системами : сборник трудов. 2009. № 27. С. 169–204 ; Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб., 2005. 461 с. ; Smelser N.J. Theory of Collective Behavior. L., 2013. 484 p.

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Ханмамедова Виктория Рамизовна

Коркия Эка Демуриевна**Korkiya Eka Demurievna**

кандидат социологических наук, доцент
кафедры социологии коммуникативных систем
социологического факультета
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова

PhD, Associate Professor,
Department of the Subdepartment of Sociology
of Communication Systems,
Moscow State University

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО ОДИНОЧЕСТВА В КУЛЬТУРЕ ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЯ

THE PHENOMENON OF SOCIAL LONELINESS IN ONLINE LEARNING CULTURE

Аннотация:

В статье рассматривается проблема социального одиночества у подростков в контексте увеличения доли онлайн-обучения. Исследуется феномен социального одиночества в различных научно-культурных трактовках. Предпринята попытка выделения детерминантов социального и культурологического процессов. Особое внимание уделяется социальным эффектам культуры онлайн-обучения. Проводится социокультурный анализ возможных последствий социального одиночества у подростков. На основе представления и обзора теорий и концепций по данному вопросу автор подчеркивает, что явление социального одиночества, обусловленного онлайн-обучением, непосредственно связано с развитием личности, оно может негативно отразиться на социализации и индивидуализации человека. В соответствии с социокультурным подходом весь процесс такого обучения проходит в рамках «жизненного мира», который представляет собой события, явления, влияющие на восприятие индивидом себя и общества.

Ключевые слова:

социальное одиночество, онлайн-обучение, COVID-19, дистанционное обучение, подростковый возраст, изоляция, онлайн-образование, культура обучения, информационные технологии, социальные практики, информационный кризис, культурная среда

Summary:

The article examines the problem of social loneliness in adolescents in the context of an increase in the percentage of online education. The phenomenon of social loneliness is investigated in various scientific and cultural interpretations. An attempt has been made to isolate the determinants of social and cultural processes. Particular attention is paid to the social effects of the culture of online learning. A sociocultural analysis of the possible consequences of social loneliness among adolescents is carried out. Based on the presentation and review of theories and concepts on this issue, the author emphasizes that the phenomenon of social loneliness caused by online learning is directly related to personality development. It can affect the socialization and individualization of a person negatively. In accordance with the socio-cultural approach, the entire process of such training takes place within the framework of the "life world", which is represented by events, phenomena that affect the individual's perception of himself and society.

Keywords:

social loneliness, online learning, COVID-19, distance learning, adolescence, isolation, online education, learning culture, information technology, social practices, information crisis, cultural environment

С развитием информационных технологий, их широкого потенциала все ощутимее становится диффузия образования и IT-технологий, которые тотально внедряются в сферу образования. Современное обучение уже сложно представить без мультимедиа сопровождения, как и современного подростка без смартфона. Сциентизация социальных практик, произошедшая на наших глазах, с необходимостью изменила и всю систему образовательных технологий. Определенный драйв в этот процесс внесла и пандемия.

Эпидемия COVID-19 заставила образовательные системы мира строить весь учебный процесс с опорой исключительно на достижения технологий, поэтому на первое место в нем вышли средства опосредованной коммуникации. Уроки переместились на образовательные площадки, а персональная и групповая коммуникация – в видеочаты и мессенджеры. В период вынужденного дистанционного обучения (фактически целый год) подростки ведут учебную коммуникацию подобным образом. Онлайн-обучение стало социокультурным феноменом и институцией в современном мировом пространстве.

В результате данного процесса, сложного и многовариантного по последствиям, особую актуальность приобретает проблема качества социализации детей и подростков. Школа традиционно, по статусу, при всех вариациях развития помимо образовательной функции выполняла еще воспитательную и социализирующую. При взаимодействии со сверстниками учащийся получает первый опыт выстраивания отношений в коллективе, групповой работы, а также образцы поведенческих паттернов. В условиях дистанционного обучения значительно страдает именно социальная часть образовательного процесса. Отчужденность и изолированность ребенка от

коллектива и живого общения, что само по себе неестественно, создают опасность возникновения чувства одиночества. Хотя школьник находится в семье, продолжает живое общение с родителями и де-факто не остается один, отсутствие личного взаимодействия со сверстниками может приводить к формированию особого ощущения – социального одиночества.

Проблема одиночества стала актуальной для человека с момента возникновения общества, с ходом развития социальной сферы эволюционировали и многообразные подходы к пониманию значения одиночества для индивида. На сегодняшний день существует широкий спектр концепций и методик анализа состояния социального одиночества. Следовательно, чтобы вести речь о противодействии формированию данного феномена, необходимо разобраться в трактовке понятия и причинах его появления [1].

Процесс активного становления теоретических концепций в социальной науке в конце второй половины XIX в. постулировал обновленный порядок интерпретации переживания ощущения одиночества, который зиждился на полипредметности теоретических изысканий и психологических исследований, а также определении доминант различного порядка в природе человеческого бытия [2, с. 304; 3]. В обозначенный период происходит явная дифференциация многообразных подходов к трактовке феномена одиночества. Наступившая эпоха господства модернизма в психологической науке опирается на тенденции объективизации знания в научной интерпретации. Зарубежное гуманитарное знание углубляется в индивидуальные экзистенциальные аспекты человеческой жизни. Так, популярные теории персонализма, тейярдизма, философии жизни и другие внесли весомый вклад в выработку европейской рефлексии по проблемам одиночества. В свою очередь, русская философская мысль выделялась глубинным психологизмом, субъективизмом и пронизывающим трагизмом. Одиночество интерпретируется в ней через призму поиска человеком пути к саморазвитию, самосовершенствованию, достижению истины. Здесь одиночество выступает как неотъемлемый атрибут развития и символ близости к истинности бытия [4].

Проблематика социального одиночества получила отражение в социальной научной мысли. Однако для предметного понимания и выработки операциональных теорий необходимо обратиться и к другим концепциям, в частности к психологическому пониманию феномена одиночества. Так, видный представитель психоаналитического направления Э. Фромм считал, что одиночество имманентно человеческому существованию, потому что является прямым следствием оторванности людей от единства с природным бытием. В силу этого человеку свойственно испытывать чувство одиночества в отношении не только к глобальным бытийным принципам мироздания, но и в том числе к ближайшему социальному окружению. Э. Фромм делает акцент на том, что личное переживание изолированности и отсутствия приобщенности к какой-либо социальной группе может приводить и зачастую приводит к серьезным психологическим отклонениям, а также к патологии и девиации дальнейшего психофизического развития [5]. Исследователь утверждает, что даже абсолютное удовлетворение базовых физиологических потребностей не может гарантировать индивиду продуктивное гармоничное саморазвитие, поскольку в подобном случае разворачивается процесс изоляции от окружающего социума. Э. Фромм выделил два пути постепенного принятия и преодоления всеобъемлющей изоляции. Первый характеризуется устремлением к обретению единства на духовном, сакральном, социальном или межличностном уровне. Второй путь выражается доминирующей позицией субъекта по отношению к окружающему его социуму, что должно создавать феномен консолидации окружающих личность людей, а самого индивида – выносить за границы создающего данное единое и целостное [6].

Позиция Э. Фромма представляет собой, по сути, гуманистическую эволюцию и проработку идей З. Фрейда. Классический психоанализ, опирающийся на идеи его основателя, определяет одиночество как абсолютно негативный феномен, который выражается в отсутствии гармонизации человеком инстинктивно- бессознательного и морально-этического. Некорректная реализация либидозной энергии в описанном случае влияет на постепенное или радикальное усугубление изоляции личности от общества, что приводит к ряду психических и поведенческих девиаций [7].

Современники Э. Фромма – не менее известные исследователи В. Франкл и К. Роджерс – предложили иную трактовку феномена одиночества. Так, первый рассматривает данное состояние личности через призму отсутствия смысла жизни в целом, вместе с нереализованностью в профессиональной сфере и области близких межличностных контактов, что он определял базисным с точки зрения обретения смысла в любви и интенциональности человеческого бытия. Это приводит к толкованию одиночества как состояния потери смысла собственной реализации, замкнутости на самом себе, что не позволяет найти смысл в трансцендентном, выходящем за пределы понимания себя как индивида и общества и как совокупности индивидов [8].

В свою очередь, К. Роджерс выдвигает теорию социально желательного поведения, которое противопоставляется истинной самоактуализации. Индивид ставится перед выбором: качественно адаптироваться для того, чтобы достигать личных целей и в дальнейшем двигаться к

самоактуализации, или развиваться в сторону противопоставления социальному и, теряя гибкость и общественную адаптивность, нивелировать любую возможность для реализации собственных социальных потребностей [9].

Р. Вейс разделяет ресурсность и подкрепление переживания одиночества, размышляя о парадоксальности внешней атрибутики благополучия и интеграции в какую-либо социальную общность. В переживании одиночества он определяет два направления. Первое характеризуется непосредственной эмоциональной изоляцией личности, что, в свою очередь, опосредовано неудовлетворенностью личной близостью и доверительностью собственных контактов с конкретным человеком. Второе направление отражает одиночество социальное, которому свойственно ощущение отсутствия необходимого круга социальных контактов [10].

На амбивалентность природы переживания одиночества указывает Дж. Фландерс, который помещает социальное одиночество в границы собственного теоретико-системного подхода. Со стороны реализации процесса общественных отношений переживание человеком хронического одиночества становится деструктивной интенцией на дороге к патологиям в ходе интеграции в социальную деятельность. При этом осознанный подход индивида к собственному переживанию одиночества должен стать рефлексивным инструментом для изменения стратегии самореализации, а также реализации своего потенциала в профессиональной деятельности и межличностном общении [11].

Д. Янг определяет понятие одиночества через различия в уровне развития когний. Одиночество, по его мнению, есть следствие несоответствия желаемого уровня развития и глубины существующих социальных контактов с доступным уровнем: «Одиночество – отсутствие или воображаемое отсутствие удовлетворительных социальных отношений» [12, с. 552].

Сказанное приводит к трактовке одиночества как некой формы кратковременной или длительной социальной изолированности, разрыва социальных связей индивида, который ощущает потребность в неформальных контактах, а описанный разрыв порождает у него комплекс отрицательных эмоций. Под подростками мы понимаем детей в возрасте 12–14 лет, что соответствует периоду младшего подросткового возраста в возрастной периодизации Д.Б. Эльконина, а также детей в возрасте 15–17 лет, что отвечает старшему подростковому возрасту в той же периодизации. Важной особенностью социального одиночества у подростков является именно возраст, в котором оно возникает, что напрямую коррелирует с возможными последствиями [13, с. 23].

При прохождении кризисов взросления ребенок меняется как внешне, так и внутреннее. Изменения связаны с гормональной перестройкой организма, в силу чего возникает интерес к противоположному полу. Особое значение приобретает то, насколько твои внешность и поведение соответствуют принятым в группе, от чего зависит самооценка. Неравномерность внешнего развития и проблемы в установлении социального контакта в рефератной группе могут вести к попыткам дистанцироваться от общества. Как правило, именно в подростковом возрасте формируется возможность разделения понятий одиночества и уединения. Если младшие школьники и дошкольники одиночество чаще всего определяют как отсутствие людей вокруг, то подростки говорят о неудовлетворительности качеством общения в коллективе. Речь идет о ситуации, когда формально подросток включен в социум, но устоявшихся дружеских связей в нем не имеет.

В подростковом возрасте проблема одиночества приобретает настолько важное значение, что ее изучение и решение становится одной из приоритетных задач возрастной психологии, педагогики [14]. Подростковый возраст – время формирования самосознания, становления личности, когда она обязательно сталкивается с переживанием чувства одиночества [15]. По мнению отечественного ученого И.С. Кона, «чувство одиночества... это нормальное явление, следствие рождения внутренней жизни» [16, с. 59]. Подросток в этом возрасте стремится продемонстрировать окружающему миру, а также самому себе свои уникальность, ценность, неповторимость и значимость. В итоге он сталкивается с переживанием одиночества, откровенного «разговора с собой», в результате чего происходят индивидуализация, обособление и развитие личности [17].

На сегодняшний день феномен социального одиночества в культуре онлайн-обучения трансформируется, приобретая принципиально новые грани в цифровом обществе. Еще до перехода на дистанционные методы обучения социальное одиночество в среде подростков входило в список основных причин суицида наряду с другими личностными девиациями с такими социально опасными последствиями, как депрессия, алкоголизм, игромания [18]. По данным официальной статистики, в современном мире 1 млн человек каждый год кончает жизнь самоубийством, в силу чего важно уделить внимание специфике формирования социального одиночества, особенно механизмам социализации подростка в условиях изолированности от прямого контакта с учебным коллективом. В условиях дистанционного обучения коммуникация как с учащимися, так и с педагогами осуществляется через «посредника», а именно видео- и аудиоконференции, а также социальные сети. Если в случае с видеосвязью задача в большей степени сводится к передаче и контролю усвоения учебного материала, то в случае социальных сетей речь идет о формировании специфического социума – виртуального коллектива учащихся.

Рассмотрение вопроса интернет-коммуникации на сегодняшний день не имеет аксиологической оптики о пользе или вреде такого общения. Однако мы склонны полагать, что общение в социальных сетях сейчас является повсеместно распространенным и неотъемлемым феноменом социальной жизни не только подростка, но и взрослых. В силу этого наблюдается необходимость изучения социальных сетей исключительно как способа опосредованной социализации подростка.

Существует ряд исследований, представляющих порой противоположные взгляды на пользу интернет-коммуникации в среде подростков. Отечественные авторы А.И. Войскунский и В.Д. Менделевич пришли к негативным выводам. В частности, быстрое и регулярное просматривание сайтов и контента социальных сетей приводит к тому, что мозг человека начинает утрачивать способность к аналитическому мышлению. Это превращает постоянных пользователей в импульсивных и не способных к интеллектуальной работе людей [19]. Ученые считают, что созданные как дополнительные средства коммуникации социальные сети при длительном обращении к ним формируют социальную проблему: у пользователей-подростков появляются сложности в общении с новыми людьми, а попадание в незнакомую компанию становится стрессовой ситуацией. Со временем молодой человек замыкается в себе, что неизбежно влияет на учебу, возникают проблемы с приемом пищи и сном, справиться с которым без помощи специалиста становится затруднительно. Кроме того, по мнению данных авторов, помимо мыслительных и психических отклонений могут наблюдаться физиологические заболевания. В итоге уход в виртуальное общение ведет к редукции навыков взаимодействия с другими людьми, нарушениям в эмоциональной сфере, поскольку виртуальная реальность не дает истинного представления об окружающем мире, формируется ощущение реальности виртуального мира и абсолютной ненужности естественного, повседневного. При этом у подростков фиксируется искаженное восприятие собственной личности, объективной реальности, что приводит к трудностям при становлении дифференцированных и адекватных представлений о себе. Перенос коммуникации из реальных условий социума в сеть обуславливает аутизацию подростка, который начинает хуже распознавать реальные человеческие эмоции [20, с. 31].

Однако существует противоположное мнение. Так, М.В. Шматко и Е.А. Савченко реализовали исследование, в результате которого пришли к выводу, что тренировка коммуникативных навыков в социальных интернет-сетях позволила ее участникам накопить положительный опыт и применить его при установлении личных контактов [21]. Авторы отметили, что погружение подростков в опосредованный мир социальных сетей может привести к формированию различного рода страхов, связанных с личным общением только при отсутствии коммуникативных навыков как таковых, т. е. опыта удачного общения в референтной группе до использования возможностей социальных сетей. Кроме того, проведенный учеными эксперимент наглядно показал, что независимо от коммуникативного потенциала, врожденных способностей человека можно научить эффективной коммуникации с другими людьми, а также добиться целей через информационное воздействие.

В заключение стоит отметить, что проблема социального одиночества существовала в течение всей истории человечества. Осознанное уединение может вести к социокультурному личностному прогрессу, способствовать развитию навыка саморефлексии и самоанализа. Однако вынужденная изоляции способна обеспечить ускоренное формирование деструктивных личностных кризисов у подростка, поскольку ввиду изолированности от сверстников он обладает меньшими возможностями наблюдения подобных кризисов, а значит, имеет в арсенале меньше стратегий совладения с ними.

В контексте онлайн-обучения следует уделить значительное внимание использованию социальных сетей как средства для создания виртуальной культурно-коммуникативной среды, где подросток будет иметь возможность общения как с группой сверстников, так и индивидуально с каждым из них. Как правило, этому способствует создание виртуальных классов, где учащиеся объединяются в команды для достижения учебных или социальных целей. Проблема профилактики социального одиночества имеет огромное значение для успешной социализации личности, социально-экономического и культурного развития общества. Однако не менее важна параллельная работа по формированию у подростка чувства социальной ответственности за свои действия, воспитанию стремления иметь благополучную семью, укреплению уважения к представителям противоположного пола, развитию умения учитывать интересы окружающих и способности к самоорганизации, что в целом свидетельствует о необходимости исследования проблематики социокультурного воспитания и становления личности в условиях культуры онлайн-среды. Современный этап культуры онлайн-обучения отражает не только общий тренд на цифровизацию образовательных практик, но и широкий спектр социальных процессов: атомизацию общества, дискретность культурного поля и вынужденную изоляцию.

Ссылки:

1. Коркия Э.Д. Одиночество как предмет социокультурологического исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12. С. 38–41. <https://doi.org/10.23672/11142-1217-9355-q>.
2. Мамардашвили М. Психологическая топология пути // Мир человека : хрестоматия для учащихся полной средней школы (X–XI кл.) / под ред. А.Ф. Малышевского. М., 1993. С. 297–306.
3. Moustakas C.E. Loneliness. Englewood Cliffs, 1961. 128 p.
4. Фромм Э. Бегство от свободы. М.; Мн., 2005. 383 с.
5. Фромм Э. Здоровое общество / пер. с англ. Т. Банкетовой. М., 2006. 539 с.
6. Чурилова Е.Е., Каминская М.А. Феномен одиночества в философии и психологии // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 1. С. 114–129. <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.20.013>.
7. Фрейд З. Тотем и табу. М., 1997. 446 с.
8. Франкл В.Э. Человек в поисках смысла : сборник : пер. с англ. и нем. М., 1990. 367 с.
9. Роджерс К.: 1) К науке о личности // История зарубежной психологии : тексты. М., 1986. С. 14–40 ; 2) Эллен Вест и одиночество // Московский психотерапевтический журнал. 1993. № 3. С. 30–45.
10. Вейс Р.С. Вопросы изучения одиночества // Лабиринты одиночества : пер. с англ. / сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М., 1989. С. 114–128.
11. Flanders J.P. A General Systems Approach to Loneliness // Loneliness. A Sourcebook of Current Theory, Research and Therapy / ed. by L.A. Peplau, D. Perlman. N. Y., 1982. P. 166–179.
12. Янг Дж.И. Одиночество, депрессия и когнитивная терапия: теория и ее применение // Лабиринты одиночества. С. 552–593.
13. Платонова Н.М. Основы социальной педагогики : учебное пособие. СПб., 1997. 118 с.
14. Дольто Ф. На стороне подростка / пер. с фр. А.К. Борисовой. СПб., 1997. 278 с.
15. Старшенбаум Г.В. Любовь против одиночества. М., 1991. 64 с.
16. Кон И.С. Открытие «я». М., 1978. 367 с.
17. Там же.
18. Самоубийцы среди нас – официальная статистика [Электронный ресурс] // Статистика.ru : портал статистических данных. 2007. 15 нояб. URL: http://statistika.ru/naselen/2007/11/15/naselen_9298.html?curPos=10 (дата обращения: 22.03.2021).
19. Бабаева Ю.Д., Войсунский А.Е., Смыслова О.В. Интернет: воздействие на личность // Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А.Е. Войсунского. М., 2010. С. 11–39.
20. Там же. С. 31.
21. Шматко М.В., Савченко Е.А. Оценка лидерского и коммуникативного потенциала абитуриентов и студентов омских вузов // Омские социально-гуманитарные чтения – 2016 : материалы IX Международной научно-практической конференции. Омск, 2016. С. 220–224.

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна

УДК 316.3

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.5>**Маркина Юлия Михайловна****Markina Yulia Mikhailovna**

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры рекламы и связей
с общественностью
Тихоокеанского государственного университета

PhD in Social Science,
Associate Professor,
Department of Advertising and Public Relations,
Pacific National University

Пестова Яна Николаевна**Pestova Yana Nikolayevna**

начальник отдела
коммуникационного сопровождения
Корпоративного университета РЖД

Head of PR Support Department,
Corporate University of Russian Railways

ПОТЕНЦИАЛ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО PR-СООБЩЕСТВА В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

POTENTIAL OF THE FAR EASTERN PROFESSIONAL PR-COMMUNITY IN THE DEVELOPMENT OF A CIVIL SOCIETY

Аннотация:

В настоящее время все больше актуализируется проблема роли и потенциала профессиональных сообществ в развитии гражданского общества. При этом остается за кадром деятельность тех из них, чей функционал напрямую связан с выстраиванием коммуникации между всеми заинтересованными группами общества: властью, СМИ, бизнес-структурами, некоммерческими организациями – сообществами специалистов по связям с общественностью. Данная статья посвящена анализу функций профессионального PR-сообщества Дальневосточного региона и его потенциала в развитии гражданского общества. Эмпирической базой исследования послужили результаты экспертного опроса специалистов по связям с общественностью Дальневосточного федерального округа. Сделан вывод о том, что сегодня существует готовность самоорганизованного PR-сообщества к консолидации своих функций в решении социальных вопросов и выстраиванию диалога среди ключевых акторов гражданского общества, однако данный процесс нуждается в координации и ресурсах.

Ключевые слова:

профессиональное сообщество, PR-сообщество, функции профессионального сообщества, гражданское общество, Дальний Восток России

Summary:

Currently, the problem of the role and potential of professional communities in the development of a civil society is becoming more and more relevant. At the same time, the activities of such professional communities which functionality is directly related to building communications between all interested groups of the public: the government, the media, business structures, non-profit organizations, namely, communities of public relations specialists remain behind the scenes. The present study provides the analysis of the functions of professional PR community of the Far Eastern region and its potential in the development of a civil society. The results of an expert survey of public relations specialists in the Far Eastern Federal District made an empirical basis of the study. It is concluded that nowadays the self-organized PR community is ready to consolidate its functions related to solving decisions and conducting a dialogue between the key actors of a civil society, although this process needs coordination and resources.

Keywords:

professional community, PR community, professional community functions, civil society, Russian Far East

Современная ситуация развития гражданского общества в России связана с ростом неинституционализированной активности населения, под которой понимается деятельность неформальных сообществ и объединений. Именно усиление низовой самоорганизации является сегодня трендом, в рамках которого создаются механизмы для участия граждан в процессе выработки и принятия решений [1]; продолжается и процесс становления основных общественных институтов.

В российской науке можно выделить несколько исследовательских групп и научных школ, которые занимаются изучением проблематики гражданского общества и роли профессиональных сообществ в его развитии. Они функционируют на базе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Института социологии Российской академии наук, Санкт-Петербургского государственного университета и др. В исследовательские коллективы входят такие ученые, как И.В. Мерсиянова, Л.И. Якобсон, Н.В. Ковалева, Е.В. Израелян, Л.Г. Ионин, А.Л. Нездуров, А.Ю. Сунгуров, Г.И. Абдрахманова, Н.В. Ковалева, С.В. Санович и др. [2]. Отмечается, что самоорганизованные профессиональные сообщества могут быть актором гражданского общества, когда «выполняют роль посредника между ним и властью в интересах профессиональной сферы» [3].

Профессиональные сообщества – это неформальные объединения специалистов одной сферы деятельности, связанных общими ценностями и интересами и ориентированных на развитие профессиональных навыков. Подобные структуры являются результатом самоорганизации представителей одной профессии и решают широкий круг задач: от узкой ориентации на достижение узкопрофессиональных целей до активного участия в решении общественно-значимых вопросов.

Также подобное объединение специалистов может рассматривать членов гражданского общества как партнеров и/или объектов для реализации своей социальной ответственности. К примеру, профессиональное PR-сообщество может оказывать консультационные и/или образовательные услуги некоммерческим организациям по продвижению и повышению значимости гражданских инициатив, реализовывать коммуникационные проекты по популяризации лучших практик некоммерческого сектора и многое другое.

В современных научных исследованиях эмпирической базой для изучения профессиональных сообществ и их самоорганизации в России чаще всего выступают объединения специалистов классических профессий – врачей, учителей, юристов, в поле зрения социологов находятся также политологи, специфика деятельности которых связана с изучением общественной ситуации [4]; журналисты, оперирующие социальной информацией, то есть касающейся общества и человека [5]. Однако сегодня коммуникационные специальности должны рассматриваться шире, нежели в рамках одной журналистской среды. В условиях развития информационного общества приобретает значимость изучение объединения специалистов по связям с общественностью [6], а также проблема самоорганизации профессионального PR-сообщества.

Можно обозначить стратегически важную закономерность функционирования профессионального PR-сообщества, которая повышает ценность изучения его потенциала в развитии гражданского общества в двух параметрах. С одной стороны, это связано с самой миссией и ценностями деятельности по формированию общественного мнения и сознания, выстраиванию доверительных связей с людьми и двусторонних коммуникаций, диалога между всеми субъектами, что является ценностями гражданского общества. С другой стороны, процесс самоорганизации и самоидентификации самих специалистов по связям с общественностью является подтверждением высокого уровня развития, ответственности, самоконтроля и рефлексии данной профессиональной группы, что позволяет говорить о формировании именно сообщества.

Сегодня профессиональные PR-сообщества объединяют представителей профессии специалиста по связям с общественностью организаций, работающих в органах власти, СМИ, коммерческих и некоммерческих организациях, то есть обеспечивают взаимодействие между представителями разных сфер деятельности. Более того, тенденция развития профессионального PR-сообщества направлена на вовлечение в дискуссии и проекты журналистов, социологов, политологов и т. д. Следовательно, подобные объединения являются территорией межсекторального социального партнерства. Объединение активов каждого из его участников может обладать синергетическим эффектом в реализации инициатив профессионального сообщества, в том числе направленных на решение общественно-значимых вопросов.

Таким образом, профессиональные сообщества обладают потенциалом развития гражданского общества и как его акторы, и как партнеры.

Представляет интерес опыт локальных объединений и реализация функций профессионального PR-сообщества Дальневосточного региона в развитии гражданского общества.

В ходе проведенного исследования был задействован метод экспертного опроса в форме онлайн-интервью PR-специалистов Дальневосточного федерального округа (n = 281) по теме «Профессиональная самоорганизация специалистов по связям с общественностью ДФО». География респондентов: Хабаровский край – 19 %, Приморский край – 15 %, Республика Саха (Якутия) – 12 %, Амурская область – 10 %, Сахалинская область – 9 %, Забайкальский край – 8 %, Республика Бурятия – 7 %, Камчатский край – 6 %, Чукотский автономный округ – 6 %, ЕАО – 5 %, Магаданская область – 3 %. Опрос проходил в августе – ноябре 2020 года. Эксперты отмечают, что тенденция к самоорганизации профессионального сообщества в регионе наблюдается с 2015 г. и приобрела уже осязаемые формы. На момент проведения исследования в Дальневосточном федеральном округе функционировали три профессиональных PR-сообщества – «Дальневосточная гильдия работников пресс-служб», «Дальневосточная школа PR», «Медиашкола: дальневосточный репортер».

В ходе опроса респондентам было предложено проранжировать степень задействования известных им региональных сообществ в области связей с общественностью Дальнего Востока России в реализации функций профессиональных сообществ, в том числе как акторов гражданского общества. Указанные функции условно можно разделить на две группы по целевому признаку:

1. Функции, направленные на развитие профессионального PR-сообщества и ориентированные на внутреннюю аудиторию (актуализация профессионального стандарта, формирование, реализация, корректировка образовательного стандарта при обучении студентов по направлению PR, формирование внутривидового комьюнити, нетворкинг, выполнение функций профсоюза: оказание повсеместной помощи представителям профессии, повышение квалификации).

2. Функции, способствующие повышению статуса профессии во внешней среде (формирование престижа профессии, лоббирование интересов отрасли в органах власти, оценка уровня компетенций представителей профессии: проведение сертификаций, развитие сферы публичных коммуникаций, анализ и продвижение трендов, популяризация лучших практик, реализация благотворительных проектов, формирование этических норм и трансляция моральных ценностей).

Экспертный опрос показал, что представители профессии «Специалист по связям с общественностью» оценивают функционал региональных PR-сообществ как широкий (табл. 1).

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос «В реализации каких функций участвуют известные вам региональные профессиональные PR-сообщества?», %

№	Вариант ответа	Принимают активное участие	Участвуют, но не в полной мере	Не участвуют, а участвовать необходимо	Не участвуют, и это не требуется
1	Влияние на повышение социального статуса профессии, формирование престижа профессии	47	22	22	9
2	Формирование, реализация, корректировка образовательного стандарта при обучении студентов по направлению PR	45	27	17	11
3	Актуализация профессионального стандарта	44	34	12	10
4	Формирование внутривидового комьюнити, нетворкинг	40	29	24	7
5	Развитие сферы публичных коммуникаций, анализ и продвижение трендов, популяризация лучших практик и т. п.	38	32	22	8
6	Повышение квалификации	34	38	18	10
7	Формирование этических норм и трансляция моральных ценностей	33	29	23	15
8	Оценка уровня компетенций представителей профессии: проведение сертификаций и т. п.	26	36	23	15
9	Лоббирование интересов отрасли в органах власти	26	31	22	21
10	Реализация благотворительных проектов	25	38	25	12
11	Выполнение функций профсоюза: оказание повсеместной помощи представителям профессии	18	22	34	26

Каждый третий респондент видит еще не в полной мере реализованный потенциал профессиональных сообществ в осуществлении таких функций, как лоббирование интересов отрасли в органах власти, оценка уровня компетенций, реализация благотворительных проектов и повышение квалификации. По мнению экспертов, оказание разносторонней помощи представителям PR-профессии является значимым, но игнорируется отраслевыми сообществами.

Среди анализируемых функций нет ни одной, которая была бы оценена экспертами как принципиально неактуальная. При этом стоит отметить, что наблюдается небольшое противоречие в ответах об участии в осуществлении функции лоббирования интересов отрасли в органах власти: четверть респондентов считает, что профессиональные сообщества не реализуют эту функцию, при этом половина опрошенных отмечает необходимость такой деятельности, а оставшиеся не считают ее целесообразной. Позиция респондентов по этому вопросу объясняется сферой дея-

тельности эксперта: специалисты по связям с общественностью государственных и муниципальных организаций указывают на необязательность выполнения рассматриваемой функции, в то время как их коллеги из коммерческого сектора отстаивают обратное, и это логично.

Стоит отметить, что есть и другие существенные различия в ответах экспертов при срезе по сферам деятельности. По мнению респондентов, работающих в коммерческой сфере, профессиональные сообщества в области PR принимают активное участие в формировании, реализации, корректировке образовательного стандарта при обучении студентов по направлению «Связи с общественностью» (55 %), обеспечении внутрив профессионального комьюнити и нетворкинга (54 %), актуализации профессионального стандарта (53 %). При этом PR-специалисты, работающие в государственной сфере, настаивают на активном участии профессиональных сообществ в реализации функций, направленных на внешнюю среду: влияния на повышение социального статуса профессии, формирования престижа профессии (38 %), развития сферы публичной коммуникации, анализа и продвижения трендов (38 %).

Интересен и тот факт, что PR-специалисты государственного сектора не видят потенциальной значимости участия профессиональных сообществ в реализации функций профсоюзов (40 %), в то время как их коллеги из коммерческого сектора считают, что именно это и необходимо (41 %). Обнаруженный факт может быть объяснен выраженной профсоюзной деятельностью в государственных структурах и абсолютным отсутствием таковой в коммерческих организациях.

В реализации таких функций, как организация благотворительных проектов, формирование и трансляция этических норм, помощь коллегам по цеху в решении личных и рабочих вопросов эксперты видят еще одно проявление потенциала профессиональных сообществ в роли актора гражданского общества. Здесь профессиональные компетенции данного сообщества могли бы способствовать развитию системной благотворительности, ответственного общества. Результаты экспертного опроса показывают, что данные функции оцениваются представителями профессии «Специалист по связям с общественностью» как важные, но реализуемые не в полном объеме.

Таким образом, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, дальневосточное самоорганизованное PR-сообщество уже сейчас осознает свою готовность к консолидации функций, касающихся решения социальных вопросов и выстраивания диалога среди ключевых акторов гражданского общества, однако данный процесс нуждается в координации. Представители PR-профессии осознают важность участия в гармонизации общества, выражающегося в повышении уровня ответственности в вопросах этики и морали, в заботе и поддержке коллег по цеху, в реализации благотворительных инициатив.

Во-вторых, дальневосточные PR-специалисты отмечают роль профессиональных сообществ в развитии сферы связей с общественностью: прежде всего, в формировании престижа профессии, участии в корректировке образовательных вузовских программ, актуализации профессионального стандарта специалиста по связям с общественностью. Все это позволяет охарактеризовать дальневосточное PR-сообщество как профессиональное объединение, нацеленное на реализацию своих приоритетных функций и намеренное участвовать в развитии коммуникационной отрасли и гражданского общества.

Ссылки:

1. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год. М., 2017. 100 с.
2. Гражданское общество в модернизирующейся России: аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества – CIVICUS» / Л.И. Яковсон [и др.]. М., 2011. 60 с.
3. Мерсиянова И.В., Чешкова А.Ф., Краснополская И.И. Самоорганизация и проблемы формирования профессиональных сообществ в России. М., 2011. 196 с.
4. Карягин М.Е., Сунгуров А.Ю. Современное российское политологическое сообщество – первые шаги к анализу // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 8–20. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.02.02>.
5. Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Журналистское сообщество в оценках журналистов // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. № 5. С. 78–94.
6. Абрамов Р.Н. Связи с общественностью: профессиональные объединения и их влияние на сферу PR // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 96–106. <https://doi.org/10.31857/S013216250012552-0>.

Редактор: Ситникова Ольга Валериевна
Переводчик: Герасимова Валентина Евгеньевна

УДК 316.7(571.56)

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.6>

Хохолова Ирена Семеновна

Khokholova Irena Semenovna

кандидат филологических наук,
доцент кафедры французской филологии
Института зарубежной филологии и регионоведения
Северо-Восточного федерального университета

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of French Philology,
Institute of Modern Languages and Regional Studies,
North-Eastern Federal University

Филиппова Виктория Викторовна

Filippova Viktoriya Viktorovna

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения РАН

PhD in History, Senior Researcher,
Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences

МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ СЕВЕРНЫХ ГОРОДОВ ЯКУТИИ (ВЕРХОЯНСК И СРЕДНЕКОЛЫМСК): СОЦИОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД*

MENTAL MAPS OF THE NORTHERN TOWNS OF YAKUTIA (VERKHUYANSK AND SREDNEKOLYMSK): SOCIO-COGNITIVE APPROACH**

Аннотация:

Целью статьи является выявление образов северных городов Якутии (Верхоянск и Среднеколымск) посредством ментальных карт и разработка когнитивных карт с использованием геоинформационных систем (ГИС) для развития территорий и туристских маршрутов. Методологическую основу составили метод ментальной карты, экспертный опрос, геоинформационное картографирование. В ходе исследования установлено, что специфика образа Верхоянска заключается в его позиционировании как полюса холода с научной точки зрения. Образ Среднеколымска представлен как город освоения Севера русскими казаками, как исторический город на реке Колыме. Ключевые позиции в социально-когнитивной карте занимают символы страданий, в частности, наблюдается яркая выраженность мест памяти событий Гражданской войны, Великой Отечественной войны, а также значимость роли политических ссыльных в развитии северных городов. Сделан вывод о том, что моделирование образов провинциальных городов с применением ГИС-технологий через корреляцию природных ландшафтов и историко-культурных памятников как символов позволяет выявить социально-экономическую составляющую местности. Разработанные карты систематизируют и структурируют туристско-рекреационный потенциал северных городов Якутии, что способствует их социально-экономическому развитию.

Ключевые слова:

северные города, ментальная карта, экспертный опрос, культурный ландшафт, символы, образ, социум, социокогнитивный подход, ГИС

Summary:

The aim of the paper is to identify images of the northern towns of Yakutia (Verkhoyansk and Srednekolymsk) through mental maps and to create cognitive maps using geographic information systems (GIS) for the development of territories and tourist routes. The method of mental map, expert survey, GIS technology map are applied. The study found that the specificity of the image of Verkhoyansk lies in its positioning as a pole of cold from a scientific point of view. The image of Srednekolymsk is presented as a town of development of the North by Russian Cossacks, as a historical town on the Kolyma River. Symbols of suffering occupy key positions in the socio-cognitive map, in particular, the vivid expression of places of memory of the events of the Civil War, the Great Patriotic War, as well as the importance of the role of political exiles in the development of northern towns. It is concluded that the modeling the images of provincial towns using GIS technologies through the correlation of natural landscapes and historical and cultural monuments as symbols allows us to identify the socio-economic component of these areas. The developed maps systematize and structure the tourist and recreational potential of the northern towns of Yakutia, which contributes to their socio-economic development.

Keywords:

northern towns, mental map, expert survey, cultural landscape, symbols, image, society, socio-cognitive approach, GIS

Введение. Изучение семиотики культурного ландшафта и исторической памяти предполагает системно-синергетический подход к теоретизированию от прочтения «пространственного текста» к моделированию образа пространства во времени. Применение метода ментальной

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ № 20-011-31324 «Символическое пространство северных городов Республики Саха (Якутия) в контексте социально-политических процессов».

** The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project №20-011-31324 "Symbolic space of the northern cities of the Republic of Sakha (Yakutia) in the context of socio-political processes".

карты и геоинформационных технологий (ГИС-технологий) в междисциплинарных социально-гуманитарных исследованиях является относительно новым направлением в отечественной науке и недостаточно представлено в российской исследовательской практике. Потребность социально-гуманитарных наук в картографическом обеспечении дала толчок развитию картографической семиотики в рамках социально-гуманитарных наук для создания новых информационно-семиотических моделей знаний (гибридных, производных и т. д.). Сегодня в продвижении туристских продуктов огромную роль играют географические информационные (геоинформационные) системы (ГИС).

Чтобы поддерживать культурное разнообразие северных городов, являющееся наряду с природой важным ресурсом регионального развития, и продвигать данные дестинации в туристском потоке, необходимо располагать информацией о сложившемся образе на материале существующих нарративов, опросов экспертов, проживающих на исследуемой территории.

Целью настоящего исследования является выявление образов северных городов Якутии посредством ментальных карт и разработка когнитивных карт с использованием ГИС для развития территорий и туристских маршрутов.

Методы и материалы. Традиция исследования ментальных карт восходит к работе К. Линча «Образ города» (1960), представленной в комплексе психологических, социально-психологических и социальных проблем архитектурно-градостроительной науки [1]. С. Милграм применил ментальные карты в бихевиористском аспекте для изучения не географической реальности, а ее отражения в умах горожан [2, с. 92]. Н.В. Веселкова отмечает, что «ментальные карты – это исследовательский метод и одновременно продукт применения этого метода». Ментальные карты (обычно целевые), как правило, сопровождают интервью, иногда в вопросник включается задание по изображению местности [3, с. 7].

Ментальные карты в качестве метода исследования в социально-географическом аспекте использованы И.И. Митиным в описании карельского города Олонца [4]. Принципы метода ментальных карт в когнитивном подходе встречаются также в гуманитарной географии [5]. Так, Д.Н. Замятин разработаны образно-географические карты в рамках имагинальной географии, предметом изучения которой выступают особенности и закономерности формирования географических образов.

Одна из интересных методик принадлежит О.А. Лавреновой, в работах которой образ места изучается посредством картирования и исследования литературного текста как латентный образ. По мнению автора, географические объекты и элементы ландшафта становятся символами в том случае, если в культуре существуют устойчивые ассоциации с судьбоносными историческими событиями, артефактами или уникальными чертами природного ландшафта. В символы превращается национальная история, запечатленная в культурном ландшафте страны [6].

В ходе исследования нами был применен метод экспертного опроса с использованием ментальной карты для выявления образа города и установления туристских дестинаций. Инструментарием исследования стал опросник А. Соны по измерению имиджа туристской дестинации с применением метода ментальных карт [7, с. 279], адаптированный нами для северных городов Якутии – Верхоянска и Среднеколымска. Попутно отметим, что исследование А. Соны было проведено с целью выявления образов двух австралийских городов – Сиднея и Мельбурна – у иностранных студентов как «внешних» наблюдателей, с использованием методологии ментальной карты. Наш экспертный опросник состоял из 7 вопросов, направленных на выявление образа северных городов и установление туристских дестинаций.

Эмпирическим материалом послужили результаты экспертного опроса специалистов сферы культуры и органов власти муниципальных образований «Верхоянский район (улус)» и «Среднеколымский район (улус)» (n = 41). Отбор экспертов осуществлялся по следующим критериям: они должны иметь опыт работы в данной области более 3 лет, иметь профессиональное образование, постоянно проживать в данной местности более 3 лет. Кроме того, материалом исследования послужили программы социально-экономического развития рассматриваемых районов и городов, инвестиционные паспорта, краеведческая литература.

Краткое описание городов. Прежде чем приступить к рассмотрению результатов экспертного опроса, приведем краткие характеристики Верхоянска и Среднеколымска. Они являются арктическими городами на севере Якутии. Оба города расположены на берегах крупных рек: Верхоянск – на реке Яне, Среднеколымск – на реке Колыме. Основаны в первой половине XVII в. русскими первопроходцами, принесшими с собой христианство. Верхоянский и Среднеколымский районы (улусы) – это территории, богатые полезными ископаемыми, и с палеонтологическими находками останков мамонта. Во времена Российской империи они были одним из отдаленных и суровых по своим условиям мест ссылки политических противников самодержавия, которые оставили значительный след в истории Верхоянья и Среднеколымска, а также Якутии в целом, написав научные труды, посвященные региону.

Верхоянск является полюсом холода Северного полушария. 15 января 1885 г. политическим ссылкой С.Ф. Коваликом на оборудованной метеорологической станции по заданию руководителя экспедиции Российской академии наук А.А. Бунге была зарегистрирована минимальная температура воздуха, составившая $-67,8^{\circ}\text{C}$. Город считается одним из самых маленьких городов России с численностью населения 1073 чел. (на 1 января 2020 г.). Верхоянский район является полиэтничным, в нем проживает 12 национальностей: якуты, русские, эвены, украинцы, эвенки, буряты, татары, киргизы, армяне, узбеки, долганы, юкагиры. Отрасли хозяйства представлены скотоводством, коневодством, оленеводством, разведением пушнины. Количество действующих промышленных предприятий незначительно: ООО «Север», ООО «Звезда», ОАО «Янгеология». Основной сферой деятельности является добыча золота, сурьмы и геологоразведочные работы.

В районе имеются все необходимые условия для развития как внутреннего, так и въездного туризма на основе богатейшего природного и историко-культурного потенциала. К сожалению, туристические маршруты охватывают только природные объекты. Объекты уникального историко-культурного наследия города Верхоянска и других мест Верхоянского района остаются без должного внимания, не рассматриваются как аттракторы имиджа Верхоянья. Согласно инвестиционному паспорту района, в настоящее время существуют следующие виды туризма: экологический, экстремальный, научный, познавательный, лицензионная охота и рыбалка, сбор дикорастущих целебных трав и ягод, в основном по направлениям природных объектов: Верхоянск-Харысхал-Киһилээх-Туостях; Верхоянск-Харысхал-Мать-гора; Верхоянск-Харысхал-Кестер [8].

Нами были изучены памятники Верхоянска и Среднеколымска, среди которых в официальный перечень объектов культурного наследия регионального значения, расположенных на территории Республики Саха (Якутия), по состоянию на 10 января 2018 г. входило по 5 памятников в каждом из этих городов [9].

Среднеколымск – административный центр Среднеколымского улуса Республики Саха (Якутия), расположен на левом берегу Колымы в 890 км к северу от Магадана. Находится севернее Северного полярного круга [10]. Природа района разнообразна, представлена таежными и тундровыми растениями, характеризуется обилием видов фауны. Озера и реки богаты рыбой. Численность жителей на 1 января 2020 г. составила 3 477 человек. Население представлено якутами, русскими, эвенками. Как и Верхоянском улусе, в Среднеколымском районе преобладают отрасли традиционного хозяйства – скотоводство, коневодство, оленеводство, рыболовство, пушной промысел. Количество действующих предприятий незначительно: ЗАО «Дороги Колымы», ООО «Колымторг», НПП «Колыма», ГУ «Колымский лесхоз», ГУП ФАПТК «Анкудинка». Имеется нефтяная база. Транспортные перевозки осуществляются воздушным путем, летом открывается пристань, в зимнее время до Среднеколымска можно добраться по автозимнику.

На территории Среднеколымского улуса не зарегистрированы предприятия, занимающиеся туристской деятельностью. Республиканские туроператоры также не заинтересованы в реализации туристских маршрутов по территории улуса. Следовательно, туризм как отрасль в районе отсутствует. К объектам туристской инфраструктуры можно отнести гостиницу «Алазая» в Среднеколымске.

Оба города по занятости населения в сельском хозяйстве, а также по образу жизни жителей можно отнести скорее к сельским, чем к городским поселениям. Статус города был получен ими больше трехсот лет назад и является историческим.

Результаты экспертного опроса. Всего в опросе принял участие 41 эксперт: 21 – в Верхоянске, 20 – в Среднеколымске. Экспертную группу составили специалисты в сфере культуры, образования, представители местной администрации.

Первый вопрос касался ментальной карты образа города и туристических мест, что предполагало картосхему (набросок), нарисованную экспертами с дополнениями в виде заметок. Наше исследование представляет собой взгляд «изнутри» (внутренний образ территории), согласно В.Н. Калуцкову, с позиции местных знатоков истории и культуры местности, знаковых мест, в соответствии с чем нами была изменена установка, предложенная А. Соном: указание экспертами конкретных туристических мест в Верхоянске или Среднеколымске способствовало выявлению образов данных городов.

В ментальной карте туристических мест указаны популярные места, достопримечательности и ориентиры городов. Эксперты чаще всего отмечают достопримечательности в виде памятников, которые представляют собой символику исторической памяти города, охватывающую советский период: памятники участникам Гражданской войны и Великой Отечественной войны. Как считают эксперты, популярными ориентирами в Верхоянске являются музей «Полюс холода» и аэрогидрометеостанция. В качестве туристических мест указаны местность Хоптолоох, где проводится национальный праздник Ысыах, река Яна, горы и озера.

Исходя из результатов экспертной ментальной карты, можно отметить, что в Среднеколымске главным местом притяжения выступает центр города, а также река Колыма и ее набе-

режная. Основными достопримечательностями являются памятники, посвященные Великой Отечественной войне, танк Т-34, находящийся на берегу Колымы, а также памятник первопроходцам (М. Стадихину, Д. Зыряну, С. Дежневу и др.) в виде коча. Популярным ориентиром эксперты называют уникальный краеведческий музей.

Второй вопрос был направлен на выявление личных представлений о городе с коннотацией на эмоциональную оценку. Из списка прилагательных экспертам предлагалось выбрать коннотации, характеризующие, по их мнению, город. В результате выделены следующие наиболее часто упоминаемые представления о Верхоянске: тихий – 52,4 %, дружелюбный – 38,1 %, интересный – 38,1 %, свежий – 33,3 %, благоприятный – 28,6 %. Как видно из ответов, Верхоянск характеризуется как тихий, интересный, дружелюбный, свежий и благоприятный город. Оценивание экспертами своего города как благоприятного и интересного говорит о его социально-экономическом благополучии и является основанием для развития туристской дестинации.

Экспертами выделены следующие наиболее часто упоминаемые представления о Среднеколымске: грязный – 80,0 %, тихий – 60,0 %, дружелюбный – 60,0 %, сдержанный – 40,0 %, сонный – 35,0 %, скучный – 35,0 %. Как видно из ответов, к сожалению, эксперты характеризуют Среднеколымск как грязный, но тихий, сдержанный и сонный город. Но оценивание экспертами своего города как дружелюбного может способствовать его положительному имиджу среди гостей города и туристов. Дружелюбие и гостеприимство со стороны населения является одним из факторов выбора места туристами.

Третий вопрос касался места, которое нравится посещать местным жителям, где нравится отдыхать или проводить свободное время. По мнению экспертов, население Верхоянска любит посещать следующие места: этнокомплекс/местность Хоптолоох (42,8 %), Тусулгэ-парк, место проведения Ысыаха (4,7 %), река Яна (19,0 %), берег реки Яны (9,5 %), гора Лысая (9,5 %), гора Аппыт (4,7 %). Как видно из ответов, верхоянцы любят отдыхать и проводить свободное время на природе, где есть возможность порыбачить, в горах и местах с этнокультурной спецификой.

Предпочитаемыми местами отдыха для среднеколымчан, по мнению экспертов, являются берег Колымы (40,0 %), река (5,0 %), центральная или главная площадь (центр города) (20,0 %), сквер (5,0 %), сквер Молодежи (5,0 %), «Токио» (5,0 %). Эксперты также отметили, что жители предпочитают оставаться дома (15,0 %), ходить в спортзал (5,0 %), лес, пейзажные места (5,0 %), на природу (5,0 %). Задание также заключалось в объяснении, почему жители выбирают то или иное место. Экспертные ответы включают инфраструктуру центральной части Среднеколымска: центральную площадь, выбирают, потому что там *чисто и красиво* (5,0 %), *светло и уютно* (5,0 %). Предпочитают сквер, поскольку *дышат свежим воздухом* (5,0 %), выбирают «Токио», чтобы *расслабиться* (5,0 %). Таким образом, согласно экспертному опросу, среднеколымчане предпочитают отдыхать на берегу Колымы, на природе, а также на центральной площади, где расположен сквер как место для отдыха и рекреации.

На вопрос, что можно предложить посетить туристу или гостю города, большинство экспертов Верхоянска отметили следующие места: музей «Полюс холода» (28,6 %), музей (4,8 %), музеи (4,8 %), музей Славы (4,8 %), спортивный музей (4,8 %), местность/комплекс/тусулгэ Хоптолоох (33,3 %), ОГМС (гидрометеостанция) (4,8 %), Аал Лук Мас (4,8 %), река Яна (9,5 %), Бык зимы (4,8 %), Бык Полюс холода (4,8 %), мамонт муоса (4,8 %), памятники (4,8 %), Красный мыс (за чертой), уч. Хороон (обзор, этнотуризм) (4,8 %), обойти весь город, т. к. он маленький + Хоптолоох, Лысая гора, Комсомольск, берег реки (4,8 %). Большинство экспертов Среднеколымска рекомендовали бы туристам посетить музей (65,0 %), некоторые предложили бы посетить центральную/городскую площадь (30,0 %), сквер (5,0 %), памятники (15,0 %), памятник первопроходцам (10,0 %), храм (5,0 %), клуб (5,0 %), природу (5,0 %), совершить сплав по реке (5,0 %).

Пятый вопрос касался видов досуга. По мнению экспертов, население Верхоянска предпочитает, кроме походов на природу и рыбалки, посещать культурные события, музей, поехать вне дома. Среднеколымчане, согласно данным опроса, отдают предпочтение отдыху в местах социально-культурной инфраструктуры города (предпочитают посещать культурные события, библиотеки, музей, торговые центры, поехать вне дома), а также походам на природу.

Шестой вопрос был направлен на выявление новых объектов или недооцененных мест в городе, которые не предлагаются туристам для посещения. По мнению экспертов, главным туристическим потенциалом обладает природно-ландшафтный ресурс Верхоянска: урочище Аппыт (9,5 %), местность Хапчагай (9,5 %), горы в окрестностях города (4,7 %), река Яна (4,7 %), катание по реке (4,7 %), берег реки Яны (4,7 %), охота и рыбалка (4,7 %), природа (4,7 %). Согласно опросу, Среднеколымск не имеет туристического потенциала: большинство экспертов считают, что культурно-досуговый ресурс города для туристов очень ограничен (60,0 %), только 10 % предложили улицу Октябрьскую, исторические здания, старинные постройки (5,0 %); 30,0 % отмечают, что аттрактивных мест в городе нет.

Седьмой вопрос был нацелен на определение символа образа города экспертами. Большинство экспертов поддерживают существующий символ полюса холода: Бык зимы (28,6 %), Полюс

холода (9,5 %), Бык зимы, выходящий из воды (моря) (4,8 %), бык (4,8 %), символ есть (4,8 %), уже есть (4,8 %). Однако были и другие ответы: полумесяц (9,5 %), северное сияние (9,5 %), горы, хребты (4,8 %), горы (4,8 %), мамонт мюса/рог мамонта (4,8 %), каменный заяц (4,8 %).

Для исследования образов северных городов актуальной является разработка когнитивных карт на основе проведенного опроса экспертов с использованием ГИС-технологий, что может быть полезным для развития территорий и туристских маршрутов. На основе ментальных карт, составленных экспертами Верхоянска и Среднеколымска, выявлены образы северных городов, для отображения которых мы используем символы (табл. 1–2). Объекты сгруппированы в символы образа, которые легли в легенду карт.

Таблица 1 – Образ северного города Верхоянска

№ п/п	Символы	Достопримечательности	Частотность по опросу, %
1	<i>Символы страданий:</i>		21,43
	Символы дореволюционного периода (политссыльные)	– Памятник Ногину – Первомайская стела – Памятник И.В. Бабушкину	
	Символы периода Гражданской и Великой Отечественной войн	– Обелиск в честь Новгородова – Здание, где размещался штаб отряда партизан по обороне Верхоянска в 1923 г. – Братская могила 30 борцов – Памятник воинам ВОВ – Стела «Никто не забыт, ничто не забыто» – Сквер Славы	
2	<i>Символы освоения Севера</i>	– Сэргэ – 350 лет Верхоянску – Православный приход праведной Матроны Московской	5,19
3	<i>Символы духовной культуры</i>	– Памятник Дарии Томской (Чайка) – Этнокомплекс Хоптолоох – Православный приход праведной Матроны Московской – Якутский балаган – Центр культуры	6,49
4	<i>Символы холода</i>	– Метеорологическая станция – Обелиск «Полюс холода» (монумент «100 лет метеорологических наблюдений») – Мемориальная доска «125 лет регистрации абсолютного минимума температуры на Северном полушарии планеты Земля –67,8 °С» (установлена во дворе музея) – Памятник «Тымны Чыпчаала/Пик холода» («рога» в народе) – Памятник «Полюс холода» в виде Быка зимы – Сквер «Полюса холода»	16,23
5	<i>Символы сохранения памяти</i>	– Музей «Полюс холода» – Старинные здания, здание амбулатории (построенные купцом 2-й гильдии А.Н. Шишляниковым в 1900 г.) – Школа – Администрация	16,88
6	<i>Символы традиционного хозяйства</i>	– СХПК «Полюс холода»	1,29
7	<i>Символы единения с природой</i>	– Смотровая площадка гора Лысая – Река Яна – Озеро Сордонноох – Урочище Аппыт – Уч. Шаман – Уч. Мачы – Озеро Байхал (набережная озера с фонтаном) – Рыбалка	18,83
8	<i>Символы для имиджа</i>	– Бык зимы – Полюс холода – Лошадь – Каменный заяц – Горы – Северное сияние – Полумесяц	13,64

Таблица 2 – Образ северного города Среднеколымска

№ п/п	Символы	Достопримечательности	Частотность по опросу, %
1	<i>Символы страданий</i>		25,00
	Символы дореволюционного периода (политссылные)	– Памятник С.И. Мицкевичу – Памятник В.З. Романовскому – Братская могила Г.Э. Гуковского, И.М. Калашникова, С. Камая	
	Символы периода Гражданской, Великой Отечественной войн и других периодов	– Памятник коммунарам, павшим в 1922 г. – Здание, где 5–13 февраля 1922 г. проходил I съезд Советов Колымского уезда города Среднеколымска – Танк Т-34 (памятник среднеколымчанам-участникам Великой Отечественной войны и труженикам тыла) – Мемориальный комплекс «Памятник участникам ВОВ» – Площадь Победы	
2	<i>Символы освоения Севера</i>	– Памятник первооткрывателям Колымы – Памятник освоению Сибири казаками – Памятник «Среднеколымск – 350 лет» – Центральная площадь со сквером – Православный приход храма Покрова Божией Матери	22,50
3	<i>Символы сохранения памяти</i>	– Колымский краеведческий музей – Здание больницы, построенное в 1903 г. С.И. Мицкевичем	66,58
4	<i>Символы духовной культуры</i>	– Православный приход храма Покрова Божией Матери – КДЦ – Библиотека	66,58
5	<i>Символы отдыха</i>	– Смотровая площадка – Сквер Славы тружеников района (центр. площадь) – Набережная реки Колымы – Река Колыма – Мост Анкудинка – Аэропорт – Въезд в город – Рыбалка – КДЦ – ГК «Алазая»	14,47
6	<i>Символы для имиджа</i>	– Мамонт – Рыба, рыба чир – Пушнина – Лошадь – Керосиновая лампа – колымка	22,37

Каждый символ группируется вокруг достопримечательностей, связанных по определенным семантически близким характеристикам. Далее указана частотность ответов. Данная классификация составлена по принципу метода семантического гештальта (Ю.А. Караулова), когда ассоциаты тяготеют к определенным характеристикам, группируясь вокруг нескольких реакций, которые обозначают некоторый набор мыслительных образов [11].

Специфика образа Верхоянска заключается в его позиционировании как полюса холода с научной точки зрения. Образ Среднеколымска представлен как город освоения Севера русскими казаками, как исторический город на Колыме. Стоит отметить, что символы страданий в северных городах занимают ключевые позиции в ментальной карте, наблюдается яркая выраженность мест памяти событий Гражданской войны, Великой Отечественной войны, а также значимость роли политических ссыльных в развитии городов. Эти факторы еще раз подтверждают востребованность разработки и реализации экскурсионно-туристских маршрутов по данным направлениям.

Исходя из ментальных карт и данных экспертного опроса, символы были нанесены нами условными знаками на Яндекс.карту. Каждый символ включает достопримечательности, которые отмечены в таблицах и отображены на карте по унифицированному цвету и знаку. В результате были выявлены визуальные образы северных городов: мифологизированный образ Бык зимы – Верхоянск; образ рыбы – Среднеколымск как промысловый город, связанный с Колымой.

На карте с визуальным образом Верхоянска (рис. 1), если смотреть с восточной части (или повернуть карту направо), четко вырисовывается образ головы быка до холки при проведении контура по природным объектам, указанным в экспертном опросе, которые вошли в список символов единения с природой (табл. 1): рог быка – со стороны реки Яны, лоб – Хоптолоох, нос – уч. Мачы, подбородок – смотровая площадка Лысая, шея – уч. Шаман, холка – урочище Аппыт.

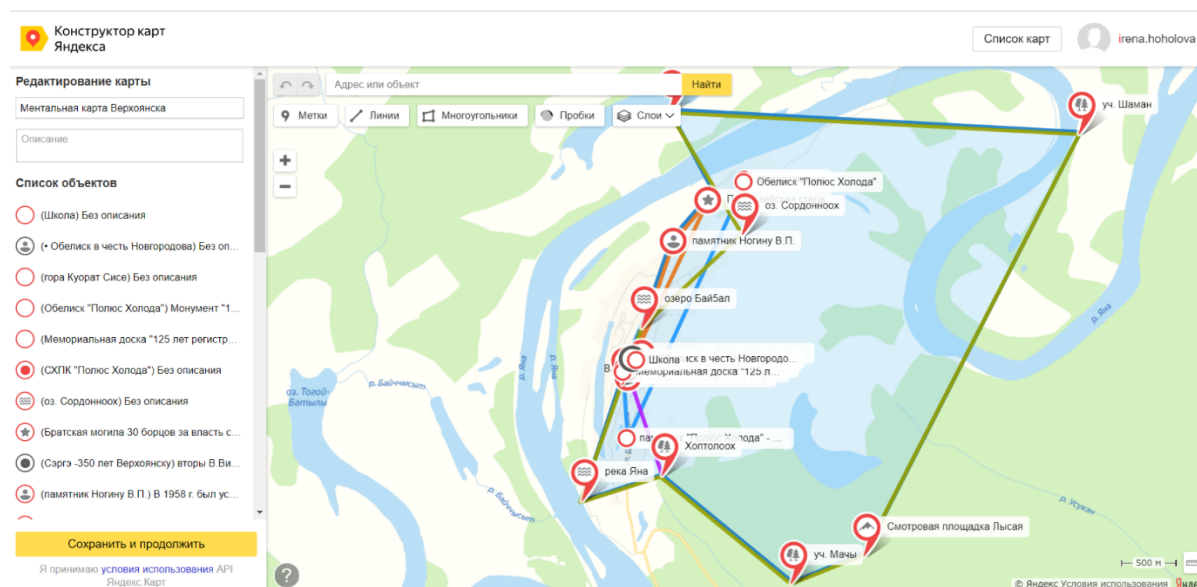

Рисунок 1 – Визуальный образ города Верхоянска

Согласно обоснованию символики герба города Верхоянска [12], белая лошадь представляет собой янскую породу лошадей, выносливую, приспособленную к трескучим морозам, неприхотливую, добывающую себе корм из-под снега. Волнистый пояс – это река Яна, несущая свои полные воды многим рекам. Появляется дихотомия ландшафта и природной календарной символики в виде быка и социального опыта в виде янской породы лошади, такой же выносливой. Бинарные оппозиции лошади и быка, несомненно, восходят к эпическим представлениям якутов о добре и зле. Это, вероятно, навеяно южными корнями якутов как «метанарратив памяти их южных предков» [13], оказавшихся на холодной земле.

Лошадь для якутов – священное животное. Как отмечают Е.Н. Романова, В.Б. Игнатьева и В.М. Дьяконов, культура коневодства распространилась до арктических территорий, где уже в Средние века, помимо культур с присваивающим типом хозяйства, складывается скотоводческий культурно-хозяйственный тип, приспособленный к местным холодам [14].

На карте визуального образа Среднеколымска (рис. 2), если смотреть с восточной стороны (или повернуть карту направо), четко вырисовывается образ чира, речной рыбы, при проведении контура по природным и историко-культурным объектам, которые вошли в перечень символов отдыха и духовной культуры (табл. 2). В экспертном опросе среднеколымчане отмечают образ чира, занимающий вторую позицию после образа мамонта. Образ мамонта возникает, условно, из символики герба города, представленной в виде восстающего мамонта.

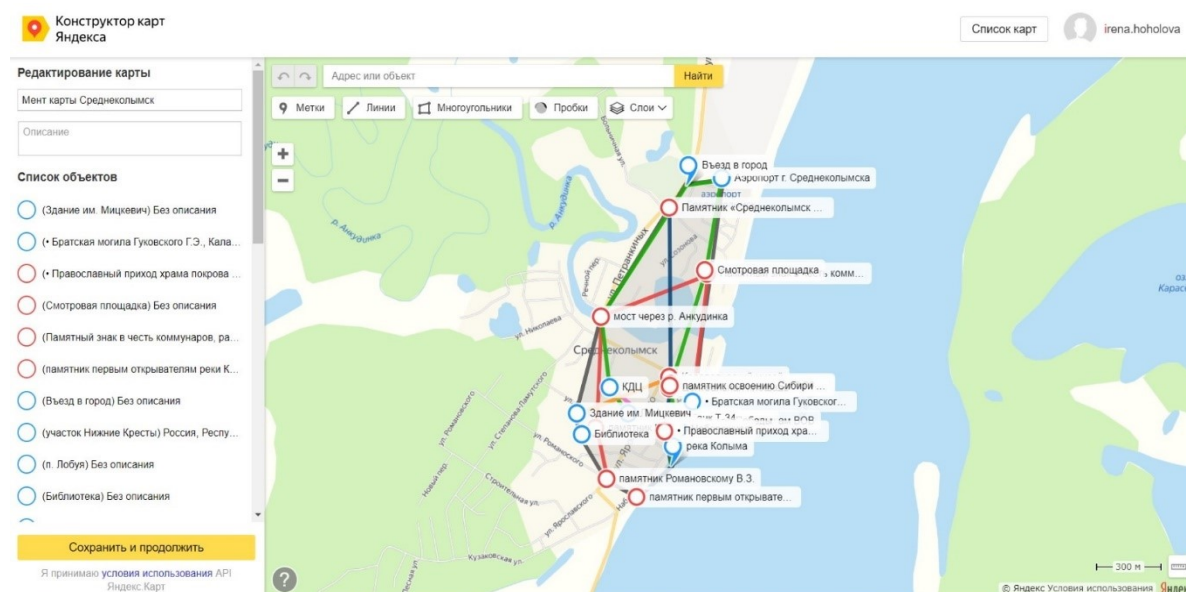

Рисунок 2 – Визуальный образ города Среднеколымска

Историко-культурная составляющая Верхоянского района пока остается без должного внимания, местные и республиканские туристские предприятия отдают приоритет природным объектам. Однако благодаря представленным в нашем исследовании картам возникает возможность пересмотра разработки и организации туристских маршрутов, т. к. появляется системность и корреляция природных и историко-культурных достопримечательностей. В Среднеколымске, где нет туристских направлений, будет возможность развивать туризм с учетом социальных, экономических и культурных особенностей города и региона, интеграции природных и историко-культурных объектов, типа экономики.

Заключение. В ходе проведенного исследования нами были выявлены образы северных городов Якутии – Верхоянска и Среднеколымска – на основе анализа опроса экспертов и существующих нарративов. Образы городов реконструируются с помощью ментальных карт, местные ландшафты наполняются культурным смыслом, «оживают» истории городов. Разработанные карты систематизируют и структурируют туристско-рекреационный потенциал мест, позволяют туристам легче ориентироваться на месте.

В образах Верхоянска и Среднеколымска выделены *символы страданий* (как места памяти «тюрьмы без решеток»), событий Гражданской войны и Великой Отечественной войны в судьбе северян), *символы духовной культуры*, *символы единения с природой/отдыха*, *символы сохранения памяти*, *символы традиционного хозяйствования*. Специфика образа Верхоянска заключается в его позиционировании как *полюса холода* с научной точки зрения. Образ Среднеколымска представлен как город *освоения Севера* русскими казаками, как исторический город на Колыме. Стоит отметить, что символы страданий занимают ключевые позиции в социально-когнитивной карте, наблюдается яркая выраженность мест памяти событий Гражданской войны, Великой Отечественной войны, а также значимость роли политических ссыльных в развитии северных городов.

Эти факторы еще раз подтверждают востребованность социокогнитивных карт, использование их в разработке и реализации экскурсионно-туристских маршрутов по данным направлениям в исследуемых городах в целях социально-экономического развития. Корреляция природных ландшафтов и историко-культурных памятников как символов позволяет выявить социально-экономическую отрасль малых северных городов посредством моделирования образов с применением ГИС-технологий.

Ссылки:

1. Линч К. Образ города / пер с англ. В.Л. Глазычева. М., 1982. 328 с.
2. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии / пер. с англ. Н. Вахтиной [и др.]. СПб., 2000. 336 с.
3. Веселкова Н.В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: 4М. 2010. № 31. С. 5–29.
4. Митин И.И. Методика комплексной культурно-географической характеристики территории: дис. ... канд. геогр. наук. М., 2007. 221 с.
5. Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М., 2006. 488 с.; Митин И.И. Ментальные карты как инструмент комплексного культурно-географического исследования: анализ подходов // Географический вестник. 2018. № 4 (47). С. 21–33. <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2018-4-21-33>.
6. Лавренова О.А. Образ места и его значение в культуре провинции // Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты. М., 2004. С. 413–426.
7. Son A. The Measurement of Tourist Destination Image: Applying a Sketch Map Technique // International Journal of Tourism Research. 2005. Vol. 7, iss. 4-5. P. 279–294. <https://doi.org/10.1002/jtr.532>.
8. Инвестиционный паспорт муниципального образования «Верхоянский район» Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. Багатай, 2017. URL: <https://investyakutia.com/media/W1siZiIsIjIwMTg0MDIvMjAvNXV4OHcxaG-FucF9fLl8ucGRmll1d/Инвест.паспорт%20Верхоянский.pdf?sha=6a41ed707584fdc4> (дата обращения: 20.03.2021).
9. Информация об объектах культурного наследия на территории Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // Департамент Республики Саха (Якутия) по охране объектов культурного наследия. URL: <https://depohran.sakha.gov.ru/informatsija-ob-obektah-kulturnogo-nasledija-na-territorii-respubliki-saha-jakutija> (дата обращения: 20.03.2021).
10. Инвестиционный паспорт Среднеколымского улуса [Электронный ресурс] // Муниципальный район «Среднеколымский улус (район)». URL: <https://mr-srednekolymskij.sakha.gov.ru/o-munitsipalnom-obrazovanii/investitsionnyj-pasport> (дата обращения: 21.03.2021).
11. Хохолова И.С. Читательские (концептуальные) проекции «мужественность» и «женственность» в межкультурном общении (на материале якутского эпоса «Нюргун Боотур Стремительный») // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 69–76. <https://doi.org/10.17223/18137083/43/9>.
12. Герб города Верхоянск [Электронный ресурс] // Геральдика.ру. URL: <https://geraldika.ru/s/3122> (дата обращения: 21.03.2021).
13. Романова Е.Н., Игнатьева В.Б., Дьяконов В.М. Степная сага коневодов Арктики: от древних времен до недавних событий // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 9–19.
14. Там же.

Редактор, переводчик: Арсентьева Ирина Ильинична

УДК 316.35

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.7>**Обуховский Денис Александрович****Obukhovsky Denis Alexandrovich**аспирант кафедры социологии
Новосибирского государственного
университета экономики и управленияPhD student, Sociology Department,
Novosibirsk State University
of Economics and Management**ВОСПРИЯТИЕ МОДЕЛИ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
СТУДЕНЧЕСКИМ СООБЩЕСТВОМ****PERCEPTION
OF THE ENTREPRENEURIAL
UNIVERSITY MODEL
BY THE STUDENT COMMUNITY****Аннотация:**

В статье рассмотрены различные подходы к пониманию модели предпринимательского университета, обозначены направления ее внедрения в высших учебных заведениях на примере Новосибирского государственного университета экономики и управления, определены главные препятствия на пути формирования предпринимательских университетов и отношение к ним со стороны самих студентов. В 2017 и 2020 гг. были проведены исследования среди обучающихся НГУЭУ с целью выявления их мнения, касающегося внедрения концепции предпринимательского университета, существующей инфраструктуры поощрения соответствующей активности и реализации модели поведения среди студентов. В статье приведен анализ полученных данных и сделаны выводы, что в целом отношение студентов к концепции предпринимательского университета изменилось в лучшую сторону и стало лояльным. Подчеркивается, что в вузовском сообществе должны измениться представления о субъектной деятельности учебного заведения, а переход к предпринимательскому вузу в российских условиях должен затронуть все элементы системы образования, включая учебные планы, методику преподавания, мышление вузовской элиты и профессорско-преподавательского состава.

Ключевые слова:

предпринимательский университет, коммерциализация знаний, интеллектуальная собственность

Summary:

Different approaches to understanding the entrepreneurial university model are considered in the present publication, the directions of its implementation in higher educational institutions on the example of Novosibirsk State University of Economics and Management are outlined, and the major obstacles to the formation of entrepreneurial universities as well as the attitude of students to them are identified. In 2017 and 2020, enquiries were carried out with the aim of gathering the views of NSUEM students on the implementation of the entrepreneurial university concept, the existing infrastructure for encouraging relevant activities and the enforcement of the behavioral patterns among the students. Overall, the author analyses the data and concludes that students' attitudes towards the concept of an entrepreneurial university has changed for the better and become more loyally supportive. It is emphasized that the perception of the subjective activity of an educational institution must change in the Higher Educational Community, and the transition to an entrepreneurial HEI in the Russian context must affect all elements of the educational system, including curricula, teaching methodology, and the thinking of the HEI elite and the teaching personnel.

Keywords:

entrepreneurial university, knowledge commercialization, intellectual property.

Современные условия развития социально-экономических отношений (цифровизация экономики, внедрение элементов постиндустриального общества и т. п.) вызывают потребность в поиске и формировании новых типов образовательных институций с особыми концепциями целеполагания, педагогическими инструментами, которые бы сопровождались работой с окружающими сообществами. Иными словами, вузы ищут новые идеи. Одной из них является стремление сформировать актуальную концепцию организации высшего образования – создать модель предпринимательского университета.

Появление нового типа высших учебных заведений, а именно предпринимательских университетов, как за рубежом, так и в Российской Федерации, связано в том числе и с вынужденным сокращением расходов на государственное финансирование профессионального образования, с необходимостью искать новые формы устойчивого финансово-экономического состояния высшей школы.

Стремление к позиционированию высшими учебными заведениями себя как предпринимательских вузов стало очевидно в России во втором десятилетии XXI в., когда ряд передовых университетов страны обнаружил потребность базового концептуального оформления внутренних изменений в сфере управления, содержания программ, педагогического инструментария. Высшая школа экономики, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Дальневосточный федеральный университет и другие вузы в различных интерпретациях заявили о своей принадлежности к типу предпринимательских высших учебных заведений.

Необходимо отметить, что в современной научной литературе не существует общепринятого подхода к определению содержания термина «предпринимательский университет». Как нет и универсальной модели такого вуза, единого пути его формирования.

Стратегия развития предпринимательского университета разрабатывается в контексте современных концепций управления знаниями. Одна из них – идея открытых инноваций; она предполагает модель ведения деятельности, в которой при генерации и внедрении новой продукции и технологий компания (в нашем случае – университет, который себя позиционирует как предпринимательская компания) не только использует внутрикорпоративные научно-исследовательские разработки, но и активно привлекает знания и компетенции из внешних источников. Модель открытых инноваций подразумевает тесное сотрудничество промышленных и финансовых структур с академической наукой, возможность выкупа патентов, распоряжение интеллектуальной собственностью, создание на базе университета малых и средних наукоемких компаний – стартапов и т. п. [1, с. 141].

Еще одной важнейшей концепцией для формирования модели предпринимательского университета является идея «тройной спирали» Г. Ицковица [2]. В рамках этой модели ключевым условием для развития инноваций в обществе, основанном на знаниях, являются взаимоотношения в системе «университет – бизнес – государство». При этом каждый ее компонент вносит свой вклад в общее развитие: промышленность производит товары, государство обеспечивает стабильность экономической среды, а университеты являются источником новых знаний и технологий. Взаимодействие этих трех компонентов оказывает прямое влияние на экономическое развитие региона.

Концепция «треугольника знаний» акцентирует внимание на системном и непрерывном взаимодействии трех сфер – академических исследований, в первую очередь направленных на генерацию знания; образования, ориентированного на подготовку высококвалифицированных кадров, и бизнеса, стремящегося к инновационной деятельности [3, с. 11].

Концепция предпринимательского университета получила значительное развитие в середине 1990-х гг. в работах американского ученого Б.Р. Кларка. С его точки зрения, новый университет активно стремится к инновациям в своей работе. Исследователем выделена триада идейных «оснований» организации предпринимательских университетов, включающая риски, инновационную деятельность, особую культуру [4].

Предпринимательские университеты ориентированы на создание условий для академического предпринимательства и инновационной деятельности, поддерживают развитие бизнес-культуры, на основе традиционных связей конструируют новые взаимовыгодные отношения. Модификация управляющего звена и создание внутренней инфраструктуры позволяют осуществлять эффективный трансфер знаний и технологий.

И. Виссема – автор концепции университета третьего поколения («Университета 3.0») – исходным пунктом трансформации вуза называет необходимость справиться с проблемами в борьбе за источники финансирования, талантливых профессоров, студентов, контракты и т. д.

В качестве основных характеристик такого типа учебного заведения И. Виссема выделяет: извлечение экономических выгод из новых знаний, открытую организацию, сотрудничество со многими партнерами, трансдисциплинарные исследования, мультикультурную организацию, космополитичность, отсутствие прямого государственного финансирования, деятельность на международном конкурентном рынке [5, с. 96].

Таким образом, в рамках различных концепций по-разному определяется основной фокус функционирования предпринимательского университета.

Ряд отечественных исследователей не только интерпретирует изучение и прогнозирование развития российских вузов западными исследователями, но и обобщает особенности внедрения модели предпринимательского университета в образовательную стратегию Российской Федерации.

В работах Г.Н. Константинова и С.Р. Филоновича отмечается, что «предпринимательский университет – это высшее учебное заведение, которое систематически прилагает усилия по преодолению ограничений в трех сферах – генерации знаний, преподавании и преобразовании знаний в практику – путем инициирования новых видов деятельности, трансформации внутренней среды и модификации взаимодействия с внешней средой» [6, с. 55].

Новосибирский государственный университет экономики и управления в марте 2018 г. принял новую стратегию развития, в которой основной целью было заявлено формирование НГУЭУ как ведущего вуза в области регионального развития на основе концепции предпринимательского университета, а в конце августа на встрече с коллективом ректор объявил, что проектное направление «Предпринимательский университет» станет одним из приоритетных в ближайшие годы для развития организации.

Однако следует отметить, что предпринимательский успех университета в значительной мере зависит от отношения преподавателей и студентов к такому виду деятельности образовательной организации.

В 2017 и 2020 гг. нами были проведены исследования среди студентов НГУЭУ, касающиеся выявления их отношения к внедрению концепции предпринимательского университета, к существующей инфраструктуре поощрения соответствующей активности и модели поведения.

Исследование, проведенное в 2017 г., показало, что практически половина опрошенных (49 %) не имеет интереса к обучению предпринимательству и развитию бизнес-способностей. Всего лишь менее одной трети студентов хотя бы раз посещали мероприятия бизнес-инкубатора.

Несмотря на существующий интерес к предпринимательской деятельности со стороны студенческой молодежи, опрашиваемые декларировали множество преград и проблем, мешающих их предпринимательской активности. Помимо объективных причин (отсутствия стартового капитала или бизнес-идеи) встречались и субъективные, оценочные препятствия. Это и неуверенность в собственных силах, неразвитость необходимых личностных качеств, отсутствие специальных бизнес-компетенций, а также неподготовленная инфраструктура развития предпринимательской среды при университете.

По результатам исследования около 40 % опрошенных хотели бы заняться бизнесом после окончания университета. Цифра, с одной стороны, внушительная, а с другой – от «студенческих мечтаний» до реальных воплощений планов в жизнь еще очень далеко. Респонденты отмечали локальные организационные причины, по которым студенты не были вовлечены в общую формирующуюся предпринимательскую экосистему вуза, среди них: отсутствие информации о мероприятиях (27 %), невозможность совмещения с учебным расписанием (21 %).

Среди причин своего негативного отношения к предпринимательской стратегии респонденты называли отсутствие действий со стороны вуза, которые бы фактически подтверждали такой выбор. Также они отмечали, что не до конца понимают, что представляет собой предпринимательская стратегия вуза и как выражена ее связь с бизнесом.

А на вопрос «Способствуют ли проекты предпринимательского университета вашему профессиональному росту?» только треть студентов ответила положительно, остальные либо сомневались в данном утверждении, либо соглашались с ним отчасти, что объясняется возможным отсутствием понимания взаимосвязи между предпринимательской стратегией и будущими жизненными планами обучающихся.

Также студенты демонстрировали неоднозначное представление о предпринимателях – как деятелях, стремящихся воплотить собственную цель в жизни, и как тех, для кого важно не находиться у кого-либо в подчинении при осуществлении предпринимательской деятельности. В качестве целей подобной модели активности указывалось и развитие новых ниш на рынке, и зарабатывание денег.

Исследование показало, что и об основаниях предпринимательской стратегии вуза студенты также не имеют четкого представления. Кто-то считает, что она базируется на концепции открытых инноваций; другие полагают, что ключевой для нее является концепция «треугольника знаний». Менее десяти процентов респондентов свое предпочтение отдали идее «тройной спирали». Еще меньшее количество опрошенных ответили, что концепция предпринимательского вуза должна опираться на все три вышеизложенные идеи. Часть студентов заявила о важности принципа единства научной, образовательной и предпринимательской деятельности в вузе.

В течение 2018–2019 гг. руководством университета была развернута планомерная работа по воплощению на практике конкретных элементов принятой концепции предпринимательского университета. Был создан специализированный проектный офис, координирующий работу в данном направлении. В основной портфель деятельности входили такие направления работы, как привлечение грантов на развитие студенческого бизнес-инкубатора; внедрение общеуниверситетских дисциплин («кампусных курсов»), ориентированных на развитие «мягких» предпринимательских навыков; проведение краткосрочных образовательных бизнес-программ (акселераторов) для подготовки студенческих проектных команд; вступление в международное образовательное движение WorldSkills с участием в чемпионатах по направлениям «Предпринимательство»; открытие сетевой федеральной площадки «Точка кипения» для поддержки студенческих инициатив.

Проектное направление «Предпринимательский университет» включает в себя ряд задач по организации учебного процесса в НГУЭУ и внеучебной работы со студентами: сопровождение студенческих бизнес-проектов, «упаковку» их в выпускные квалификационные работы, организацию участия студентов во внешних предпринимательских программах, а также обучение преподавателей в разрезе концепции предпринимательского университета, формирование и развитие вузовского профессионального сообщества. Именно для реализации данных задач в НГУЭУ и было создано отдельное структурное подразделение – проектный офис.

В начале 2020 г. было проведено расширенное исследование по изучению отношения студентов к концепции предпринимательского университета и проведенной работе в вузе по созданию проектного офиса. Результаты его опубликованы в статье «Студенты и предпринимательская деятельность: цели, направления, проблемы» [7]. Приведем самые значимые из них.

Стоит отметить, что 49 % опрошенных на момент исследования даже не слышали о том, что предпринимательская стратегия реализуется их вузом (см. рис. 1). Остальные, отвечая на вопрос об источниках информации, называли следующие: 57 % указали в качестве таковых преподавателей или руководство вуза, 23 % – других студентов, 20 % – СМИ вуза (см. рис. 2). В целом подобные результаты говорят о довольно низком уровне информированности обучающихся о предпринимательской стратегии развития вуза, а также позволяют выявить каналы, с помощью которых эту информированность можно повышать.

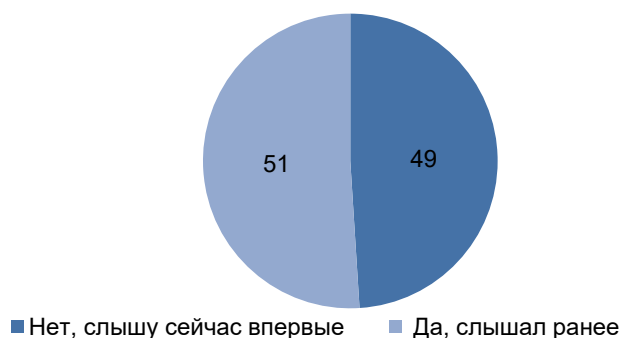

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос: «Слышали ли вы о предпринимательской стратегии вуза?» (в % к числу опрошенных)

Рисунок 2 – Распределение ответов на вопрос: «Как вы узнали о предпринимательской стратегии вуза?» (в % к числу ответивших положительно на вопрос: «Слышали ли вы о предпринимательской стратегии вуза?»)

Исследование показало: к тому, что НГУЭУ выбрал предпринимательскую стратегию своего развития, 52 % респондентов относятся положительно, 13 % – скорее положительно, 21 % опрошенных заявили, что им все равно, 13 % – затруднились ответить на поставленный вопрос (см. рис. 3).

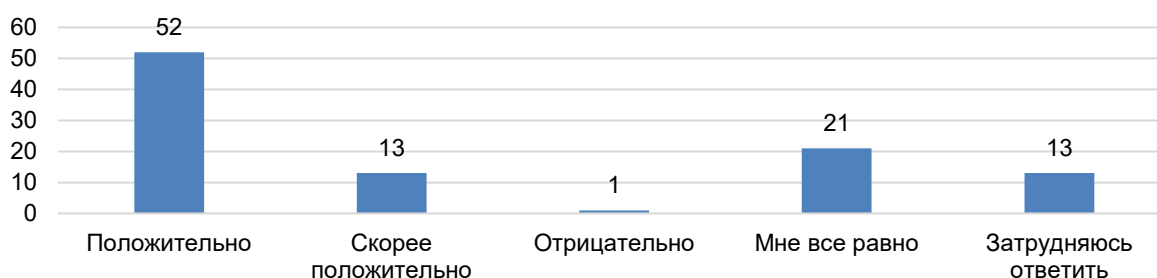

Рисунок 3 – Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к тому, что НГУЭУ выбрал предпринимательскую стратегию?» (в % к числу опрошенных)

Помимо этого респондентам был задан вопрос о том, в каких мероприятиях и проектах, связанных с предпринимательством вне вуза, они принимали участие. 33 % респондентов заявили, что посещали бизнес-форумы, конференции. По 27 % ответов приходится на тех, кто участвовал в бизнес-тренингах и семинарах, и тех, кто присутствовал на лекциях и мастер-классах успешных предпринимателей, 13 % опрошенных попробовали свои силы в предпринимательских конкурсах, грантах и т. п. (см. рис. 4).

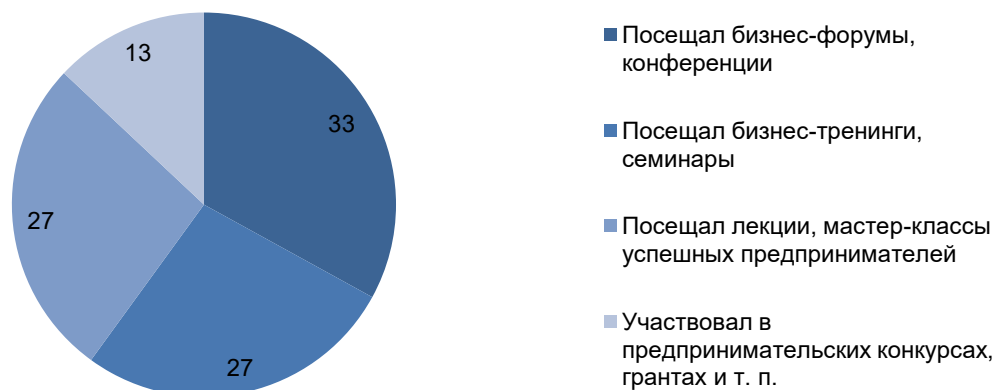

Рисунок 4 – Распределение ответов на вопрос «В каких мероприятиях и проектах, связанных с предпринимательством вне вуза, вы принимали участие?» (в % к числу опрошенных)

Термин «предпринимательский вуз» осознается студентами в основном применительно к учебному заведению, в котором наука находится в тесном взаимодействии с бизнесом (39 %). Среди других трактовок данного понятия лидирует понимание предпринимательского вуза как «школы» будущих предпринимателей (32 %). 17 % респондентов считают вуз с такими характеристиками учебным заведением, в котором «генерируется» много инноваций для бизнеса. 11 % опрошенных предполагают, что основной чертой подобного вуза является работа в его структуре большого числа предпринимателей-практиков. Менее всего студентов считают, что вуз с такой стратегией развития зарабатывает деньги – 1 % (см. рис. 5).

Рисунок 5 – Распределение ответов на вопрос: «Что для вас значит термин “предпринимательский вуз”?»

Отличительным признаком предпринимательского вуза по сравнению с классическим студенты считают развитие у его обучающихся предпринимательского мышления, креативного подхода к любому делу, а также преобладание практики над теорией в учебном процессе.

Большинство опрошенных студентов идентифицируют НГУЭУ как соответствующий заявленным критериям при такой концепции развития, что уже говорит о некоторых успехах в процессе реализации выбранной модели предпринимательского университета. Так, на вопрос «Со-

гласны ли вы с утверждением, что НГУЭУ – предпринимательский вуз?» 54 % студентов ответили, что скорее согласны, чем нет, 19 % опрошенных уверены в положительном ответе, еще 19 % затруднились дать однозначный ответ. Полностью не согласились с предложенным утверждением 8 % респондентов (см. рис. 6).

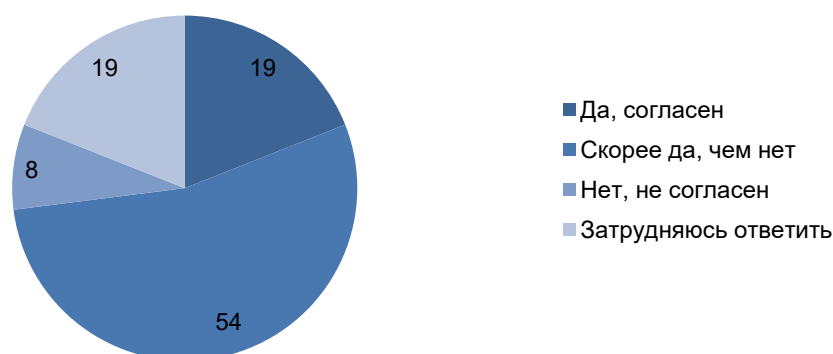

Рисунок 6 – Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли вы с утверждением, что НГУЭУ – предпринимательский вуз?» (в % к числу опрошенных)

Результаты исследований говорят о том, что в студенческой среде понятие предпринимательского вуза не является абсолютно новым. Молодые люди имеют представление о природе и отличительных чертах данной стратегии развития университета, однако осознают ее с разных точек зрения, поэтому демонстрируют многообразие оценок.

В ходе обработки результатов исследования было решено провести также кластерный анализ выборочной совокупности для определения ее структуры. Его результаты показали, что выборочная совокупность состоит из трех групп людей, которые различаются между собой по степени личной заинтересованности в предпринимательской концепции вуза (см. табл. 1) и условно могут быть обозначены как «незаинтересованные» (порядка 29 %), «сомневающиеся» (около 38 %), «будущие предприниматели» (около 33 %).

Таблица 1 – Распределение респондентов по совокупному критерию «Степень личной заинтересованности студентов в предпринимательской концепции вуза»

	Незаинтересованные	Сомневающиеся	Будущие предприниматели
Как вы считаете, предпринимательская стратегия основана на: – концепции открытых инноваций; – концепции «треугольника знаний» – концепции «тройной спирали»?	Затрудняюсь ответить	На концепции «треугольника знаний», которая предполагает развитие и интеграцию образования, исследований, инноваций	На всех 3 указанных концепциях
Способствуют ли проекты предпринимательского университета вашему профессиональному росту?	Нет, однозначно	Да, но лишь отчасти	Да, я уверен (а), что они позволяют мне расти и развиваться в профессии
Слышали ли вы о предпринимательской стратегии вуза?	Первый раз слышу	Узнал от других студентов	Слышал от преподавателей или руководства вуза

Также в рамках исследования для нас было важно выявить заинтересованность студентов, их активность в других видах вузовской деятельности помимо учебной. Так, выяснилось, что многие обучающиеся постоянно либо периодически занимаются научно-исследовательской, общественной деятельностью, проявляют свою активность в творчестве. В предпринимательской деятельности и работе над собственными бизнес-проектами студенты менее заинтересованы. Но в целом можно констатировать, что отношение обучающихся к концепции предпринимательского университета изменилось в лучшую сторону и стало более лояльным.

В пожеланиях своей альма-матер молодые люди высказывают необходимость чаще приглашать успешных предпринимателей на занятия, предоставлять возможность практики для студентов в предпринимательских организациях, поддержки реализации бизнес-идей в виде грантов. Часть опрошенных высказалась за создание некой практикоориентированной платформы, на базе которой в рамках обучения в вузе возможно было бы проводить консультации по вопросам организации и ведения предпринимательской деятельности.

Укажем также, что для полноценного перехода к модели развития учебного заведения по типу предпринимательского университета в вузовском сообществе должны измениться представления о субъектной деятельности его представителей.

Очевидно, что переход к предпринимательскому вузу в российских условиях должен затронуть все элементы системы образования, включая учебные планы, методику преподавания, мышление вузовской элиты и профессорско-преподавательского состава. Как указывают Н.В. Головкин, О.В. Зиневич, Е.А. Рузанкина, в рамках концепции «Университета 3.0» основанием необходимости формирования предпринимательской культуры являются не внешние условия (требования развития инновационной экономики, технологического трансфера и т. д.), а внутренняя потребность справиться со своими собственными проблемами в борьбе за источники финансирования, талантливых профессоров и студентов [8].

Важно также отметить, что внедрение предпринимательских университетов в российских условиях затруднительно без стимулирования их развития государством. Но данная тема требует отдельного глубокого рассмотрения.

Ссылки:

1. Плуженская Л.В., Коряковцева О.А. Ступая на путь инноваций. Концепции модели управления знаниями в университете // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 140–144.
2. Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии. Томск, 2010. 238 с.
3. Уингер М., Полт В. «Треугольник знаний» между сферами науки, образования и инноваций: концептуальная дискуссия // Фосайт. 2017. Т. 11, № 2. С. 10–26.
4. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов. М., 2019. 310 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1997-4>.
5. Виссема Й.Г. Университет третьего поколения: управление университетом в переходный период. М., 2016. 432 с.
6. Константинов Г.Н., Филонович С.Р. Что такое предпринимательский университет // Вопросы образования. 2007. № 1. С. 49–62.
7. Наумова Е.В., Машинцова Д.Д. Студенты и предпринимательская деятельность: цели, направления, проблемы // Могущество Сибири будет прирастать!? : сборник докладов международного научного форума «Образование и предпринимательство в Сибири: направления взаимодействия и развитие регионов». Новосибирск, 2018. С. 128–130.
8. Головкин Н.В., Зиневич О.В., Рузанкина Е.А. Университет третьего поколения: Б. Кларк и Й. Уисема // Высшее образование в России. 2016. № 8-9 (204). С. 40–47.

Редактор: Ситникова Ольга Валериевна
Переводчик: Ханмамедова Виктория Рамизовна

Чернов Глеб Игоревич

Chernov Gleb Igorevich

аспирант кафедры экономической социологии
Санкт-Петербургского
государственного университета

PhD student,
Department of Economic Sociology,
St. Petersburg State University

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВКУСОВЫХ ПРАКТИК ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

SOCIO-ECONOMIC ANALYSIS OF THE EATING HABITS OF THE GASTRONOMIC SPACE OF ST. PETERSBURG

Аннотация:

Статья посвящена вопросам о том, что такое вкус и как он формируется. Определяются особенности возникновения гастрономических предпочтений в рамках социальных классов. Исследуется гастрономическое пространство Санкт-Петербурга с точки зрения основных вкусовых предпочтений горожан и специфики их исторической трансформации, в итоге составлен гастрономический портрет города. Представлены результаты анализа повседневных практик питания петербуржцев. На базе эмпирического исследования и статистических данных Росстата и Петростата выявлена структура питания в этом мегаполисе. Особое внимание уделено процессам социальной дифференциации питания. Собрана информация по следующим тематическим блокам: приобретение продуктов, правильное питание, организация питания и вкусы. Рассмотрена современная тенденция потребления продуктов питания петербуржца. Работа реализована в общей области социологии питания.

Ключевые слова:

социология питания, социальные практики, вкус, кулинария, гастрономия, продукты питания, Петербург

Summary:

The paper is focused on the questions of notion of taste and its formation. The features of the emergence of gastronomic preferences within the framework of social classes are determined. The gastronomic space of St. Petersburg is investigated from the point of view of the citizens' main taste preferences and the specifics of their historical transformation, as a result, a gastronomic portrait of the city has been compiled. The results of the analysis of everyday nutritional practices of people living in St. Petersburg are presented. On the basis of empirical research and statistical data from Rosstat and Petrostat, the food structure in this metropolis was revealed. Particular attention is paid to the processes of social differentiation of nutrition. The information on the following thematic blocks: purchasing food, proper nutrition, catering and tastes is collected. The modern tendency of consumption of food products of a St. Petersburg citizen is considered. The work was carried out in the general field of the sociology of nutrition.

Keywords:

sociology of nutrition, social nutrition practice, taste, cooking, gastronomy, food, Petersburg

Вкус (к продуктам питания или напиткам) близок к габитусу и формируется на уровне практического смысла, т. е. мы определяем, что вкусно, а что нет, автоматически, без рефлексии [1, с. 25]. Как можно выяснить, что такое вкус? Ю. Гронов в книге «Социология вкуса» для формирования характеристики помещает данное понятие рядом с категориями «потребность» и «удовольствие» [2]. Потребность связывается с базовыми условиями существования человека, в частности потребность в еде как в источнике жизни, а вкус – с излишествами, удовольствием, чем-то необязательным и вторичным.

Вкус можно представить как форму устойчивых предпочтений. Важно понимать, что сформировавшаяся в период ранней социализации под воздействием социальной и культурной среды система предпочтений позже оказывает большое влияние на вкус. Вкус, с точки зрения П. Бурдьё, – это те предпочтения, которые диктует нам габитус. Нам вкусно что-либо, потому что таков наш габитус [3].

П. Бурдьё не следует устоявшейся в XVIII–XIX вв. схеме объяснения вкуса: есть понятие хорошего вкуса, обычно оно формируется высшими классами, а низшие (у которых вкус отсутствует, существуют лишь насущные потребности) – пытаются следовать вкусу высших слоев, тогда мода – требование все старое заменить новым – заставляет высшие классы трансформировать свои вкусы, а низшие вновь смотрят на высшие и копируют их. П. Бурдьё отмечает эту ложную аргументацию – все классы обладают вкусом, низшие – строят свое понимание вкуса и вкусного в оппозиции высшим классам, они также хотят себя отличить. Кроме того, есть слои, которые формируют собственную, отличную от других, систему вкусов, независимую от таковой бедных или богатых. Их можно охарактеризовать как интеллектуалов. Они, не обладая денежным капиталом, связывают свой вкус исключительно с доступным именно их классу вкусом, в том числе богатым интеллектуальным капиталом. Их сдержанность, невозмутимость, неспешность подчеркивают недостижимое превосходство знания над деньгами, идеального над материальным [4].

Американский социолог и экономист Т. Веблен в гл. IV «Демонстративное потребление» из работы «Теория праздного класса» (The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions, 1899) обращает внимание на социальную дифференциацию питания – различия в питании классов. Навязчивая разборчивость в блюдах и напитках является атрибутом высших классов, выступает отдельной способностью, которую необходимо воспитывать. Т. Веблен также говорит о «денежных канонах вкуса» – дорогие продукты считаются вкусными, а столовый сервиз из серебра и ручной работы (т. е. дорогой) делает прием такой пищи еще и красивым. Так формируется денежная психология и эстетика вкуса высшего класса [5]. Итак, *потребление продуктов питания и напитков становится демонстративным* – их употребляют не только для удовлетворения потребности в пище, но и для подтверждения и воспроизводства своего социального статуса.

В XIX в. французское влияние на российскую кулинарию доминирует. Именно из французской кухни появляются салат оливье и винегрет; во французской интерпретации мы теперь знаем пироги (из пшеничного теста, а не из ржаного); французы привили вкус к бургундским и шампанским винам [6].

Однако современный вкус несет в себе исторические трансформации – теперь уже не низшие классы копируют высшие, наблюдается взаимный процесс. Еда неаполитанских бедняков и богачей – пицца – захватила и подчинила себе нехитрым вкусом весь мир [7, с. 119]; такова и природа испанской паэльзы; в России пироги, уличная еда в допетровской Москве – «полденьги пара» – широко распространились в дворянской кухне Петербурга [8].

Если применить теорию габитуса и вкуса к гастрономическому пространству Санкт-Петербурга, можно увидеть, что в действительности такое единое пространство отсутствует, *каждый социальный класс (или слой) по-своему формирует гастрономические предпочтения*. Есть заведения простые – столовые и рюмочные; закусочные и уличная еда – для небогатых потребителей. В противоположность этому существуют дорогие рестораны высокой кухни; места с новомодными тенденциями гастрономии (молекулярная кухня). Между ними располагаются заведения для высшего среднего класса, хорошо представленные ресторанами Ginza, и низшего среднего – «Токио-Сити».

Однако Петербург несет в себе остатки социального равенства, заложенного в советское время. Даже молодое поколение петербуржцев – советские люди по мышлению и габитусу [9]. Поэтому территориальное пространство города не соответствует социальному пространству – нет четкого разделения, как в других мегаполисах, на районы для богатых и бедных. В так называемом «золотом треугольнике» Петербурга еще остается много коммунальных квартир с небогатым населением. Соответственно, *гастрономическое пространство Петербурга представляет собой смешение классовых предпочтений*: богатые питаются не лучше бедных, при этом больше тратят на еду и рестораны [10]. Состоятельные люди вполне могут обедать шавермой и посещать заведения типа Макдоналдса.

Санкт-Петербург возник в эпоху рациональности, планировка его улиц и каналов строго логична и геометрична [11, с. 34]. В XVIII в. начинается большая трансформация русской кухни, которая основана на дифференцировании вкусов. Раньше петербуржцы смешивали вкусы, например сладкое и кислое. В Средние века сладкое сочеталось с острым: некоторые русские продукты сохранили на себе этот отпечаток вкуса Средневековья, до сих пор в тульские печатные пряники добавляют не только сахар, но и острое – мускатный орех и обязательно имбирь [12].

Сегодня петербуржцы требуют чистоты вкуса – соленому свое место, например суп должен быть соленым. Мясу необходимо иметь аутентичный вкус – острый, но острота не должна перебивать вкус основного блюда. Сладкое больше не относится к обеденной группе, теперь оно имеет собственную десертную зону [13]. Значит, современный петербургский вкус – чистый, не смешанный. Он рационален, выделен, разделен и классифицирован. Задача повара при этом стала сложнее – подать блюдо, обладающее чистым вкусом, не смешанным с другим. Поэтому место пряностей в XVIII в. заняли не очень дорогие французские и итальянские травы, большое распространение получили разнообразные жирные соусы (майонез и др.) [14].

Рациональный вкус был не единственным строго выверенным аспектом, сюда стоит включить и рационализацию подачи блюд. В ней не должно быть смешений: сначала закуски; затем суп, который стал называться первым блюдом; после мясо или рыба как *main course* – второе блюдо, с ним основные напитки; в заключение третье – десерт (как правило, сладкое), с ним дижестив (от лат. *digestivus* – средство, способствующее пищеварению). Завершающим этапом этой рационализации выступал хлеб, тысячелетиями составлявший базу питания человека и общества. Теперь он покинул основной рацион и стал закуской, сейчас едят не хлеб, а с хлебом. Если в XIX столетии российский крестьянин еще потреблял его именно как основной рацион, то советское время окончательно вытеснило его в закуски – советский рабочий брал хлеб бесплатно как дополнение к еде.

Вкус вновь трансформируется в XXI в. на волне глобализации, захватившей и гастрономическое пространство Петербурга, вкусы снова начинают смешиваться. Это особенно проявляется во влиянии японской, китайской и корейской кухни. В моде китайские кисло-сладкие блюда, везде подают ферментированный соевый соус или солено-сладкий соус терияки. Петербуржцы теряют вкус к местным продуктам, но приобретают – к экзотическим, сегодня все большей популярностью пользуется кухня фьюжен – сплав различных национальных традиций в приготовлении продуктов [15]. Вкус глобализируется и унифицируется, все любят и едят одно и то же, например суши и роллы, японский суп рамен или китайскую свинину в кисло-сладком соусе. Так возникает глобализированный вкус в противовес локализованному вкусу к местным продуктам.

Целесообразно определить, из чего состоит годовой рацион питания жителя России в сравнении с аналогичным показателем для петербуржца (табл. 1) [16]. Положительной отличительной чертой жителя Петербурга от среднестатистического россиянина является меньший объем потребления хлеба, сахара и картофеля. Однако отмечаются и отрицательные факторы – петербуржцы меньше едят мяса, рыбы (данный аспект можно считать парадоксальным, поскольку Санкт-Петербург – морской город), растительного масла.

Таблица 1 – Потребление продуктов питания за 2019 г.

Продукты	Российская Федерация	Санкт-Петербург
Хлебные изделия, кг	95,7	75,8
Мясо и мясопродукты, кг	90,5	83,3
Рыба и рыбопродукты, кг	21,9	15,6
Молоко и молочные продукты, л	264,9	299,3
Яйца, шт.	235	226
Масло растительное и другие жиры, кг	10,6	8,1
Фрукты и ягоды, кг	75,4	85,6
Овощи и бахчевые, кг	104,1	107
Картофель, кг	58,4	48,5
Сахар, кг	31,2	29,5

Кроме того, следует отметить, что Петербург (Петроград, Ленинград) всегда был самым «сладким» городом России. Здесь открывались наиболее знаменитые кондитерские производства. Например, компания «Жорж Борман» впервые в стране освоила выпуск шоколада в плитках, а в советское время пирожные кондитерской «Север» знали далеко за пределами города. Сегодня Санкт-Петербург продолжает традиции кондитерского производства, работают такие известные предприятия, как Кондитерская фабрика им. Н.К. Крупской, ее фирменный магазин на Невском проспекте продает знаменитый солено-сладкий шоколад «Особый» и множество конфет (в том числе «Мишка на Севере»). Всего в городе производится около 240 тыс. т кондитерских изделий, соответственно, потребляется около 30 кг в год на человека, что гораздо больше среднего уровня в РФ, почти треть жителей Петербурга едят сладкое каждый день.

Наконец, Санкт-Петербург всегда был пивной столицей России. Калининский завод (позже – завод им. Степана Разина), основанный в 1795 г., производил отличные сорта пива. Сейчас первенство принадлежит предприятию «Балтика» (единственному гастрономическому бренду из Петербурга, широко известному за рубежом). Потребление пива в городе на душу населения выше, чем в среднем по РФ, – около 100 л в год.

Таким образом, социально-экономический анализ позволил выделить некоторые черты гастрономического портрета вкусовых предпочтений Петербурга. Отмечаются высокий уровень потребления молока и молочных продуктов, кондитерских изделий и шоколада (присутствуют известные бренды), самый высокий уровень потребления пива.

Ссылки:

1. Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001. 562 с.
2. Gropow J. The Sociology of Taste. L.; N. Y., 1997. 214 p.
3. Бурдые П. Указ. соч. Гл. 3.
4. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Cambridge, Mass., 1984. 640 p.
5. Веблен Т. Теория праздного класса : пер. с англ. М., 1984. 367 с.
6. Лотман Ю.М., Погосян Е.А. Великосветские обеды. Панорама столичной жизни. СПб., 2006. 320 с.
7. Гофф Ж. ле. Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. под общ. ред. В.А. Бабинцева. Екатеринбург, 2005. 559 с.
8. Толстой А.Н. Петр Первый. Минск, 1977. 606 с.
9. Волчкова Л.Т., Ганскау Е.Ю. Образцы семейного питания как фактор формирования социальных отношений и потребительских предпочтений на рынке продовольствия // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2001. № 1. С. 34–49 ; Ганскау Е.Ю. Образцы потребления продуктов питания в Санкт-петербургских семьях // Социология потребления / под ред. Л.Т. Волчковой, Ю. Гронова, В.Н. Мининой. СПб., 2001. С. 109–129 ; Ганскау Е.Ю., Минина В.Н. Правильный обед глазами петербуржцев // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII, № 1 (78). С. 83–99 ; Повседневные практики питания жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области / Е.Ю. Ганскау, В.Н. Минина, Г.И. Семенова, Ю.Е. Гронов // Там же. 2014. Т. XVII, № 1 (72). С. 41–58.

10. Веселов Ю.В., Никифорова О.А., Чернов Г.И. Формирование социально стратифицированных практик питания: влияют ли доходы на здоровье? // Наука и бизнес: пути развития. 2019. № 12 (102). С. 192–199.
11. Семенов С.В. Градостроительное развитие Санкт-Петербурга в 1703–2000-е гг. : автореф. дис. ... д-ра архитектуры. СПб., 2007. 65 с.
12. Демиденко Ю.Б. Рестораны, трактиры, чайные... Из истории общественного питания в Петербурге XVIII – начала XX в. М., 2011. 155 с.
13. Веселов Ю.В., Чернов Г.И. Еда и мы: гастрономический портрет Петербурга // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, № 1. С. 182–209. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.1.8>.
14. Еськова Ю.А. Перспективы и тенденции развития ресторанов национальных кухонь Санкт-Петербурга в соответствии с изменением вектора туристического потока // Экономика России в многополярном мире : материалы студенческой научной конференции. СПб., 2016. С. 38–39.
15. Кравченко С.А. Социальная и культурная динамика еды: приобретения и уязвимости // Социологические исследования. 2015. № 1 (369). С. 85–94.
16. Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2019 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_101/Main.htm (дата обращения: 18.03.2021).

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна

Шамаева Кристина Михайловна

Shamayeva Kristina Mikhailovna

аспирант
кафедры социологии коммуникативных систем
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова

PhD student,
Department of Communicative Systems Sociology,
Lomonosov Moscow State University

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ В СОВЕТСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

COMPARATIVE ANALYSIS OF VALUE ORIENTATIONS OF YOUNG PEOPLE IN SOVIET AND POST-SOVIET TIME

Аннотация:

В развитии современного общества России особую роль играет молодежь. Данный стратегический ресурс считается важным, т. к. молодые люди определяют будущее любой страны. Создание правового государства и гражданского общества невозможно без участия молодого поколения. В рамках статьи автор проводит сравнительный анализ ценностных ориентаций молодежи в советское время и в условиях современной России. Рассматриваются исторические периоды и главенствующие ценности, значимые для молодого поколения на каждом этапе. Кроме того, автор определяет условия, при которых происходят изменения ценностных ориентаций. Текущий период знаменуется модификацией системы ценностей, в первую очередь это касается молодежной среды. В результате исследования сделаны выводы о важности рассматриваемой когорты населения как неотъемлемой части социальной системы, которая играет особую роль в процессе развития человечества.

Ключевые слова:

молодежь, ценностные ориентации, советское время, современная Россия

Summary:

Young people play one of the most important roles in the development of modern Russian society. They are considered to be a significant strategic resource as the youth determines the future of any country. It is impossible to create a legal state and a civil society without the participation of a younger generation. The author of the present study conducts the comparative analysis of value orientations of young people in Soviet time and in modern Russia. There are considered the historical periods and dominant values of young people during these times. The author also defines the conditions under which changes in value orientations occur. The current period is marked by the transformation of the value system, and first of all, the value system of the youth. As a result, the author draws conclusions about the importance of modern youth as an integral part of the social system, which plays a significant role in the process of human development.

Keywords:

youth, value orientations, Soviet time, modern Russia

Содержание и характер будущего государства определяются деятельностью молодого поколения. В связи с этим изучение проблем современной молодежи всегда является актуальной задачей. При этом стоит обратить внимание на то, что приоритеты молодых людей как в России, так и во всем мире изменяются. Одна из сложнейших задач, которая стоит перед каждым взрослым человеком, – это воспитание в подростках гуманности, отзывчивости и доброты [1, с. 121].

Понятие молодежи трактовалось на разных этапах развития человечества по-разному. В общепотребительном смысле под термином «молодежь» подразумевается общность, которая характеризуется определенным возрастом и наличием социально-культурных особенностей [2, с. 17].

В.Т. Лисовский, например, считает, что молодежь является поколением людей, проходящих стадию социализации, усваивающих образовательные, профессиональные, культурные и прочие социальные функции. Как утверждает данный исследователь, возраст молодежи зависит от исторических эпох и условий и колеблется в пределах от 16 до 30 лет [3]. Маргинальная сущность молодежи фиксируется в определении российских ученых, трактующих ее как особую социальную общность, которой свойственны конкретные возрастные характеристики [4, с. 94].

«Компьютерное поколение» и «поколение виртуальной реальности» – так можно назвать современную молодежь. В соответствии с этим для культурных запросов и ценностных ориентиров ее представителей характерно принципиальное отличие от тех, которые наблюдались у предшествующих поколений. Интернет и его активное использование привело к трансформации всех ценностей молодежи [5, с. 13]. Современная молодежь демонстрирует переоценку ценностей всех предыдущих поколений, что обусловлено развитием рационализма и прагматизма [6, с. 122].

Использование общенаучных подходов, прежде всего методов системного анализа, общей теории систем, а также сравнения и обобщения, позволило провести сравнительную оценку ценностных ориентаций молодежи в советское время и в условиях современной России. Если проводить параллель между поколениями, можно заметить значительную разницу в инструменталь-

ных ценностях, о чем свидетельствуют результаты серии всероссийских исследований, проведенных под руководством Н.И. Лапина. Работа осуществлялась с 1990 по 2002 г. методом формализованного интервью, всего было опрошено 1 500 респондентов в 20 регионах, обобщены данные и других опросов [7].

По мнению Н.И. Лапина, проанализировавшего динамику ценностей, ценностно-нормативная система российского социума характеризуется постепенной либерализацией. Одновременно данный автор указывает, что инструментальные и терминальные (базовые) ценности имеют тенденцию к расхождению. Иными словами, в сознании жителей России неизменной остается роль терминальных ценностей (порядка, семьи, общительности), в то время как либеральным ценностям (инициативности, независимости, свободе) отводится все более важная роль среди инструментальных ценностей – их распространенность увеличилась на 8–10 %. При этом распространение таких ценностей, как вольность, следование традициям, самопожертвование, которые являются атрибутами традиционного общества, имеет заметную тенденцию к снижению. В трактовке Н.И. Лапина, это обстоятельство связано с перспективой непримиримой борьбы, спутником которой является нарастающий кризис. Исследователь прогнозирует сохранение направления этих трансформаций в обозримом будущем. Состав ядра останется неизменным с одновременным приближением к нему резервных ценностей независимости и свободы [8, с. 40].

Работу «Ценности молодежи "эпохи перемен": взгляд из России» Л.В. Баевой можно считать одним из самых популярных исследований, посвященных ценностным ориентациям, которые отличают российских молодых людей студенческого возраста [9]. Так, автор говорит о существенном влиянии неблагоприятной ситуации в обществе (экономической, социальной, демографической) на процесс формирования ценностей молодых людей. Их сознание характеризуется отсутствием общей ценностной стабильности, личной неустойчивостью, обусловленными развивающимися в социуме кризисными процессами.

При этом на сегодняшний день можно говорить о неизменности терминальных ценностей для разных поколений, подтверждением чему служат результаты проведенного в декабре 2020 г. социологического исследования, в котором роль респондентов принадлежала студентам МГУ им. М.В. Ломоносова. Конечной целью анализа заявлено выявление доминирующих ценностей молодых людей. Методику М. Рокича «Ценностные ориентации» использовали в качестве методологической основы. Всего в опросе принимали участие 240 обучающихся. Мужчины и женщины были представлены в равных пропорциях. Возраст 138 участников колебался в пределах 22–26 лет, 102 – 18–21 год.

В таблице 1 приведена статистика по терминальной группе ценностей. На основе этих данных можно констатировать, что первое место среди самых важных ценностей принадлежит семье, второе – здоровью, третье – материальному благополучию. Менее значимыми являются ценности, которые связаны с созерцанием, творческой самореализацией, поиском смысла жизни, процессом формирования широкого мировоззрения. Причина такого положения состоит в том, что традиционные общечеловеческие ценности не до конца поняты респондентами, равно как и то, каким образом эти ценности сказываются на функционировании отдельной личности и общества в целом.

Таблица 1 – Ранговое распределение терминальных ценностей

Терминальная ценность	Среднее значение по группе
Счастливая семейная жизнь	4,87
Здоровье	5,17
Материально обеспеченная жизнь	5,25
Интересная работа	6,50
Любовь	7,04
Активная деятельная жизнь	7,55
Наличие хороших и верных друзей	8,55
Уверенность в себе	8,67
Развитие	9,35
Общественное призвание	10,02
Продуктивная жизнь	10,15
Жизненная мудрость	10,42
Свобода	11,24
Познание	11,41
Развлечение	11,53
Счастье других	12,99
Творчество	13,35
Красота природы и искусства	13,43

Таблица 2 иллюстрирует результаты анализа инструментальной группы ценностей. Для большей части студентов среди таких ценностей, необходимых для эффективной работы, важнейшая роль принадлежит ответственности, образованности и самоконтролю. В пятерке наиболее важных стоит отметить материально обеспеченную жизнь и интересную работу. Подобные результаты свидетельствуют о том, что значимость знания, образования и информации возрастает. Это следует рассматривать в качестве первостепенного фактора личностного развития и повышения качества жизни. Молодые люди главным образом считают знания инструментальной ценностью, обеспечивающей продвижение по карьерной лестнице, а не самоцелью.

Таблица 2 – Ранговое распределение инструментальных ценностей

Инструментальная ценность	Среднее значение по группе
Образованность	6,25
Ответственность	7,40
Независимость	7,42
Воспитанность	7,80
Исполнительность	8,13
Твердая воля	8,46
Честность	8,51
Самоконтроль	8,52
Терпимость	9,37
Жизнерадостность	9,45
Смелость в отстаивании мнения, взглядов	9,81
Рационализм	9,82
Широта взглядов	10,12
Аккуратность	10,16
Эффективность в делах	10,62
Непримиримость к недостаткам в себе и других	11,45
Высокие запросы	12,92
Чуткость	13,07

Массовое сознание молодых людей оказалось под ощутимым влиянием трансформационных процессов, развернувшихся в современном российском обществе. По сути, в сознании молодежи сформировалась новая система ценностей, что обусловлено ломкой предыдущего уклада и появлением новых форм общественного устройства (выборностью органов власти, становлением демократических институтов, идеологического плюрализма, модификацией форм собственности). При этом психофизические, возрастные качества молодых людей являются определяющими при сходстве разных поколений. Однако каждая эпоха характеризуется своими факторами (историческими, культурными, экономическими, социальными), воздействующими на представителей молодого поколения.

Сознание молодых людей подвержено постоянной трансформации, что обуславливает важнейшую роль молодежи в процессе эволюции человечества. Вместе с тем в наши дни чрезвычайно важна задача формирования системы, охватывающей воспитание и социализацию представителей молодого поколения, способной стать для них опорой при восприятии истинных ценностей, без которых развитие здорового общества не представляется возможным.

Ссылки:

1. Дедюхина Ю.А. Современная молодежная культура // Система ценностей современного общества. 2014. № 33. С. 121–124.
2. Атабиева З.А. Состояние и тенденции развития нравственных ценностей студенческой молодежи // Актуальные вопросы современной науки. 2014. № 37. С. 17–25.
3. Лисовский В.Т. Советское студенчество. Социологические очерки. М., 1990. 216 с.
4. Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. Динамика ценностных ориентации в период социальной трансформации (поколенный подход) // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 96–105.
5. Биктагирова А.Р. Ценности современной молодежи // Психологическое благополучие современного человека : материалы международной заочной научно-практической конференции / отв. ред. С.А. Водяха. Екатеринбург, 2019. С. 340–347.
6. Дедюхина Ю.А. Указ. соч. С. 122.
7. Динамика ценностей населения реформируемой России / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, Н.Ф. Наумова, А.Г. Здравомыслов ; отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М., 1996. 224 с. ; Лапин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. 2000. № 3. С. 3–47 ; Лапин Н.И. Ценности «сохранение – открытость изменениям» и сетевые инновационные институты // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 37–51.
8. Ильинович Е.Б., Жупник О.Н. Ценностные ориентации современной российской студенческой молодежи в условиях трансформации общества // Аспирантский вестник Поволжья. 2017. Т. 17, № 3–4. С. 38–42. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2017.0.3-4.38-42>.
9. Баева Л.В. Ценности молодежи «эпохи перемен»: взгляд из России // Socioloska Luca. 2007. № 2-1. С. 74–81.

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Герасимова Валентина Евгеньевна

УДК 331.526(510):316+33

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.10>

Ян Юнькэ

Yang Yunke

аспирант кафедры экономической социологии
Санкт-Петербургского
государственного университета

PhD student,
Department of Economic Sociology,
Saint Petersburg State University

ФЕНОМЕН СВЕРХУРОЧНОЙ ЗАНЯТОСТИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ: ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

THE PHENOMENON OF OVERTIME EMPLOYMENT IN MODERN CHINA: POSSIBILITIES OF ECONOMIC AND SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Аннотация:

В статье анализируются основные аспекты развития трудовых отношений в современной информатизирующейся и цифровизирующейся экономике Китая. Предметом исследования является феномен сверхурочной занятости, который анализируется с точки зрения теории и методологии экономической социологии и на примере введения в производственный процесс предприятий IT-индустрии системы организации труда «996», являющейся объектом дискуссий в современном китайском обществе. В качестве теоретико-методологической основы исследования использованы идеи Майкла Бурового, связанные с «производством согласия» на добровольную эксплуатацию в рамках социально-трудовых отношений современного постиндустриального капитализма. Обращается внимание на то, что сверхурочная работа давно является элементом организационной культуры предприятий разных стран, а распространенности ее во все большей мере теперь способствует экономическая глобализация. Делается вывод о том, что сверхурочная работа в сформировавшихся на данный момент социально-экономических условиях представляется неизбежностью. Однако ее активное использование в промышленно-экономическом развитии Китая не может иметь долгосрочной основы в связи с нарастающим ее негативным восприятием в китайском обществе.

Ключевые слова:

сверхурочная занятость, цифровая экономика, социология труда, экономическая социология, социальная демография, Китай

Summary:

The study analyzes the main aspects of the development of labor relations in the modern informatization and digitalization of the Chinese economy. The subject of the paper is the phenomenon of overtime employment. This phenomenon is analyzed from the point of view of the theory and methodology of economic sociology and on the example of the introduction of the labor organization system "996" into the production system of IT-industry enterprises, which is the object of discussion in modern Chinese society. The theoretical and methodological basis of the research is based on the ideas of Michael Burawoy, in particular, it is associated with the "production of consent" to voluntary exploitation in the framework of social and labor relations of modern post-industrial capitalism. The attention is drawn to the fact that overtime work has long been an element of the organizational culture of enterprises in different countries. Its prevalence is now increasingly promoted by economic globalization. It is concluded that overtime work in the current socio-economic conditions is inevitable. However, its active usage in the industrial and economic development of China cannot have a long-term basis due to its growing negative perception in Chinese public opinion.

Keywords:

overtime employment, digital economy, labor sociology, economic sociology, social demography, China

Экономическая социология в Китае является одной из самых быстро и динамично развивающихся отраслей научных исследований [1]. В сферу интересов ученых в рамках данной отрасли входит широкий спектр проблем развития социально-трудовых отношений в стремительно информатизирующейся и цифровизирующейся китайской экономике. Феномен сверхурочной занятости – один из наиболее востребованных объектов современных экономико-социологических исследований в Китае.

11 апреля 2019 г. Джек Ма, основатель корпорации «Alibaba Group», на очередном внутрикорпоративном собрании трудового коллектива заявил следующее: «Большой удачей для молодых работников является то, что китайские предприятия имеют возможность внедрить систему организации труда «996» [2]. Это особенно созвучно актуальным проблемам современности: наиболее остро в контексте развития современной мировой экономики и экономики отдельных стран стоит вопрос занятости молодежи [3].

Использование китайскими компаниями и предприятиями полуофициальной системы организации труда «996», в рамках которой работник начинает работу с 9 часов утра, заканчивает в 9 часов вечера, работает шесть дней в неделю, является объектом жарких дискуссий как среди

простых граждан современного китайского общества, так и среди исследователей трудовых отношений. Противники этой системы считают, что она нарушает законодательство в сфере прав и интересов трудящихся [4]. Сторонники же ее считают, что именно система «996» как легитимизация сверхурочной занятости может стать движущей силой современного экономического развития Китая. Тем более что еще до активного внедрения в социально-трудовые отношения системы «996» среднегодовая продолжительность рабочего времени китайских трудящихся и так была одной из самых высоких в мире (см. рис. 1), а сверхурочная работа фактически вошла в привычку у многих китайцев. Это обстоятельство и привлекает внимание социологов к рассматриваемому феномену, все в большей мере влияющему на повседневную жизнь граждан.

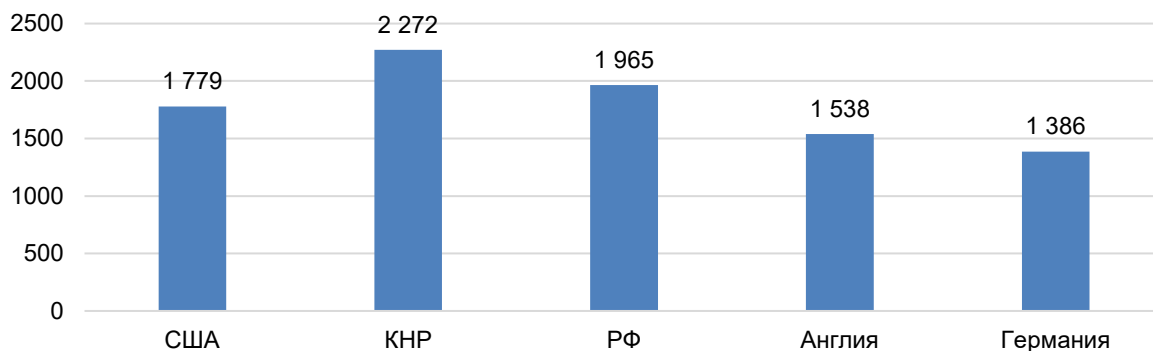

Рисунок 1 – Диаграмма «Рабочее время в разных странах» [5]

По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Национального бюро статистики Китая, среднегодовая продолжительность рабочего времени китайских рабочих в 2019 г. достигла 2 272 часов [6], что на 27 % больше, чем в США (1779 часов), и на 15 % выше, чем в России (1 965 часов). Это значит, что система «996» не нова и отражает давнюю историю развития подобных трудовых отношений в Китае [7]. Сверхурочная работа органично вписалась в организационную культуру предприятий разных стран, а распространению ее среди работников во все большей мере теперь способствует экономическая глобализация [8].

В течение последних десятилетий XX в. модель социально-экономического развития и регулирования социально-трудовых отношений Китая претерпела существенные изменения. На первых этапах выстраивания системы народного хозяйства после основания КНР Китай подражал Советскому Союзу, воспроизводя образец плановой экономики с соответствующей моделью распределения трудовых ресурсов и управления ими [9]. Но с конца 1970-х гг. Поднебесная начала осуществление принципиально новой политики «реформ и открытости». Получил развитие частный сектор экономики. Появился рынок труда. Закономерно, что с увеличением числа частных предприятий существенно вырос и спрос на рабочую силу. Поскольку затраты на сотрудников в первые десятилетия реализации указанной политики были низкими, частные компании получали высокую прибыль, а экономика Китая развивалась быстрыми темпами. В 1985 г. китайский социолог Хуан Цзунчжи стал даже использовать для характеристики процессов в сфере развития социально-трудовых отношений термин «инволюция», обозначая нарастающие диспропорции и социальные проблемы, вызванные низкими инвестициями в человеческий капитал при существенном росте объема выпуска продукции [10].

Однако в современном Китае возможности для использования демографического ресурса в производственно-экономическом развитии страны постепенно сокращаются. Уже нельзя делать ставку на привлечение большого количества дешевой рабочей силы для повышения производительности труда, поэтому китайский бизнес стал искать другие пути повышения эффективности использования трудовых ресурсов. Предприниматели переориентировались на регулирование рабочего времени в сторону его увеличения, чтобы поддерживать необходимые темпы прироста прибыли. В связи с этим и была внедрена система «996». Следует отметить, что, несмотря на негативное восприятие этой системы в обществе, многие работники все же вполне готовы принять ее условия. Данные опросов показывают, что система «996» получила широкое распространение не только в сфере IT-индустрии (где ненормированный рабочий день и так был в порядке вещей), но и на производстве, а также в строительстве [11]. Однако в данной работе мы рассматриваем этот феномен на примере IT-индустрии, поскольку именно на предприятиях данной отрасли противоречия трудовых отношений, вызванные введением рассматриваемой системы, проявляются наиболее ярко.

Почему сложилась подобная ситуация? С начала XXI в., в связи со стремительной информатизацией и цифровизацией экономики Китая, существенно увеличилось количество высокообразованных и хорошо зарабатывающих специалистов, занятых в IT-индустрии. Труд таких работников обладает определенной спецификой, связанной с его существенной интеллектуализацией и высокими требованиями к креативности, что также предполагает гибкость при выполнении производственных задач и высокий уровень самостоятельности в принятии решений, связанных с расходованием индивидуального рабочего времени. И это нередко приводит к смещению приоритетов самих трудящихся: свободное время они часто стали использовать как дополнительное рабочее, которое стараются занять выполнением текущих и дополнительных трудовых поручений.

Для того чтобы объяснить стремление таких людей взять на себя дополнительные трудовые обязательства в ущерб личному свободному времени, можно обратиться к выводам знаменитого социолога М. Буравого, сделанным им в его известной работе – «Производство согласия: изменения в процессе труда в условиях монополистического капитализма» [12]. Анализируя проблемы и противоречия капиталистического рынка труда, исследователь выявил интересную тенденцию его современного развития: с эволюцией производства классовые противоречия смещаются в сферу противостояния работников и управленцев предприятия (топ-менеджеров). Однако при этом особенно важно то, что чем дальше развивается корпоративный капитализм в большинстве стран, тем меньше наемные работники оказывают сопротивление эксплуататорской системе корпоративной организации труда, и, более того, добровольно «соглашаются» на очевидно несправедливую систему регулирования социально-трудовых отношений на современных предприятиях [13]. Принятие многими сотрудниками китайских компаний (не только высокооплачиваемыми специалистами IT-сферы) системы «996» – яркий тому пример.

М. Буравой указывает, что на заре индустриального капитализма господствующей концепцией организации трудовых отношений был «фордизм», являвшийся синонимом экономического авторитаризма. Капиталисты полностью полагались на «фабричную диктатуру» в управлении рабочими с целью повышения эффективности производства. Но ситуация изменилась, и в 1960–1970-х гг. западные бизнесмены обнаружили, что только лишь привычное для них экономическое принуждение уже больше не может определять порядок производства. Поэтому возникло новое понятие – «добровольное рабство» (“voluntary servitude”) [14].

В ходе своих исследований М. Буравой обнаружил специфический социально-управленческий механизм, с помощью которого капиталисты создают латентные условия для присвоения прибавочной стоимости в современной производственной системе, при этом еще и обеспечивая «добровольное согласие» работников на усиление капиталистической эксплуатации в постиндустриальной экономике. Специфика функционирования указанного механизма такова: на современных производственных предприятиях заработная плата существует в виде прямой сдельной системы оплаты труда, но с минимальными гарантиями выплаты. Таким образом формируется дополнительный стимул для каждого конкретного работника, постоянно подталкивающий его к добровольным индивидуальным трудовым действиям, направленным на получение дополнительной заработной платы [15]. В рамках этой системы для каждой производственной операции предприятие устанавливает оптимальные показатели: например, количество продукции, которое может быть произведено за час и, соответственно, оплачено. При выполнении трудового задания на уровне этих показателей работник может получить только базовую (и, скорее всего, совсем скромную) заработную плату; однако при превышении «плана» он уже вправе рассчитывать на значительную премию или существенную прибавку к установленной базовой сумме оплаты его труда. За счет чего будет достигнуто данное превышение – повышения интенсивности труда или сверхурочной работы – это уже определяет каждый работник сам, индивидуально. И поскольку такая система оплаты труда в основном ориентирована на стимулирование индивидуальных, а не коллективных трудовых усилий, то она еще и обостряет конкуренцию между отдельными работниками за премию или прибавку к зарплате, что также является дополнительным трудовым стимулом. Подобный социально-управленческий механизм фактически подталкивает подавляющее большинство наемных работников (как правило, у них нет никаких других источников дохода, кроме заработной платы) к постоянному участию в этой внутриорганизационной «игре за получение прибавки», ведь выигрыш в современных условиях будет означать не только повышение индивидуального уровня жизни, но и, главное, качества жизни [16].

В постиндустриальном обществе участие большинства трудящихся в подобной «гонке» трансформирует традиционный для индустриального капитализма классовый конфликт между сотрудниками предприятий и их собственниками в постоянно нарастающую конкуренцию уже непосредственно между трудящимися за получение дополнительного (и зачастую весьма существенного) вознаграждения за работу. Кроме того, участие людей в этой «игре» также обусловлено существованием нематериального стимула – культа успеха, проявляющегося, прежде

всего, в расширении возможностей интеграции каждого конкретного работника в «общество потребления» в своей стране (при ориентации на подражание потребительским возможностям западноевропейского и североамериканского среднего класса). Этот культ стал неотъемлемой ценностью геокультуры мирового капитализма, быстро распространившись в системе современных обществ благодаря экономической и культурной глобализации [17, с. 107–126].

Структура и организация производства в современной цифровизирующейся китайской экономике претерпевают серьезные трансформации. В компаниях IT-индустрии основная производственная деятельность осуществляется уже не в заводских цехах индустриальной эры, а преимущественно в офисах. При этом основную прибыль компаниям приносят не «синие воротнички» экономики, а «белые» – представители постиндустриальной производственной системы. По сравнению с традиционными промышленными рабочими они более независимы от трудового процесса, воплощенного в результатах коллективных усилий, и поэтому все более активно конкурируют между собой. Система организации труда «996» – это лишь производная от интенсификации подобной беловоротничковой конкуренции, и если работодателям будет нужно, то в сформировавшихся постиндустриальных социально-трудовых отношениях они смогут реализовать и систему «997». Хотя конкуренция среди, к примеру, программистов или иных IT-специалистов уже близка к физиологическим пределам человеческого организма, все большее число «белых воротничков» с готовностью включаются в «игру за получение прибавки» и, испытывая на себе влияние методов «добровольного принуждения», ориентируются на сверхурочную работу, становящуюся на все большем количестве предприятий нормой, принимаемой всем персоналом, соблюдение которой оборачивается интеллектуальным и физиологическим перенапряжением. Рабочий стресс специалисты Всемирной организации здравоохранения уже считают эпидемией XXI в. [18].

В начале января 2021 г. в китайском интернет-гиганте «Pinduoduo» (в настоящее время в области китайской электронной коммерции он уступает только компании «Alibaba») за неделю были зафиксированы две внезапные смерти сотрудников в результате совершения ими самоубийства. По данным полицейского расследования, оба работника длительное время находились в состоянии стресса и психофизиологического перенапряжения вследствие активного внедрения в управление социально-трудовыми отношениями организации системы «996» [19]. Есть также информация о том, что многие сотрудники компании стараются работать без отпуска, чтобы получить его компенсацию в виде бонуса. На самом деле не только в «Pinduoduo», но и во всей IT-индустрии с организацией труда дело обстоит именно таким образом. По данным экономико-статистических исследований, заработная плата работников, занятых в IT-индустрии, вышла на лидирующие позиции в Китае (см. рис. 2).

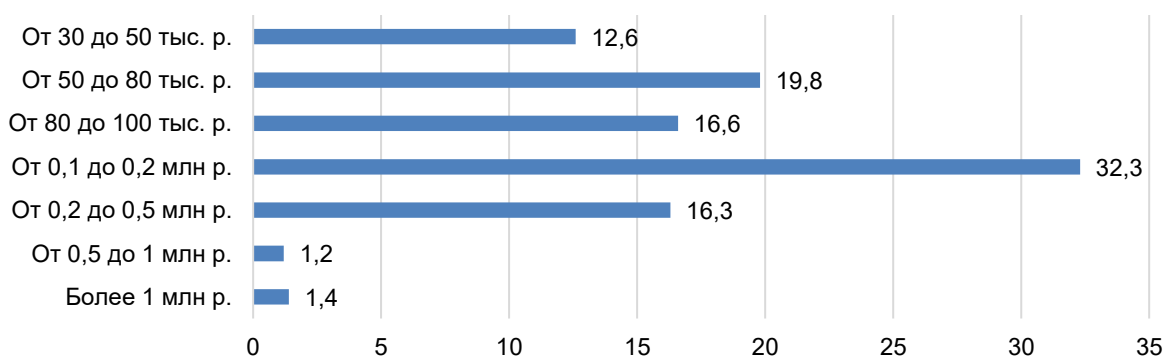

Рисунок 2 – Диаграмма «Среднемесячный доход китайских программистов» [20]

По данным Национального бюро статистики Китая, в 2017 г. среднемесячная заработная плата людей, занятых на частных предприятиях в мегаполисах страны, составила 38 000 р., в то время как среднемесячная заработная плата китайских работников IT-индустрии в том же году была значительно выше. Таким образом, данные статистики подтверждают тот факт, что человеческий капитал предприятий IT-индустрии Китая существенно вырос в цене. Однако есть тут и скрытое противоречие: с одной стороны, из-за усиления конкуренции на рынке компании этой сферы заинтересованы в новых разработках для получения все большей прибыли и в том, чтобы квалифицированный персонал заключал с ними долгосрочные трудовые контакты для сохранения нужного уровня и качества кадрового капитала; с другой стороны, предприятия IT-индустрии нуждаются в постоянном повышении производительности труда своих специалистов, поэтому внедряют все более новые и изощренные системы эксплуатации труда, ведущие к увеличению объемов «добровольного принуждения» и эрозии человеческого капитала вследствие проанализированных выше причин [21].

Не менее важно изучение восприятия сверхурочной работы самими трудящимися. Например, китайский социолог-экономист Ян Фэй (университет Цинхуа) в результате проведенного исследования пришел к следующему выводу: если анализировать социокультурный феномен сверхурочной работы с точки зрения его восприятия самим работником, то его «добровольное согласие» на подобную сверхэксплуатацию со стороны частных работодателей тесно связано с социально-экономическим развитием Китая в целом, а именно с ускорением процесса развития постиндустриального урбанизированного общества и соответствующей ему хозяйственной системы. Для того чтобы жить в крупном городе, трудящиеся должны работать все больше и больше, причем на все более высокотехнологичной, требующей знаний и качественного образования работе. Но с интенсификацией урбанизации и быстрым повышением уровня образования, расширением возможностей для получения высшего образования, ростом числа выпускников университетов количество предложений на рынке труда в мегаполисах увеличивается. К примеру, согласно данным, опубликованным Министерством образования Китая, только число выпускников колледжей в 2020 г. достигло 8,74 млн человек [22], что стало рекордом. Вне всяких сомнений, такое большое количество людей, получивших качественное образование, с одной стороны, обеспечивает потребность общества в талантливых работниках, столь необходимых для высокотехнологичных производств, а с другой – резко усиливает конкуренцию за возможность трудоустроиться на высокооплачиваемое рабочее место. Получение основного и дополнительного образования, нахождение хорошего рабочего места вовсе не гарантируют успех. Людям, несмотря на высокую квалификацию и усердие, приходится работать все больше и интенсивнее, чтобы хотя бы элементарно соответствовать постоянно повышающимся требованиям и запросам работодателей. Поэтому сверхурочный труд становится социально одобряемой нормой жизни в крупных городах. Тем более если работник желает жить в мегаполисе, где все немислимо дорогое, и получать сверхзаработок в сфере IT-индустрии [23].

Как отмечает еще один социолог Ван Чэн Вэй (университет Цинхуа), IT-компании все более активно используют различные методики управления корпоративной культурой труда для стимулирования осознания важности и необходимости интенсификации трудовых усилий и конкуренции между сотрудниками как способ повышения производительности труда, для достижения эффекта «добровольного согласия» работников на сверхурочную работу и отказа от досуга в обмен на материальные гарантии и возможность проживания в мегаполисе (уже сами по себе являющиеся статусным благом) [24].

Таким образом, рассмотренная нами система сверхурочной занятости «996» имеет свою объективную социально-экономическую подоплеку в современном Китае, активно внедряется в разных отраслях, прежде всего в IT-индустрии [25]. Ее распространение в регулировании трудовых отношений на современных китайских предприятиях является оборотной стороной интенсификации социально-экономического развития страны и свидетельством усиления влияния экономической глобализации на Китай. «Добровольное согласие» сотрудников высокотехнологичных компаний на сверхурочную работу представляет собой также проявление объективного процесса дальнейшей маркетизации организационной культуры труда в рамках развития глобального постиндустриального капитализма. Позитивные изменения в сложившейся со сверхурочной занятостью ситуации возможны лишь при существенных институциональных изменениях в процессе государственного регулирования социально-трудовых отношений. Сверхурочная работа в таких условиях представляется неизбежностью, однако ее дальнейшее активное использование в современном промышленно-экономическом развитии Китая не может иметь долгосрочную перспективу в связи с существующим запросом на социальную справедливость и прогнозируемым специалистами достижением уже в скором времени психофизиологического и социально-психологического предела эффективности такой трудовой деятельности. Однако экономико-социологический анализ феномена сверхурочной занятости должен быть продолжен в связи с многогранностью явления сверхурочной деятельности и ее слабой изученностью в рамках современных экономико-социологических исследований.

Ссылки:

1. Е Чжаося, Петров А.В. Экономическая социология в Китае // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 1 (42). С. 33–38.
2. 马云谈996：能够996是修来的福报，很多人想做没机会 = Ян Шинце. Ма Юнь и система 996 // Понпай. 2019. 12 апреля. На кит. яз.
3. Петров А.В. Социальное партнерство и проблемы занятости молодежи в современной глобальной экономике // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 4 (25). С. 116–120.
4. 梁洪霞,王芳.从“996制度”看中国的劳动保护.西南政法大学学报 = Лян З Хунся, Ван Фанг. Просмотр трудовой защиты Китая из «системы 996» // Журнал Юго-Западного университета политологии и права. 2019. № 6 (21). С. 60–75. На кит. яз.
5. Average Annual Hours Actually Worked per Worker [Электронный ресурс] // OECD.stat. URL: <https://stats.oecd.org/In-dex.aspx?DataSetCode=ANHRS> (дата обращения: 01.03.2021) ; 2018年全国时间利用调查公报 = Национальный бюллетень обследования использования времени 2018 [Электронный ресурс] // National Bureau of Statistics. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201901/t20190125_1646796.html (дата обращения: 01.03.2021). На кит. яз.
6. Average Annual Hours Actually Worked Per Worker ...

7. Cui Jingyi. Research Review on Overtime Issues // *Modern Management*. 2018. Vol. 8, iss. 4. P. 387–394. <https://doi.org/10.12677/mm.2018.84045>.
8. Petrov A.V. Labour Culture in the Trap of Economic Globalization: View of Contemporary Economic Sociology // *Journal of Economic Sociology*. 2013. Vol. 1, iss. 1. P. 116–129.
9. 刘来会. 改革开放以来中国的俄罗斯经济研究. 俄罗斯东欧中亚研究 = Лю Лайхуэй. Исследования российской экономики после реформ и открытости в Китае // *Исследования по России, Восточной Европе и Центральной Азии*. 2019. № 6 (9). С. 130–147. На кит. яз.
10. Хуан Цзунчжи. Экономические и социальные изменения мелких фермеров в Северном Китае. Пекин, 1985. 380 с.
11. 郑广怀, 孙慧, 万向东. 非正式就业中的劳动控制. 社会学研究 = Чжэн Гуанхуай, Сунь Хуэй, Ван Сяндун. Контроль за трудом в неформальной занятости // *Социологические исследования*. 2015. № 3. С. 170–195. На кит. яз.
12. Burawoy M. *Manufacturing Consent: Changes in the Labor Process Under Monopoly Capitalism*. Chicago, 1982. 267 p. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226217710.001.0001>.
13. 赵丁琪. 澎湃新闻. 内卷与现代中国社会的“赶工游戏” = Чжао Динци. Инволюции и «игра труда» современного китайского общества // *Понпай*. 2020. 16 декабря. На кит. яз.
14. Burawoy M. *Op. cit.*
15. 游正林. 制造认同的又一种模式. 社会 = Ю Чжэнлинь. Другой способ создания соглашения // *Общество*. 2009. № 29 (1). С. 173–196.
16. 中国家庭就业调查: 看看哪些行业加班多 = Китайское исследование занятости домашних хозяйств: взгляд на то, какие отрасли работают больше сверхурочно [Электронный ресурс] // CPR. URL: <https://cpr-iesr.jnu.edu.cn/2019/0703/c14618a356991/page.psp> (дата обращения: 01.03.2021). На кит. яз.
17. Петров А.В. «Глобализация» экономики: социальные и политические аспекты. СПб., 2009. 198 с.
18. 王程韩, 杨坤韵. 进取与迷失: 程序员实习生的职业生活. 社会 = Ван Чэнвэй, Ян Кунъюнь. Предприимчивый и потерянный: профессиональная жизнь стажеров-программистов // *Общество*. 2019. № 39 (3). С. 93–122. На кит. яз.
19. В Китае умерла молодая сотрудница крупной технологической компании. Общественность винит напряженный график работы [Электронный ресурс] // ЭКД! URL: <http://ekd.me/2021/01/pinduoduo-young-employee-death/> (дата обращения: 01.03.2021).
20. Доклад о доходах китайских программистов в 2017 году (Alibaba Group) [Электронный ресурс] // Cniteyes. URL: <https://www.cniteyes.com/data/upload/2018/0103/14/5a4c76601c0a4.pdf>.
21. Доклад о доходах китайских программистов в 2017 году...
22. 2020届高校毕业生达874万人再创历史新高 = В 2020 году число выпускников вузов достигнет рекордного уровня в 874 миллиона человек [Электронный ресурс] // Министерство образования Китая. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-05/12/content_5511060.htm (дата обращения: 22.03.2021). На кит. яз.
23. 清华社会学教授谈“996加班文化”: 为何加班成趋势? = Ян Фэй. Культура системы 996: Почему сверхурочная работа – это тенденция? [Электронный ресурс] // Sina. URL: <https://cutt.ly/HxEz9TS> (дата обращения: 22.03.2021). На кит. яз.
24. 王程韩. 一场社会学的冒险. 人民文学出版社. = Ван Чэнвэй. Социологическое приключение. Пекин, 2021. 260 с. На кит. яз.
25. 梁萌. 996加班工作制: 互联网公司管理控制变迁研究. 科学与社会. = Лян Мэн. Система 996 сверхурочной работы: исследование изменений в системе управления интернет-компаниями // *Наука и общество*. 2019. № 9 (3). С. 67–86. На кит. яз.

Редактор: Ситникова Ольга Валериевна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна

УДК 378.1:159.99

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.11>**Морозова Ирина Станиславовна****Morozova Irina Stanislavovna**

доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой акмеологии и психологии
развития, директор Института образования
Кемеровского государственного университета

D.Phil. in Psychology, Professor, Head, Acmeology
and Developmental Psychology Department,
Director, Institute of Education,
Kemerovo State University

Каргина Анастасия Евгеньевна**Kargina Anastasiya Evgenievna**

ассистент кафедры акмеологии
и психологии развития Института образования
Кемеровского государственного университета

Assistant Professor, Department of Acmeology
and Developmental Psychology,
Institute of Education, Kemerovo State University

ФОРМИРОВАНИЕ КОНСТРУКТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ ПЕРВОКУРСНИКОВ СРЕДСТВАМИ ПСИХОЛОГО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

FORMING OF CONSTRUCTIVE STRATEGIES FOR OVERCOMING DIFFICULT LIFE SITUATIONS OF FRESHMEN BY MEANS OF PSYCHOLOGY-EDUCATIONAL SUPPORT

Аннотация:

Находясь в ситуации, трудность которой определяется субъективно, человек стремится воспользоваться внутренними ресурсами и найти выход. В статье анализируются результаты экспериментального исследования процесса формирования конструктивных стратегий, направленных на преодоление трудных жизненных ситуаций личности на начальном этапе получения высшего образования. Дополнены представления о вариативности стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций. Рассмотрены психолого-образовательные возможности использования способов преодоления в условиях специально организованного воздействия. Обоснована необходимость учета личностных особенностей обучающихся в процессе формирования конструктивных стратегий преодоления. Доказано, что специально разработанная программа развития осознанной готовности к выбору стратегий преодоления обеспечивает повышение уровня осмысленности принимаемых решений и осознанности альтернативных вариантов поведения. Обогащение жизненного опыта в специально организованных условиях способствует развитию готовности первокурсников к выбору конструктивных стратегий преодоления в трудных жизненных ситуациях.

Ключевые слова:

конструктивные стратегии, выбор стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций, психолого-образовательное сопровождение

Summary:

Being in a situation, the difficulty of which is determined subjectively, a person seeks to use internal resources and find a way out. The paper analyzes the results of an experimental study of the formation of constructive strategies aimed at overcoming difficult life situations of an individual at the initial stage of obtaining higher education. The ideas about the variability of strategies coping with difficult life situations have been supplemented. The psychological and educational possibilities of using the methods of coping in the conditions of specially organized influence are considered. The necessity of taking into account the personal characteristics of students in the process of forming constructive coping strategies is substantiated. It is proved that a specially designed program for the development of conscious readiness to choose coping strategies provides an increase in the level of meaningfulness of made decisions and awareness of alternative behavior. The enrichment of life experience in specially organized conditions contributes to the development of freshmen's conscious readiness to choose constructive coping strategies in difficult life situations.

Keywords:

constructive coping strategies, selection of strategies for overcoming difficult life situations, psychology-educational support

И эмоциональная, и интеллектуальная сферы важны для развития личности, индивидуальности человека. Находясь в ситуации, трудность которой определяется субъективно, он стремится воспользоваться внутренними ресурсами и найти выход. Опираясь на имеющиеся исследования, обозначим, что процесс формирования способов преодоления трудных жизненных ситуаций имеет специфические особенности, обусловленные возрастными психологическими характеристиками обучающихся, их жизненным опытом, а также условиями образовательной среды [1].

По мнению С.А. Малегоновой и И.А. Ральниковой, необходимо систематизировать стратегии преодолевающего поведения, выделив среди них по критерию продуктивности конструктивные и пассивные, а по критерию ресурсов – стратегии когнитивной, поведенческой адаптации и эмоционально ориентированные стратегии [2].

С.В. Ешмейкина говорит о важности своевременной профилактики закрепления неадаптивных копингов как черт личности за счет развития адаптивных стратегий совладающего поведения еще в подростковом возрасте [3].

На необходимость развития адаптивных стратегий на основе эмпатии, рефлексии и децентрации указывает Л.Н. Антилогова [4].

Н.А. Сирота и В.М. Ялтинский подчеркивают, что формирование стратегии «Разрешение проблем» помогает снижению уровня деструктивности психологической защиты [5].

Выбор оптимального копинга у студентов вуза связан с экстраверсией, саморегуляцией, рефлексивностью, творческим мышлением, психологической зрелостью и высокой самооценкой, что стало свидетельством возможности формирования у них копинг-стратегий. При этом данный процесс следует организовывать в условиях тренингов личностного роста с элементами коррекции отдельных индивидуальных параметров и навыков адаптивного поведения. Для студентов первого курса характерен выбор таких непродуктивных копинг-стратегий, как дистанцирование и бегство-избегание, что свидетельствует о повышенном уровне у них психического и физического дискомфорта [6].

Е.Н. Рядинская и М.А. Матушкина реализовали тренинговую программу по формированию адаптивных копинг-стратегий, которые способствуют позитивному принятию себя молодежью и допускают эффективное преодоление критических ситуаций существования [7].

Г.А. Кузьмина утверждает: для того чтобы избежать или минимизировать отрицательное воздействие на личность, необходимо выработать и использовать продуктивные стратегии копинга. Развитие стратегии «оценка проблемы» преподаватель, куратор, воспитатель или любой другой человек, отвечающий за взаимодействие с обучающимися, может стимулировать путем предоставления наиболее полной информации о проблеме, демонстрации возможных вариантов ее решения, приведения успешных примеров и т. д. Содействовать развитию копинг-стратегии «Поиск решения проблемы» у обучающихся можно, помогая им ставить те или иные цели и задачи, определять их приоритет и корректно контролируя их исполнение. Стратегию, нацеленную на эмоции, можно формировать, ориентируя обучающихся на познание и применение методики саморегуляции, самоанализа и продуктивной эмоциональной разгрузки, контроля своих эмоциональных состояний [8]. О необходимости развития способности совладания говорится также в работах А.А. Мишина и коллег [9].

Рассматривая проблему копинг-ресурсов личности, Н.А. Лужбина, И.А. Ральникова, Е.В. Васильева, О.М. Любимова предлагают учитывать сформированную позитивную Я-концепцию, локус контроля, эмпатию, аффилиацию, когнитивные способности, эмоциональный интеллект [10].

Психолого-образовательное сопровождение понимается как помощь и поддержка, реализуемые в контексте гуманистического направления, на которое опирается педагогическая парадигма современного общества. По мнению О.М. Краснорядцевой, психолого-образовательное сопровождение следует интерпретировать как «создание специальных условий, при которых молодые люди обретают (или расширяют) опыт превращения своего личностного потенциала и возможностей социальной (в том числе и образовательной) среды в ресурсы собственного образования как процесса самосозидания, создания себя путем полагания себя в мир культуры» [11].

Д.Н. Гриненко отмечает, что личностное преломление получаемого опыта должно быть приоритетным по сравнению с насыщенностью содержания проводимых мероприятий в процессе психолого-образовательного сопровождения [12].

Опираясь на теоретические положения о конструктивных и деструктивных стратегиях В. Янке и Г. Эрдманна, к конструктивным стратегиями можно отнести: повышение самооценки, анализ проблем, положительную переоценку, дистанцирование, самоконтроль, принятие ответственности, планирование решения проблем, замещение, интеллектуализацию, компенсацию [13, с. 260–274].

Проблема предпринятого нами исследования состоит в определении возможности формирования конструктивных стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций в процессе получения высшего образования. Была проведена экспериментальная проверка возможности формирования конструктивных стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций у студентов-первокурсников. Исследование было организовано на базе ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» в 2018–2019 гг. В нем приняли добровольное участие обучающиеся организаций высшего образования, средний возраст информантов – 18 лет. В количественном отношении выборка включала 40 человек. Все они были разделены между двумя группами: в экспериментальную вошли 20 студентов первого курса, обучающихся по профилю «Начальное образование», в контрольную – 20 первокурсников профиля «Дошкольное образование».

В качестве психодиагностических методик использовались следующие: «Способы совладающего поведения» (R. Lazarus); «Индекс жизненного стиля» (Л.И. Вассерман, О.Ф. Ерышев и др.); «Способы преодоления негативных ситуаций» (С.С. Гончарова); «Смыслжизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев).

Для сравнения средних значений анализируемых показателей был использован t-критерий Стьюдента для зависимых и независимых выборок. Для обработки данных использовалась программа STATISTICA 10.

На констатирующем этапе значимых различий в группах выявлено не было.

С целью определения возможностей формирования конструктивных стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций у обучающихся организаций высшего образования средствами психолого-образовательного сопровождения нами в экспериментальной группе была реализована специально разработанная программа. Она была призвана обеспечить развитие у студентов способностей к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими. К содержательным блокам программы относятся: диагностический (определение уже используемых индивидом способов преодоления, уровень развития его эмоционального интеллекта), информационный (объяснение исследуемых понятий, материалов изучаемых дисциплин), технологический (проведение занятий с элементами тренинга). Технологический блок включает в себя элементы арт-терапии, сказкотерапии, эмоционально-образной и телесно-ориентированной терапии. Программа ориентирована на реализацию в течение учебного года посредством включения в расписание учебных занятий участников экспериментальной группы дополнительных часов. Контрольная группа продолжала обучение по образовательной программе без вмешательства.

На контрольном этапе формирующего эксперимента был проведен второй замер уровня развития стратегий преодолевающего поведения в каждой группе. У респондентов контрольной группы значимых различий средних значений показателей начального и заключительного этапов не выявлено. В экспериментальной группе определены статистически значимые различия в средних значениях показателей с уровнем значимости $p \leq 0,05$ (табл. 1).

Таблица 1 – Различия в изучаемых показателях у студентов экспериментальной группы на начальном и заключительном этапах исследования (по t-критерию Стьюдента), $p < 0,05$

Показатель	Среднее значение		t-критерий	Уровень значимости различий, р
	Начальный этап	Заключительный этап		
Опросник «Способы преодоления негативных ситуаций» (С.С. Гончарова)				
Поиск поддержки	8,08	10,81	−3,33	0,00
Самообвинение	7,77	6,03	2,23	0,04
Анализ проблемы	11,63	13,59	−2,94	0,00
Поиск виновных	8,97	6,10	2,44	0,02
Опросник «Индекс жизненного стиля» (Л.И. Вассерман и др.)				
Подавление	5,20	4,44	2,95	0,06
Опросник «Способы совладающего поведения» (R. Lazarus)				
Поиск социальной поддержки	10,88	12,75	−2,83	0,01
Принятие ответственности	6,57	7,69	−2,26	0,03
Планирование решения проблемы	11,90	13,00	−2,59	0,02
Положительная переоценка	11,22	13,22	−2,53	0,01
«Тест смысловых ориентаций» (Д.А. Леонтьев)				
ОЖ	98,51	106,66	−2,26	0,04
Процесс	28,78	32,16	−2,18	0,03
Локус контроля – жизнь	29,69	32,91	−2,41	0,02

После проведения формирующего эксперимента значимо возросли средние значения показателя «Поиск поддержки» ($t = -3,33$, число степеней свободы равно 19, $p = 0,00$). Вероятно, получение помощи извне является необходимым условием преодоления субъективно оцениваемой степени трудности жизненных ситуаций для обучающихся первого курса организаций высшего образования по направлению подготовки «Начальное образование», при этом участие в исследовании можно расценивать как помощь в осознании способов разрешения неопределенных ситуаций. Также повысились средние значения копинг-стратегии «Поиск социальной поддержки» ($t = 2,83$, число степеней свободы равно 19, $p = 0,01$), что может интерпретироваться как следствие обогащения опыта взаимодействия в группе и осознания результативности обсуждения собственных переживаний.

По итогам эксперимента было отмечено снижение средних значений по параметру «Самообвинение» ($t = 2,23$, число степеней свободы равно 19, $p = 0,04$), что может быть проинтерпретировано как отказ от ухода от решения проблемы в пользу определения способов исправить ситуацию.

Тот факт, что выявлено снижение средних значений стратегии «Поиск виновных» ($t = 2,44$, число степеней свободы равно 19, $p = 0,04$), мы считаем возможным трактовать как свидетельство повышения уровня осознанности ответственности за происходящее, внутренних требований к нормам своего поведения.

Рост средних значений показателя «Анализ проблемы» ($t = -2,94$, число степеней свободы равно 19, $p = 0,00$) отражает динамику адаптации первокурсников. Респонденты демонстрируют

повышение уровня контроля над собственной жизнью вследствие сравнения себя с другими участниками, с собой в прошлом.

На основе полученных результатов мы считаем возможным констатировать появление у студентов осознанного стремления усилить контроль за собственным поведением как следствие участия в рефлексивных семинарах, что подтверждает значимо выраженное снижение среднего значения показателя «Подавление» ($t = 2,95$, число степеней свободы равно 19, $p = 0,06$).

Стратегия принятия ответственности, средние значения которой повысились ($t = -2,26$, число степеней свободы равно 19, $p = 0,03$), предполагает признание субъектом своей роли в возникновении проблемы, таким образом, у обучающихся первого курса наблюдается тенденция к пониманию своего участия в сложившейся ситуации неопределенности на жизненном пути.

Опыт рефлексивного поведения обеспечил студентам возможность применения стратегии планирования решения проблемы. Количественное подтверждение данного обстоятельства мы находим при анализе средних значений по параметру «Планирование решения проблемы» ($t = -2,59$, число степеней свободы равно 19, $p = 0,02$).

Отмечены значимые изменения средних значений показателя «Положительная переоценка» ($t = -2,53$, число степеней свободы равно 19, $p = 0,01$). В этом случае можно говорить о вероятном переосмыслении проблемных ситуаций респондентами в ходе исследования, а также об их работе над саморазвитием, при этом необходимо учитывать возможность недооценки личностью действенного решения ситуации.

Анализ показателей смысловых ориентаций в ходе исследования позволяет констатировать следующее. Произошли значимые изменения средних значений показателей «Процесс» ($t = -2,18$, число степеней свободы равно 19, $p = 0,03$), «Локус контроля – жизнь» ($t = -2,41$, число степеней свободы равно 19, $p = 0,02$), «ОЖ» ($t = -2,26$, число степеней свободы равно 19, $p = 0,04$) в сторону увеличения. Таким образом, данные изменения свидетельствуют о повышении эмоциональной насыщенности жизни, осознании ее смысла и появлении интереса у обучающихся первого курса организации высшего образования по направленности «Начальное образование». Также отмечено развитие способности студентов контролировать свою жизнь, что произошло, вероятно, в результате выполнения заданий рефлексивного семинара, направленных на контроль эмоциональных проявлений личности в различных жизненных ситуациях. Следствием этих изменений стал рост средних значений общей осмысленности жизни респондентов.

Таким образом, анализируя данные, представленные в таблице 1, мы считаем возможным констатировать, что у студентов направления подготовки «Начальное образование» после формирующего воздействия произошли статистически значимые изменения в изучаемых показателях.

Перейдем к сравнительному анализу параметров экспериментальной и контрольной группы на заключительном этапе исследования. Данные, полученные в ходе сравнения средних значений с помощью t -критерия Стьюдента для независимых выборок, представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Средние значения показателей в контрольной и экспериментальной группе на заключительном этапе исследования

Показатель	Среднее значение		t-критерий	Уровень значимости различий, p
	Контрольная группа «Дошкольное образование»	Экспериментальная группа «Начальное образование»		
Опросник «Способы преодоления негативных ситуаций» (С.С. Гончарова)				
Поиск поддержки	7,85	10,81	-3,89	0,00
Повышение самооценки	16,11	19,28	-3,22	0,00
Анализ проблемы	12,02	13,59	-2,63	0,01
Опросник «Индекс жизненного стиля» (Л.И. Вассерман и др.)				
Подавление	5,31	4,44	2,25	0,03
Опросник «Способы совладающего поведения» (R. Lazarus)				
Поиск социальной поддержки	10,77	12,75	-3,03	0,00
Принятие ответственности	6,46	7,69	-2,63	0,01
Планирование решения проблемы	11,61	13,00	-2,08	0,04
Положительная переоценка	11,66	13,22	-2,24	0,03
СЖО (Д.А. Леонтьев)				
Локус контроля – жизнь	30,15	32,91	-2,16	0,03

Анализ результатов, представленных в таблице 2, говорит о том, что на заключительном этапе исследования у студентов направления подготовки «Начальное образование» и «Дошкольное образование» выявлены статистически значимые различия по исследуемым показателям.

Обучающиеся экспериментальной группы чаще обращаются за поддержкой для поиска выхода из субъективно воспринимаемой как трудной жизненной ситуации («Поиск поддержки», $t = -3,89$, число степеней свободы равно 38, $p = 0,00$; «Поиск социальной поддержки», $t = -3,03$, число степеней свободы равно 38, $p = 0,00$).

Участники эксперимента продемонстрировали концентрацию внимания на собственных успехах и достижениях, в результате произошло изменение результатов показателя «Повышение самооценки» ($t = -3,22$, число степеней свободы равно 38, $p = 0,00$).

У испытуемых экспериментальной группы стали значимо выше средние значения показателя «Анализ проблемы» ($t = -2,69$, число степеней свободы равно 38, $p = 0,01$): повысилась адаптивность, изменились установки на процесс обучения, произошла рефлексия прошлого опыта.

В экспериментальной группе уровень психологической защиты «Подавление» стал значимо ниже ($t = 2,25$, число степеней свободы равно 38, $p = 0,03$), чем в контрольной группе. Таким образом, следует констатировать, что участники экспериментальной группы в меньшей степени склонны блокировать свои мысли и чувства, вызывающие тревогу, а стремятся к их анализу. В то же время они прилагают усилия для преодоления трудных жизненных ситуаций за счет их переосмысления в позитивном ключе – «Положительная переоценка» ($t = -2,24$, число степеней свободы равно 38, $p = 0,03$).

Обучающиеся экспериментальной группы чаще признают свою роль в возникновении ситуации неопределенности («Принятие ответственности», $t = -2,63$, число степеней свободы равно 38, $p = 0,01$). Кроме того, студенты данной группы создают планы по решению проблемной ситуации, рассматривают варианты собственного поведения, анализируют обстоятельства («Планирование решения проблемы», $t = -2,08$, число степеней свободы равно 38, $p = 0,04$).

Также участники экспериментальной группы больше убеждены в том, что способны контролировать свободное принятие решений в той или иной жизненной ситуации («Локус контроля – жизнь», $t = -2,16$, число степеней свободы равно 38, $p = 0,03$).

Важно отметить, что в контрольной группе было отмечено незначимое и снижение, и повышение показателей за время исследования, что свидетельствует о возрастном психологическом развитии обучающихся.

Таким образом, апробация программы развития осознанной готовности к выбору стратегий преодоления позволяет констатировать повышение уровня осмысленности принимаемых решений и осознанности альтернативных вариантов поведения среди испытуемых. Обогащение жизненного опыта в специально организованных условиях способствует развитию осознанной готовности к выбору различных, преимущественно конструктивных, стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций.

Акцентирование внимания участников на их прошлых успехах и достижениях было обеспечено средствами психолого-образовательного сопровождения. В результате повысилась адаптивность студентов, изменились их установки на процесс обучения, произошла рефлексия прошлого опыта. Участники экспериментальной группы в меньшей степени оказались склонны блокировать собственные мысли и чувства, вызывающие тревогу, они стремятся к их анализу, чаще обращаются за поддержкой, прилагают усилия для преодоления трудных жизненных ситуаций за счет переосмысления их в позитивном ключе, анализируют свою роль в возникновении ситуации неопределенности, планируют способы решения проблемы, рассматривают варианты поведения, демонстрируют убежденность в том, что способны контролировать свободное принятие решений в той или иной жизненной ситуации.

Полученные результаты могут быть использованы для работы со студентами, испытывающими проблемы в адаптации к учебной деятельности или в учебной группе.

Ссылки:

1. Формирование способов преодоления трудных жизненных ситуаций в будущей профессиональной деятельности выпускников вуза средствами рефлексивных семинаров / А.Е. Каргина [и др.] // Science for Education Today. 2020. Т. 10, № 4. С. 75–90. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2004.05>.
2. Малегонова С.А., Ральникова И.А. Психологическая коррекция адаптационных возможностей человека в кризисной ситуации // Мой выбор – наука! : сборник материалов VI Региональной молодежной конференции, XLVI научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. Барнаул, 2020. С. 965–971.
3. Ешмейкина С.В. Связь психических состояний и типов копинг-стратегий у подростков // LXXV Международные научные чтения (памяти А.А. Абрикосова) : сборник статей Международной научно-практической конференции. М., 2020. С. 82–86.

4. Антилогова Л.Н., Черкевич Е.А. Роль психологических механизмов в саморегуляции психических состояний подростков // Саморегуляция личности в контексте жизнедеятельности : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Омск, 2017. С. 107–110.
5. Сопладающее поведение: современное состояние и перспективы. М., 2008. 474 с.
6. Елизарова Е.Б. Программа формирования конструктивной психологической защиты подростков // Глобальный научный потенциал. 2020. № 3 (108). С. 47–49 ; Коробов Е.О., Булыгина Т.Б. Формирование продуктивных копинг-стратегий у студентов-психологов 1 курса // Психология и современный мир : материалы заочной Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Архангельск, 2020. С. 186–191.
7. Рядинская Е.Н., Матушкина М.А. Особенности переживания кризиса в позднем юношеском возрасте и пути его преодоления // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика : материалы IV Международной научно-практической конференции. Донецк, 2020. С. 446–450.
8. Кузьмина Г.А. Преобладающие копинг-стратегии обучающихся образовательных организаций высшего образования в ситуациях неопределенности // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3 (6). С. 205–209.
9. Мишин А.А., Бовть О.Б., Медведева А.Л. Формирование способности совладания у будущих педагогов // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен. М., 2020. С. 1051–1056.
10. Копинг-стратегии юношей в контексте эмоционального интеллекта Н.А. Лужбина [и др.] // Человеческий капитал. 2019. № 8 (128). С. 164–173.
11. Краснорядцева О.М. Психолого-образовательное сопровождение подготовки специалиста // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 165–168.
12. Гриненко Д.Н. Динамика показателей саморегуляции и креативности у студентов с разными когнитивными стилями в условиях психолого-образовательного сопровождения // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2018. № 24. С. 34–44. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2018.24.34>.
13. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб., 2009. 336 с.

Редактор: Ситникова Ольга Валериевна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна

УДК 316.61:316.77

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.12>**Овчарова Раиса Викторовна****Ovcharova Raisa Viktorovna**

доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры психологии
Института педагогики, психологии
и физической культуры
Курганского государственного университета

D.Phil. in Psychology, Professor,
Professor of Psychology Department,
Institute of Pedagogics,
Psychology and Physical Culture,
Kurgan State University

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ*

SELF-PRESENTATION OF THE PERSONALITY OF ADOLESCENTS AND YOUNG MEN IN THE SOCIAL NETWORK**

Аннотация:

В статье рассматривается феномен самопрезентации личности подростков и юношей в социальной сети «ВКонтакте», используемой ими для удовлетворения актуальных потребностей, среди которых стремление ориентироваться в социальном мире, поиск и получение нужной информации, общение, возможность проявить свою индивидуальность. Исследование было призвано определить детерминанты самопрезентации личности подростков и юношей в сетевой коммуникации с точки зрения различий в способах их самопредставления в зависимости от уровня самооценки, возраста, пола. Установлено, что самопрезентация в социальных сетях отражает возрастные психологические новообразования: у подростков – чувство взрослости, конформизм, стремление к социальному одобрению, синдром дисморфофобии; у юношей – формирование Я-концепции, личностное и профессиональное самоопределение, стремление к самоактуализации. Выявлено, что исследуемые возрастные группы пользователей по-разному подходят к заполнению страниц в социальной сети «ВКонтакте». Самоописания подростков содержат больше искажений реальных биографических данных, чем самопрезентации юношей. Определено, что тактики представления себя в социальных сетях меняются в зависимости от уровня самооценки пользователей. Подтверждена тенденция размывания гендерных различий при выборе способа самопрезентации в онлайн-профилях.

Ключевые слова:

подросток, юноша, социальная сеть, стратегии и тактики самопрезентации

Summary:

The article deals with the phenomenon of self-presentation of the personality of adolescents and young men in the social network "VKontakte", which they use to meet their current needs, including the desire to navigate the social world, search for and receive the necessary information, communication, and the opportunity to express their individuality. The study was designed to determine the determinants of self-presentation of the personality of adolescents and young men in network communication in terms of differences in the ways of their self-representation, depending on the level of self-esteem, age, and gender. It is established that self-presentation in social networks reflects age-related psychological neoplasms. Speaking about adolescents, it is a sense of adulthood, conformism, the desire for social approval, dysmorphophobia syndrome. As for young men, it is the formation of self-concept, personal and professional self-determination, the desire for self-actualization. It was revealed that the studied age groups of users have different approaches to filling out pages in the social network "VKontakte". Self-descriptions of teenagers contain more distortions of real biographical data than self-presentations of young men. It is determined that the tactics of presenting oneself in social networks change depending on the level of user's self-esteem. The trend of blurring gender differences when choosing a method of self-presentation in online profiles is confirmed.

Keywords:

teenager, young man, social network, strategies and tactics of self-presentation

Введение. В связи с постоянным снижением возраста инициации в социальных сетях и повышением онлайн-активности молодежи в последние годы наблюдается возрастающий интерес отечественных и зарубежных ученых к проблеме киберсоциализации [1]. Внимание многих исследователей привлекает феномен самопрезентации личности в социальных сетях, которая у подростков и юношей отражает центральную тенденцию формирования личности [2]. Ресурс социальной сети «ВКонтакте» отвечает актуальным потребностям подростково-юношеского возраста, среди которых умение ориентироваться в социальном мире, поиск и получение нужной информации, общение, возможность проявить свою индивидуальность [3].

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ и правительства Курганской области. Проект «Исследование субъективного образа социального мира учащейся молодежи Курганской области с целью прогнозирования социальных процессов в молодежной среде» №19-413-450002/20.

** This work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Kurgan Region. Project "Research of the subjective image of the social world of student youth in the Kurgan region in order to predict social processes in the youth environment" №19-413-450002/20.

В работе были использованы следующие методы исследования: контент-анализ, «Шкала измерения тактик самопрезентации» С.-Ж. Ли, Б. Куигли и др., тест «Самооценка» О.Ю. Казьминой, U-критерий Манна – Уитни и кластерный анализ.

Контент-анализ – это метод качественно-количественного анализа содержания, который позволил судить о характеристиках самопрезентации личности подростков в социальной сети «ВКонтакте». Был использован для определения принципов самооценки и тактик самопрезентации, применяемых пользователями виртуальных социальных сетей. Основания для контент-анализа страниц в социальной сети «ВКонтакте» ранее разрабатывались в работах И.В. Черемисовой [4]. Для контент-анализа характеристик самопрезентации личности подростков и юношей в социальной сети «ВКонтакте» были выделены смысловые единицы: соотношение позитивных и негативных высказываний, наличие указанной сферы увлечений в данном разделе; использование символических рисунков, описание внешности и наличие цитирований [5]. Также проведен сравнительный анализ соотношения объективных и субъективных данных в самопрезентациях, касающихся имени, года рождения, семейного положения, рода деятельности, даты окончания вуза.

«Шкала измерения тактик самопрезентации» С.-Ж. Ли, Б. Куигли и др. позволяет представить самопрезентационное поведение индивида в виде 5 стратегий (уклонение, аттрактивное поведение, самовозвышение, самопринижение, силовое влияние, запугивание, негативная оценка других) и 12 тактик самопрезентации. Кроме того, методика выявляет защитный и ассертивный типы поведения.

Тест «Самооценка» О.Ю. Казьминой для подростково-юношеского возраста был использован для определения уровня самооценки испытуемых (высокого, среднего, низкого).

U-критерий Манна – Уитни привлекался нами с целью выявления различий в значениях параметров между малыми выборками.

Кластерный анализ был применен для выделения типологических групп по признакам пола, возраста, стратегий и тактик самопрезентации.

Выборку исследования составили 72 пользователя социальной сети «ВКонтакте». Изучено 36 профилей испытуемых в возрасте от 12 до 15 лет и 36 профилей молодых людей в возрасте от 18 до 21 года, давших информированное согласие.

Проблема исследования связана с определением детерминант самопрезентации личности подростков и юношей в сетевой коммуникации. Нас интересовали следующие исследовательские вопросы: как соотносятся тактики самопрезентации в социальных сетях и самооценка; отличаются ли тактики самопрезентации в социальных сетях у подростков и юношей; имеются ли половые различия самопрезентации в социальных сетях «ВКонтакте».

Анализ проблемы исследования. Трактовка понятия «самопрезентация» включает представленность разной степени осознаваемого и реализуемого в межличностном взаимодействии процесса предъявления Я-информации. Она осуществляется в вербальной и невербальной форме с учетом специфики социальной ситуации. Стратегия самопрезентации – это в различной мере осознаваемое и планируемое поведение субъекта, направленное на создание желаемого впечатления. Тактика самопрезентации предполагает использование краткосрочных поведенческих актов, совокупности приемов вербального и невербального поведения, направленных на создание желаемого впечатления о субъекте самопрезентации [6, с. 29].

Исследователи отмечают, что защитный тип самопрезентации имеет место, когда событие содержит угрозу существующей или желаемой идентичности. В этом случае самопрезентация будет направлена на восстановление и сохранение идентичности или на сокращение негативных последствий, угрожающих ситуации. Ассертивный тип самопрезентации относится к проактивному поведению, нацеленному на создание определенной идентичности.

Поскольку самопрезентация является выражением образа Я, она связана с уровнем самооценки, которая отражает особенности осознания человеком своих поступков и действий, своих возможностей и способностей. У подростков наряду с общим принятием себя сохраняется и ситуативно-отрицательное отношение к собственной личности. Оно зависит от оценок окружающих, прежде всего сверстников. Позднее они начинают сопоставлять особенности своей личности и поведения с социальными нормами [7]. В юношеском возрасте продолжается рост осознанного отношения к себе [8].

Исследователи анализируют специфику самопрезентации в социальных сетях. Она связана с возможностью управлять впечатлением о себе, создавать любые образы, удовлетворять потребность в признании. В подростковом возрасте самопрезентация исходит из стремления к подражанию, потребности быть частью группы, заявить о себе. В качестве главных причин смены самопрезентации в юношеском возрасте указываются: неудовлетворенность некоторыми сторонами своей личности; саморазвитием; растущее любопытство, а также получение нового опыта [9]. Подтверждена связь склонности подростков экспериментировать с онлайн-самопрезентацией, обусловленная изменением уровня их самооценки. Индивиды, обладающие менее устой-

чивым чувством собственного «Я», экспериментируют с онлайн-самопрезентацией более регулярно, делая ее автономной. Подростки чаще проявляют непоследовательность, в то время как юноши ведут себя более закономерно в различных контекстах общения [10].

Результаты экспериментов показали, что использование истинного стиля самопрезентации больше удовлетворяет пользователей с высокой самооценкой, чем с низкой [11]. Доказана связь между личностью и шаблонами онлайн-самопрезентации. Особенности характера и темперамента могут определить выбор индивидом вариантов используемых в профиле изображений и модели поведения, общения в Сети [12].

Исследователи подтверждают тенденцию размывания половых различий в самопрезентациях в онлайн-профилях. Как мальчики, так и девочки демонстрируют на своих страницах менее сексуально дифференцированную самооценку и автопортрет, чем типичный взрослый, с небольшим предпочтением мужских черт [13]. Доказано, что увеличение использования социальных сетей линейно связано с ростом реальной социальной изоляции. Причем эта связь различалась по сознательности. Деадаптивные зависимые подростки и юноши ответили отрицательно на негативные сценарии обратной связи. Адаптивные и независимые личности положительно реагировали на ее позитивные сценарии [14]. Самопрезентация в социальных сетях, с одной стороны, – это замещение или дополнение живого общения, а с другой – способ превращения человека в интернет-заложника, определяющий его реальные отношения с другими людьми [15].

Поскольку использование социальных сетей стало ведущей деятельностью многих подростков и молодых людей, злоупотребление ими и неадаптированное применение цифровых технологий было определено как потенциальная проблема психического здоровья. Поэтому необходимы специальные образовательные программы для содействия более безопасному использованию социальных сетей подростками и молодыми людьми, а также для предотвращения возможных негативных последствий увлечения Интернетом.

Особенности самоописания в интернет-дневниках подростков и молодежи, изученные О.В. Гавриченко и Т.В. Смоляковой (на примере интернет-блогов), не отражают известных стратегий и тактик самопрезентации, основаны на авторской анкете и способе контент-анализа без выделения известных единиц. Наше исследование преодолевает эти недостатки.

Изучение взаимосвязи личностных особенностей подростков с их поведением в виртуальном пространстве (на примере социальной сети «ВКонтакте») О.В. Рубцовой с соавторами имело целью определение функций социальных сетей в жизни современных подростков. В нем не рассматривались стратегии и тактики самопрезентации. Наша работа отличается новизной по поставленным задачам и другим методам исследования (за исключением контент-анализа) [16].

Анализ и обсуждение результатов исследования. Основным методом исследования – контент-анализ – обнаружил, что подростки, в отличие от юношей, довольно часто искажают информацию о себе в социальной сети «ВКонтакте». Обычно это касается имени, пола, возраста, года рождения, семейного положения, деятельности и интересов.

Имя. При отсутствии достоверных различий выявлены особенности самопрезентации подростков в Сети. Они называют себя вымышленными именами (например, «НевиДимка»). Юноши представляют себя онлайн-сообществу на основе реальных данных.

Год рождения. Подростковая группа часто игнорирует этот раздел, оставляя его незаполненным.

Семейное положение. Половина подростков в этом разделе называет своих несуществующих брачных партнеров или свои симпатии (например, «есть друг/подруга» или «встречается с...», «влюблён/на в...»). Юноши сообщают реальные сведения.

Деятельность. Данная графа содержит примерно равное количество недостоверной информации в обеих возрастных группах. Тем не менее подростки чаще приписывают себе несуществующие виды деятельности и должности.

Дата окончания вуза. У половины подростков названы нереальные вузы, а дата их окончания совпадает с датой окончания школы. В группе юношеского возраста большинство испытуемых приводят достоверные сведения (78 %).

Процент заполнения страницы. В подростковой группе заполняется 90 % контента, а в юношеской – 60 %. Причем подросткам свойственно давать полную самопрезентацию, даже используя нереальные сведения.

Соотношение позитивных и негативных высказываний. Самоописания подростков включают преимущественно позитивные высказывания, из них 17 % представляют собой идеализированные оценки. Отрицательные суждения встречаются в 11 % случаев. Остальные самопрезентации соответствуют действительности.

75 % самоописаний юношей являются нейтральными. Их сложно отнести к позитивным или негативным. Это связано с особенностями Я-концепции молодых людей, которая усложняется и становится более неопределенной, чем у подростков.

Интересы. Большинство пользователей обеих групп обозначили их в разделе «О себе». Они используют эту категорию для самопрезентации.

Символический рисунок. Для придания своей странице большей привлекательности и оригинальности подростки (25 %) размещают на ней различные символы. Юноши практикуют это значительно реже (5,5 %).

Внешность. Описания внешности подтверждают сведения об увеличении доли объективных характеристик по мере взросления от подросткового к юношескому возрасту.

Цитирование. Юноши чаще воспроизводят на своей странице фразы, относящиеся к их школьной жизни и учебной деятельности, используя их в качестве афоризмов. Подростки применяют те же выражения, но в шуточной форме, придавая им новый смысл.

Анализ средних значений показал, что в группе подростков преобладает завышенная самооценка – 46 %, при средней, характерной для 19 % информантов, и низкой, отмеченной у 35 % пользователей первой группы. Мальчики с высокой самооценкой предпочитают тактику запугивания, со средней – принятия ответственности, с низкой – отречения и оправдания себя. Для девочек с высокой самооценкой характерно желание понравиться, со средней – тактика извинения, выбора примера для подражания, с низкой – оправдания, отречения, просьбы (табл. 1).

Таблица 1. – Соотношение самооценки и тактик самопрезентации

Самооценка	Тактики самопрезентации			
	Подростки (1 группа)		Юноши (2 группа)	
	Мальчики	Девочки	Юноши	Девушки
Высокая	Запугивание	Желание понравиться	Желание понравиться, преувеличение достижений	Желание понравиться
Средняя	Принятие ответственности	Извинение, пример для подражания	Принятие ответственности	Извинение, принятие ответственности
Низкая	Отречение, оправдание себя	Оправдание, отречение, просьба	Отречение	Просьба

В группе 2 (юношеский возраст) преобладает взвешенная средняя самооценка – ее продемонстрировали 53 % информантов, 28 % пользователей имеют высокую и 19 % – низкую самооценку. При высокой самооценке юноши используют тактики желания понравиться и преувеличения своих достижений, а девушки – только желания понравиться. Для юношей со средней самооценкой характерна тактика принятия ответственности, а для девушек – извинения, принятия ответственности. Наконец, юноши с низкой самооценкой практикуют тактику отречения, а девушки – тактику просьбы.

Подростки и юноши используют тактики как проактивного ассертивного типа, направленные на создание собственной идентичности (5), так и защитного типа (3), содействующие ее восстановлению и сохранению. Соотношение таких типов по полу: женский пол – 6 и 4; мужской – 8 и 3. Аналогичное соотношение у подростков составляет 5 и 4, у юношей – 6 и 2, что подтверждает возрастную динамику формирования идентичности.

Согласно критерию Манна – Уитни достоверные различия между группами с различиями в самооценке обнаружены по всем четырем стратегиям и девяти тактикам самопрезентации из двенадцати, что полностью подтверждает наше предположение (табл. 2).

Так, для выборки с высокой самооценкой преимущественно характерны стратегии аттрактивного поведения и самовозвышения. Подростки и юноши со средней самооценкой в равной мере используют стратегии уклонения и аттрактивного поведения, в меньшей – самопринижения и самовозвышения.

Таблица 2 – Сравнение показателей самопрезентации у лиц с разной самооценкой

Стратегии и тактики самопрезентации	Самооценка			U-критерий	Значения Р
	Высокая	Средняя	Низкая		
Уклонение	7,19	59,17	68,46	1 698	**
Аттрактивное поведение	67,45	56,25	5,15	1 839	*
Самовозвышение	32,67	25,14	20,67	713	**
Самопринижение	8,12	30,12	40,20	1 726	**
Принятие ответственности	55,86	67,12	3,17	1 590	**
Оправдание с принятием ответственности	7,83	40,21	26,19	1 705	**
Отречение	4,26	45,64	67,35	726	**
Извинение	6,25	52,93	48,45	1 801	*
Желание понравиться	39,15	35,12	9,12	1 724	**
Запугивание	78,85	56,19	2,12	1 715	**
Просьба	8,21	55,79	71,12	1 637	**
Приписывание себе достижений	72,45	45,65	2,18	1 714	**
Пример для подражания	31,67	25,14	20,64	713	**

Примечание: * – достоверные различия при $p \leq 0,05$; ** – достоверные различия при $p \leq 0,01$.

Способом выявления типов подростков и юношей стал кластерный анализ. В качестве исходных данных использовался набор 27 переменных, отражающих параметры возраста, пола, самооценки и самопрезентационных тактик.

Полученные в результате иерархической кластеризации данные позволяют говорить о том, что по сочетанию изученных параметров выборка делится на три отличных друг от друга группы в соответствии с уровнем самооценки (высоким, средним, низким), каждая из которых имеет четыре кластера. Таким образом, в описании типологических особенностей выборка была разделена на 12 кластеров-групп. 1, 2, 3 и 4 кластеры охватывали лиц с высокой самооценкой, 5, 6, 7 и 8 – ин-формантов со средней самооценкой, 9, 10, 11 и 12 – с заниженной самооценкой. Кластеры незначительно отличались друг от друга по количественному составу. Часть из них обладала разновозрастными характеристиками, по половому признаку все кластеры являлись смешанными.

Итак, кластерный анализ также указывает на обусловленность самооценки тактиками самопрезентации и частично – возрастом. При этом связь с полом просматривается незначительно, что подтверждает идею о размывании гендерных различий в самопрезентациях онлайн.

Отвечая на поставленные исследовательские вопросы, можно сделать следующие выводы:

1. Самопрезентация в социальных сетях отражает содержание развития личности в подростково-юношеском возрасте, ее психологические новообразования: у подростков – чувство взрослости, конформизм, стремление к социальному одобрению, синдром дисморфофобии; у юношей – формирование Я-концепции, личностное и профессиональное самоопределение, стремление к самоактуализации.

2. Различия между подростками и юношами выявлены в способах заполнения страниц в социальной сети «ВКонтакте». Самоописания подростков содержат больше искажений реальных биографических данных. Они зачастую не осознают своих предпочтений и интересов. Самопрезентации юношей в большинстве случаев нейтральные и неопределенные, при этом их высказывания о собственных интересах чаще всего сформулированы конкретно.

3. Тактики самопрезентации в социальных сетях меняются в зависимости от уровня самооценки пользователей. Высокая самооценка подростков и юношей, обусловленная удовлетворением возрастных потребностей, детерминирует тактики самопрезентации асертивного типа. Формируемой при блокировке этих потребностей низкой самооценке соответствуют тактики защитного типа (отречение, оправдание себя, пример для подражания, извинение). Со средним уровнем чаще соотносятся продуктивные тактики.

4. При фрустрации базовых возрастных потребностей формируется низкая самооценка, которая провоцирует стратегии и тактики защитного типа (отречение, оправдание себя, пример для подражания, извинение). При этом у мальчиков преобладают силовые тактики, а у девочек – самопринижающие и препятствующие самовозвышению (просьба, отречение, извинение, принятие ответственности). Однако тактики самопрезентации в гендерном отношении во многом являются схожими, что подтверждает тенденцию размывания половых различий в онлайн-профилях.

5. Результаты проведенного исследования применимы для практической работы с подростками и юношами в аспекте оптимизации их реального общения со сверстниками, формирования адекватной самооценки и самопрезентации. Возможно их использование и в качестве диагностической основы при разработке программ развития самопрезентационной компетентности, тренингов эффективной подачи себя в целях формирования желательного имиджа и получения социального одобрения.

Ссылки:

1. Гавриченко О.В., Смолякова Т.В. Особенности самопрезентации в интернет-дневниках подростков и молодежи [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2008. №1 (1). С. 1–9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 23.04.2019); Пикулева О.А. Психологическая многозначность понятия «самопрезентация личности» и современные научные подходы к пониманию его содержания // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 21–37; Рожкова А.В. Самовыражение (самопрезентация) в социальных интернет-сетях как феномен киберсоциализации [Электронный ресурс] // Homo Cyberus. 2017. № 2 (3). URL: http://journal.homocyberus.ru/Samovyrazhenie_v_socialnyh_internet- (дата обращения: 15.05.2019); Рубцова О.В., Панфилова А.С., Смирнова В.К. Исследование взаимосвязи личностных особенностей подростков с их поведением в виртуальном пространстве (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23, № 3. С. 54–66. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230305>; Черемисова И.В. Контент-анализ страниц активных пользователей социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11. Естественные науки. 2016. № 2 (16). С. 74–80. <https://doi.org/10.15688/jvolsu11.2016.2.9>; Jang W., Bucy EP., Cho J. Self-esteem Moderates the Influence of Self-presentation Style on Facebook Users' Sense of Subjective Well-being // Computers in Human Behavior. 2018. Vol. 85. P. 190–199. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.03.044>; Metzler A., Scheithauer H. The Long-Term Benefits of Positive Self-Presentation via Profile Pictures, Number of Friends and the Initiation of Relationships on Facebook for Adolescents' Self-Esteem and the Initiation of Offline Relationships // Frontiers in Psychology. 2017. Vol. 8. P. 1981. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01981>; Oberst U., Chamarro A., Renau V. Auto-representaciones de Adolescentes en Facebook // Comunicar. 2016. Vol. 24, iss. 48. P. 81–90; Tifferet S., Vilnai-Yavet I. Gender Differences in Face book Self-presentation: An International Randomized Study // Computers in Human Behavior, 2014. Vol. 35. P. 388–399. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.03.016>.

2. Рожкова А.В. Указ. соч.
3. Рожкова А.В. Указ. соч. ; Рубцова О.В., Панфилова А.С., Смирнова В.К. Указ. соч. ; Черемисова И.В. Указ. соч.
4. Черемисова И.В. Указ. соч.
5. Рубцова О.В., Панфилова А.С., Смирнова В.К. Указ. соч. ; Черемисова И.В. Указ. соч.
6. Пикулева О.А. Указ.соч. С. 29.
7. Гавриченко О.В., Смолякова Т.В. Указ. соч.
8. Рубцова О.В., Панфилова А.С., Смирнова В.К. Указ. соч.
9. Там же.
10. Oberst U., Chamarro A., Renau V. Op. cit.
11. Metzler A., Scheithauer H. Op. cit.
12. Рубцова О.В., Панфилова А.С., Смирнова В.К. Указ. соч. ; Jang W., Bussy EP., Cho J. Op. cit.
13. Tifferet S., Vilnai-Yavet I. Op. cit.
14. Jang W., Bussy EP., Cho J. Op. cit.
15. Ibid.
16. Гавриченко О.В., Смолякова Т.В. Указ. соч. ; Рубцова О.В., Панфилова А.С., Смирнова В.К. Указ. соч.

Редактор: Ситникова Ольга Валериевна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна

УДК 159.9.075

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.13>

Луняка Анатолий Николаевич

Lunyaka Anatoliy Nikolayevich

преподаватель кафедры автомобилей,
бронетанкового вооружения и техники
Саратовского военного ордена Жукова
Краснознаменного института войск
национальной гвардии Российской Федерации

Lecturer, Department of Automobiles,
Armored Weapons and Equipment,
Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute
of the National Guard Troops
of the Russian Federation

СОЦИАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ИНСТИТУТА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

SOCIAL SELF-DETERMINATION OF CADETS OF THE MILITARY INSTITUTE AS A FACTOR OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION

Аннотация:

Глубинные изменения в сфере информационных технологий, трансформации в области образования и культуры, связанные с пандемией COVID-19, оставляют свой след и в военном деле. Достаточно уязвима в этом плане социальная категория курсантов, находящихся на казарменном положении и испытывающих постоянные физические и эмоциональные нагрузки. Данная статья посвящена социально-психологической дезадаптации курсантов и, в частности, изучению одного из ее факторов в виде социальной неопределенности. Эмпирическое исследование, проведенное на базе Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии, выявило проблемы курсантов, связанные с их социальной и профессиональной неопределенностью. С одной стороны, состояние неопределенности может послужить источником вдохновения, креативности, с другой – вызвать чувство беспокойства, угнетения, тревожности и даже привести к дезадаптации индивида. В статье проанализированы данные, полученные путем корреляций между характеристиками социального самоопределения и шкалами социально-психологической адаптации. Для анализа взяты только сильные достоверные связи. Установлено, что социальное самоопределение курсантов способствует их социально-психологической и профессиональной адаптации.

Ключевые слова:

социальная неопределенность, социальное самоопределение, личностное самоопределение, социально-психологическая адаптация, эмоциональный дискомфорт, эскапизм, принятие себя, курсанты

Summary:

Deep changes in the field of information technology, educational and cultural transformations associated with the COVID-19 pandemic leave their mark on military affairs. In this regard, the social category of cadets who are in a barracks position and are experiencing constant physical and emotional stress is quite vulnerable. This paper is devoted to the socio-psychological maladjustment of cadets and, in particular, to the study of one of its factors in the form of social uncertainty. An empirical study conducted at the Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops has identified the problems of cadets associated with their social and professional uncertainty. On the one hand, a state of uncertainty can serve as a source of inspiration, creativity, on the other hand, it can cause feelings of unease, oppression, anxiety, and even lead to maladjustment of the individual. The paper analyzes the data obtained by correlations between the characteristics of social self-determination and the scales of socio-psychological adaptation. Only strong reliable connections were taken into account in the analysis. It has been established that the social self-determination of cadets contributes to their socio-psychological and professional adaptation.

Keywords:

social uncertainty, social self-determination, personal self-determination, socio-psychological adaptation, emotional discomfort, escapism, self-acceptance, cadets

Сегодня российское общество характеризуется нестабильностью и неопределенностью, которые пронизывают все сферы экономической, политической и социально-культурной жизни. «Состояние неопределенности особенно актуально в молодежной среде, и поиск его регуляционных механизмов становится необходимостью» [1, с. 62].

У курсантов как определенной молодежной социальной группы наблюдается состояние как социальной, так и профессиональной неопределенности. В Саратовском военном ордена Жукова Краснознаменном институте войск национальной гвардии ежегодно по собственному желанию и из-за недисциплинированности в среднем отчисляется с первого курса около 3 % курсантов, с третьего – около 5 %, с пятого – еще около 1 %. Мы связываем это в первую очередь с трудностями адаптации, обусловленными особенностями учебного процесса в военном институте, а также с низким уровнем профессионального и социального самоопределения курсантов.

И.В. Калашникова и Д.В. Башарымова отмечают, что самоопределение, как правило, сопровождает адаптацию и находит свое выражение «в стремлении иметь собственную позицию в

отношении того или иного вопроса, умении встраиваться в межличностные отношения других людей, в самостоятельном принятии решений по поводу выбора целей и оценки нравственных норм» [2, с. 237]. Социальное самоопределение индивида формирует социальное положение его культурно-бытового пространства, которое соединяет в себе субъективное и объективное, индивидуальное и социальное, внутреннее и внешнее во всех их проявлениях [3].

С точки зрения Э. Эриксона, самоопределение является основной задачей развития и ключевым психологическим новообразованием юношеского возраста. Итогом самоопределения становится обретение личностью идентичности, приход к осознанию собственной уникальности, неповторимости [4]. Будучи центральным механизмом становления личностной зрелости, самоопределение проявляется в том, что человек осознанно делает выбор своего места в системе социальных отношений [5, с. 224–225].

В.Ф. Сафин и Г.П. Ников под самоопределением подразумевают «относительно самостоятельный этап социализации, сущность которого заключается в формировании у индивида осознания цели и смысла жизни, готовности к самостоятельной жизнедеятельности на основе соотношения своих желаний, наличных качеств, возможностей и требований, предъявляемых к нему со стороны окружающих и общества» [6, с. 65]. Мы же в нашем исследовании рассматриваем социальное и профессиональное самоопределение как эффекты социализации личности, поскольку курсанты на этапе исследования находятся в состоянии формирования себя как субъекта военной деятельности, т. е. выбор профессии и социума ими сделан.

Следует отделить понятие «социальное самоопределение» от «социальной неопределенности», понимаемой нами как нестабильное состояние во взглядах на вопросы семьи, религии, политики и т. д.

В последнее десятилетие множество исследований посвящено вопросам профессионального и личностного самоопределения (И.В. Арендачук, О.В. Голубь, Н.Л. Иванова, С.А. Котова, Д.С. Семененко, Р.М. Шамянов), методологии исследования социально-психологической адаптации личности и ее различных аспектов (А.А. Баранов, М.В. Григорьева, В.В. Козлов, Л.В. Корель, П.С. Кузнецов, А.Р. Кудашев, Г.М. Мануйлов, Е.В. Мороденко, А.А. Налчаджян, А.К. Осницкий, А.А. Реан, М.В. Ромм, А.В. Сидоренков, Т.В. Снегирева, Н.П. Фетискин, Л.В. Шабанов, Р.М. Шамянов, И.Л. Шелехов), дезадаптации (О.Б. Бобков, Д.А. Василенко, М.М. Медвидь, В.В. Рютин, Т.Н. Сергиенко, Е.В. Хулапа).

Анализ работ показал, что исследователи, как правило, акцентируют внимание на социальном и профессиональном самоопределении школьников и обучающихся на первом курсе «гражданских» вузов. Наше исследование проведено среди учащихся первого – пятого курсов Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии, в нем принял участие 291 человек в возрасте от 18 до 25 лет, что и определяет новизну данной работы.

В качестве инструментов исследования использовались шкалы, позволяющие выявить показатели профессионального и социального самоопределения, тест М. Куна «Кто я?», пятифакторный опросник личности, методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, методика толерантности к неопределенности С. Баднера в адаптации Г.У. Солдатовой. Для оценки степени взаимосвязанности характеристик социального самоопределения курсантов и показателей их социально-психологической адаптации использованы коэффициенты корреляции Пирсона. Сравнительный анализ результатов проводился по t-критерию Стьюдента (при $p < 0,05$).

В ходе исследования нами была установлена прямая зависимость между социальной и профессиональной неопределенностью и уровнем адаптации курсантов. Выдвинута гипотеза, что социальная и профессиональная неопределенность – это факторы социально-психологической дезадаптации. Соответственно, личностное и профессиональное самоопределение являются факторами социально-психологической адаптации курсантов.

В данной статье мы сосредоточим внимание на социальной неопределенности. Для подтверждения гипотезы проанализируем корреляционные связи между характеристиками социального самоопределения и шкалами социально-психологической адаптации (табл. 1).

Итак, социальная неопределенность в вопросах религии и политики негативно сказывается на принятии себя как личности, человека. Неопределенность в этой области свидетельствует, с одной стороны, о неуверенности в себе, своем уме, своих представлениях о мире; с другой – о поиске истины, смысла жизни либо непонимании происходящего в обществе, социальной растерянности. Уверенный в себе человек имеет четкие представления о своей будущей семье (достаточно положительная связь принятия себя с утверждением «Я имею четкие представления о том, как будут складываться отношения в моей семье в будущем»).

Таблица 1 – Корреляционные связи шкал социально-психологической адаптации с характеристиками социального самоопределения у курсантов

	Адаптивность	Неадаптивность	Лживость	Искренность	Принятие себя	Непринятие себя	Принятие других	Непринятие других	Эмоциональный комфорт	Эмоциональный дискомфорт	Внутренний контроль	Внешний контроль	Доминирование	Ведомость	Эскапизм (уход от проблем)
Я верующий человек, я точно знаю, какую религию исповедую	0,136 [*]	-0,166 ^{***}	-0,025	0,112	0,171 ^{**}	-0,162 ^{**}	0,149 [*]	0,089	0,049	-0,054	0,054	-0,113	0,102	-0,115 [*]	-0,140 [*]
В отношении религии мои взгляды неопределенные	-0,024	0,199 ^{**}	0,058	-0,060	-0,118 [*]	0,129 [*]	-0,141 [*]	0,163 ^{**}	-0,145 [*]	0,143 [*]	-0,094	0,259 ^{**}	-0,084	0,084	0,082
Я имею четкие представления о том, как будут складываться отношения в моей семье в будущем	0,176 ^{**}	-0,136 [*]	0,015	0,135 [*]	0,232 ^{**}	-0,102	0,178 ^{**}	-0,072	0,017	-0,141 [*]	0,176 ^{**}	-0,046	0,057	-0,117 [*]	-0,085
У меня четкие политические взгляды	0,133 [*]	-0,144 [*]	0,017	0,089	0,145 [*]	-0,237 ^{***}	0,096	-0,139 [*]	0,013	-0,140 [*]	0,158 ^{***}	-0,118 [*]	-0,011	-0,057	-0,011
Вопросы политики меня не интересуют	-0,103	0,147 [*]	0,025	-0,105	-0,080	0,200 ^{**}	-0,021	0,063	0,037	0,102	-0,105	0,034	0,055	0,116 [*]	0,085
Я знаю, как надо себя вести, чтобы быть принятым в коллектив курсантов	0,188 ^{**}	-0,234 ^{**}	0,045	0,108	0,341 ^{**}	-0,195 ^{***}	0,261 ^{**}	-0,085	0,105	-0,133 [*]	0,152 ^{**}	-0,091	0,113	-0,105	-0,034
Для меня не составляет труда сразу стать принятым в коллектив сверстников	0,206 ^{**}	-0,149 [*]	-0,060	0,106	0,297 ^{**}	-0,146 [*]	0,133 [*]	-0,124 [*]	0,104	-0,091	0,242 ^{**}	-0,167 [*]	0,098	-0,076	-0,066
Мне трудно контактировать с незнакомыми людьми	-0,122 [*]	0,198 ^{**}	0,015	-0,159 ^{**}	-0,142 [*]	0,161 ^{**}	-0,143 [*]	0,132 [*]	0,011	0,169 ^{**}	-0,090	0,195 ^{**}	-0,055	0,199 ^{**}	0,047
Я точно знаю, какие группы населения, в случае необходимости, я буду защищать как военный	0,201 ^{**}	-0,093	-0,043	0,057	0,127 [*]	-0,092	0,038	0,038	0,053	-0,112	0,116 [*]	-0,123 [*]	0,032	-0,104	-0,069
Я всегда уверен в своих действиях в общении с окружающими	0,165 ^{**}	-0,218 ^{**}	-0,136 [*]	0,099	0,149 [*]	-0,138 [*]	0,113	-0,168 ^{**}	0,097	-0,130 [*]	0,135 [*]	-0,203 ^{**}	0,099	-0,079	-0,138 [*]
Я сомневаюсь в правильности своих действий в общении с окружающими	-0,027	0,163 ^{**}	0,075	-0,094	-0,146 [*]	0,064	-0,098	0,114	-0,112	0,068	-0,042	0,183 ^{**}	0,009	0,128 [*]	0,154 ^{**}
Мне понятны требования командиров	0,160 ^{**}	-0,185 ^{**}	-0,041	0,088	0,166 ^{***}	-0,095	0,085	-0,155 ^{***}	0,033	-0,151 ^{**}	0,166 ^{**}	-0,129 [*]	0,075	-0,163 ^{**}	-0,211 ^{**}
Стараюсь не задумываться над требованиями командиров, а выполнять их	0,107	-0,233 ^{**}	-0,131 [*]	0,054	0,015	-0,143 [*]	0,084	0,006	0,129 [*]	-0,191 ^{**}	0,082	-0,147 [*]	0,001	-0,101	-0,194 ^{**}
Знаю, кому из курсантов нужна помощь и стараюсь ее оказать	0,149 [*]	-0,141 [*]	0,003	0,146 [*]	0,214 ^{**}	-0,183 [*]	0,114	-0,115	0,004	-0,127 [*]	0,111	-0,115	-0,026	-0,056	-0,106
Меня не интересует, кому из окружающих нужна помощь	-0,090	0,253 ^{**}	0,097	-0,074	-0,125 [*]	0,128 [*]	-0,085	0,231 ^{**}	0,061	0,178 ^{**}	-0,045	0,150 [*]	0,025	0,163 ^{**}	0,152 ^{**}

Примечание: * – при $p < 0,05$; ** – при $p < 0,01$; *** – при $p < 0,001$.

Утверждения, характеризующие особенности коммуникации («Я знаю, как надо себя вести, чтобы быть принятым в коллектив курсантов»; «Для меня не составляет труда сразу стать принятым в коллектив сверстников»), наглядно иллюстрируют положительную связь коммуникабельного курсанта с принятием себя. И наоборот: положительная связь неприятия себя с утверждением «Мне трудно контактировать с незнакомыми людьми» показывает, что человек замкнутый, малообщительный, с низкой самооценкой трудно идет на контакт с другими.

Достоверно положительная связь между принятием себя и утверждением «Мне понятны требования командиров» иллюстрирует, что курсант, принимающий себя таким, какой он есть, лучше понимает требования своих командиров, объективно оценивая предъявляемые к нему требования и поставленные перед ним задачи. Отрицательная корреляция между неприятием других и утверждением «Мне понятны требования командиров» доказывает, что курсанты, негативно воспринимающие окружающих, проецируют свое негативное отношение и на командира, и на его требования в целом.

Наше исследование показало, что низкий уровень социального самоопределения в вопросах религии, семьи и общества (в нашем случае в курсантской среде) негативно сказывается на принятии других. Мы видим, что курсантов с развитым неприятием других не интересует, кому из окружающих нужна помощь. Кроме того, такие курсанты страдают отсутствием коммуникативных навыков и имеют проблемы в общении с товарищами. Как следствие, у курсантов, с трудом контактирующих с другими, наблюдается эмоциональный дискомфорт. Он усиливается, когда требования командиров не понятны и индивид старается выполнять их, не задумываясь, в каких-то случаях поступаясь своими принципами и убеждениями.

В ходе анализа нами установлена прямая зависимость эмоционального дискомфорта индивида от его социальной неопределенности. В то же время мы видим, что эмоциональный комфорт не сильно связан с социальным самоопределением, вероятно, есть более значимые факторы.

Проанализировав корреляционные связи внешнего и внутреннего контроля с характеристиками социального самоопределения в сфере политики и семьи, мы пришли к выводу, что четкие политические взгляды, представления о том, как будут складываться отношения в будущей семье, демонстрируют внутренний, интернальный контроль индивида в этих вопросах. Неопределенность взглядов в области религии порождает у личности склонность видеть причины происходящего во внешних факторах, являющихся делом случая, судьбы, социального окружения. Внешний (экстернальный) контроль наблюдается у курсантов-интровертов, у курсантов с низким уровнем коммуникабельности: индивид, которому трудно контактировать с незнакомыми людьми и который сомневается в правильности своих действий в общении с окружающими, склонен списывать свои неудачи на внешние обстоятельства и других людей. Уверенный же в своих действиях при общении с окружающими курсант всегда будет полагаться на себя и причины своих удач и неудач видеть в себе, своих поступках.

Достоверно положительная связь внутреннего контроля с утверждением «Мне понятны требования командиров» обнажает проблему непростых взаимоотношений командиров и курсантов. Индивиды, склонные к внутреннему контролю, верят, что могут управлять судьбой; множественные неудачи не влияют на их решимость и веру в собственные силы. Они полагают, что понимают требования своих командиров или прилагают максимум усилий, чтобы понять. Курсанты, подверженные внешнему контролю, считают, что их судьба зависит от командиров, от умения подчиняться и внешних непреодолимых обстоятельств, поэтому прилагают минимум усилий для достижения желаемой цели, предпочитая слепо следовать указаниям командиров.

Слишком высокий уровень внешнего контроля может вызвать ощущение бессилия перед военной системой и повлечь за собой апатию и отчаяние у курсанта. Однако излишне высокий уровень внутреннего контроля также может негативно сказаться на эмоциональном фоне: гиперответственность и взятие вины на себя за все неудачи, за несовершенство военной системы держат индивида в постоянном напряжении, которое может перерасти в нервный срыв. Вероятно, наиболее благоприятным для эмоционального состояния курсанта является золотая середина между внутренним и внешним контролем с небольшим перевесом в сторону первого.

В ходе исследования не выявлено достоверных сильных связей между социальным самоопределением и доминированием, зато установлено несколько достоверных связей по шкалам «ведомость» и «эскапизм». Так, обнаружилась положительная связь между ведомостью и проблемой затрудненного общения с незнакомыми людьми: чем менее контактен курсант, тем сильнее у него ведомость, стремление к подчиненности. Ведомая неконтактная личность – это замкнутый человек, который держится на расстоянии от всех; следовательно, его не интересует, кому из окружающих нужна помощь. Курсантов, предпочитающих избегать проблемных ситуаций, также не интересует, кому из окружающих нужна помощь.

Эскапизм наблюдается у некоммуникабельных курсантов, сомневающих в правильности своих действий в общении с окружающими. На первый взгляд отрицательная связь эскапизма и утверждения «Стараюсь не задумываться над требованиями командиров, а выполнять их» выглядит парадоксальной. Но это объясняется невозможностью ухода от военной действительности, в частности от требований командиров, ведь неподчинение и неисполнение может повлечь за собой такие негативные последствия, как наряд на службу (работу) вне очереди, лишение суточного увольнения и т. д. Эта точка зрения подтверждается и отрицательными корреляциями утверждения «Мне понятны требования командиров» с ведомостью и эскапизмом.

На основе полученных результатов мы приходим к следующим выводам:

– эмоциональный комфорт, принятие себя и принятие других напрямую связаны с социальным самоопределением курсантов: четкая определенность во взглядах на институт семьи, сферу политики, социальное устройство и т. д. позволяет быстрее преодолевать трудности социально-психологической адаптации и быть в ладу с собой;

– социальная неопределенность в вопросах политики, религии и семьи, трудности с коммуникацией влекут за собой непринятие себя и других, эмоциональный дискомфорт, ведомость и эскапизм.

В целом социальное самоопределение курсантов способствует их социально-психологической и профессиональной адаптации. Личностное самоопределение может быть следствием индивидуально-психологических характеристик личности, которые позволяют адекватно оценивать себя, осуществлять самоконтроль, проводить рефлексию своих действий – все это положительно влияет на развитие профессиональных навыков курсантов.

Выявленные в ходе эмпирического исследования взаимосвязи между характеристиками социального самоопределения и шкалами социально-психологической адаптации позволяют разработать для преподавателей, командиров и психологов рекомендации, направленные на минимизацию процессов дезадаптации курсантов. Для успешной социально-психологической адаптации рекомендуется проведение с курсантами занятий по развитию саморегуляции, формированию коммуникативных навыков, навыков самоконтроля, принятия себя и других и т. д. Также необходимо оказание помощи курсантам в вопросах их социального и профессионального самоопределения.

Ссылки:

1. Дивненко О.В. Симуляция как социальная компетенция современной российской молодежи // *Философия права*. 2012. № 6 (55). С. 62–65.
2. Калашникова И.В., Башарымова Д.В. К вопросу о трактовках понятий социализации, социальной адаптации, самоопределения и социального ресурса // *Вестник Тихоокеанского государственного университета*. 2014. № 2 (33). С. 235–240.
3. Овчинникова В.Б. Социальное самоопределение молодежи: основные понятия и сущность // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2009. № 4 (47). С. 42–47.
4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. М., 1996. 344 с.
5. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад. М., 2009. 527 с.
6. Сафин В.Ф., Ников Г.П. Психологический аспект самоопределения личности // *Психологический журнал*. 1984. Т. 5, № 4. С. 65–73.

Редактор, переводчик: Арсентьева Ирина Ильинична

УДК 159.9.07+316.6

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.14>

Шияневская Инна Анатольевна

Shiyanevskaya Inna Anatolyevna

аспирант кафедры социальной психологии
и социального управления
Кубанского государственного университета

PhD student, Social Psychology and Sociology
of Management Department,
Kuban State University

СТРАТЕГИИ КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ УСПЕШНОСТИ СОВМЕСТНОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

COPING BEHAVIOUR STRATEGIES OF EXECUTIVES WITH VARIOUS LEVELS OF CO-MANAGERIAL EFFICIENCY

Аннотация:

В статье представлены результаты эмпирического исследования копинг-поведения руководителей с высоким, средним и низким уровнем успешности совместной управленческой деятельности. Итоги его позволяют говорить о том, что характеристики личностного профиля копинг-поведения представителей топ- и мидл-менеджмента являются значимым фактором эффективности их совместной управленческой деятельности. Отмечено, что руководители, как правило, имеют две-три предпочитаемые стратегии совладания со сложностями, а также некоторые элиминируемые ими. Выявлено, что управленцы первого типа, характеризующиеся высоким уровнем успешности профессиональной деятельности, предпочитают стратегии «Планирование решения», «Самоконтроль», «Принятие ответственности». Для руководителей со средним уровнем успешности деятельности характерны такие копинг-стратегии, как «Поиск социальной поддержки», «Планирование решения». Менеджеры третьего типа, имеющие низкий уровень успешности деятельности, тяготеют к использованию стратегий «Бегство-избегание» и «Конфронтационный копинг». Выявлены статистически значимые связи между способами преодоления стресса, применяемыми руководителями в совместной управленческой деятельности, и уровнями ее успешности. Показаны значимые межгрупповые различия по параметрам копинг-поведения в условиях совместной управленческой деятельности.

Ключевые слова:

профессиональный стресс, управленческая деятельность, совместная управленческая деятельность, успешность профессиональной деятельности, личность руководителя, управленческое взаимодействие, копинг-поведение, копинг-стратегии, психологическое благополучие

Summary:

An empirical study of coping behaviour of executives engaging in high, medium and low levels of co-managerial efficiency is presented in this paper. The results allow us to conclude that the characteristics of the trait profile of coping behaviour of representatives of top and middle management are a major asset in the effectiveness of their co-managerial efficiency. It is noted that executives, as a rule, have two or three preferred strategies for coping with difficulties, most of which are eliminated. It has been revealed that the executives of the first type, characterized by a high level of professional success, prefer the strategies "Decision Planning", "Self-Control", and "Admission of Responsibility". For executives with an average level of success, coping strategies such as "Seeking social assistance" and "Decision planning" are typical. Executives of the third type, having low levels of managerial efficiency, gravitate towards the use of "escape-avoidance" and "confrontational coping" strategies. Statistically significant correlations were revealed between the ways of overcoming stress used by executives in co-managerial efficiency and their success levels. Significant inter-group differences in coping behaviour parameters in the context of co-managerial efficiency are presented.

Keywords:

professional stress, managerial efficiency, collaborative managerial activity, professional success, executive personality, managerial interaction, coping behaviour, coping strategies, mental wellbeing

Введение. Современный социально-экономический контекст, характеризующийся гипертурбулентностью, неопределенностью, неоднозначностью и ненадежностью, предъявляет повышенные требования к личности руководителя. От того, насколько адаптивными будут ответы на вызовы действительности, зависит как личная успешность профессиональной деятельности начальника, так и интегральная эффективность предприятия.

Хрестоматийным является положение о стрессогенности управленческой деятельности [1]. Анализ работ отечественных и зарубежных авторов позволяет говорить о таких стрессорах – спутниках управленческой деятельности, как неопределенность, информационная перегруженность, необходимость принимать ответственные решения в условиях дефицита времени и ресурсов, межличностные и межгрупповые конфликты, высокий темп и динамика изменений в компании, стране и мире [2].

Следует отметить, что в настоящий момент профессиональная управленческая деятельность реализуется в большей степени в пространстве отношений «руководитель – руководитель». Согласно оценке различных исследователей 60–80 % деятельности менеджеров сосредотачивается на взаимодействии с коллегами по горизонтали и вертикали иерархической структуры предприятия и направлено на регулирование взаимодействия структурных подразделений и/или организационных подсистем [3]. Данное управленческое взаимодействие является ситуативной формой и центральным психологическим процессом совместной управленческой деятельности (СоУД) [4], в рамках которой происходит активация особой ролевой позиции – партнера по совместной деятельности, включающей как минимум три аспекта субъектной активности: предметный, коммуникативный и личностный (интраперсональный) [5]. В последнем случае значимыми элементами выступают индивидуальные характеристики руководителей [6], содействующие или препятствующие осуществлению ими успешного взаимодействия друг с другом и эффективному функционированию компании как субъекта социально-экономической активности.

Значимой характеристикой СоУД является ее стрессогенность, обусловленная опосредованностью, дистантностью коммуникации, вариативностью форм реализации принятых решений исполнителями, сложностью прогнозирования эффектов, отсроченностью получения результатов деятельности.

Дополнительная нагрузка на личность руководителя связана с поводами управленческих интеракций. Как правило, взаимодействие менеджеров происходит в связи со сложными ситуациями, требующими объединения усилий, координации деятельности различных структурных подразделений компании. При этом, согласно оценке руководителей, СоУД сопряжена с такими феноменами, как межличностные и межгрупповые конфликты, управленческая борьба, «игры» и интриги с целью занять лидирующую позицию, минимизировать ответственность или объем участия в совместной деятельности, повысить личные выгоды, часто в ущерб предприятию, занять или сохранить статус «непрекосновенного руководителя» и другие способы «выживания» в компании, зачастую противоречащие декларируемому тезису о включенности личности в деятельность, векторам развития организации и нацеленности на успешность бизнеса.

Данное обстоятельство делает актуальным раскрытие содержания механизмов копинг-поведения руководителей, поскольку оно является не только важным условием психологического благополучия личности, но и элементом взаимодействия управленцев [7], актуализируемым в связи с индивидуальной когнитивной оценкой СоУД как условия, вызывающего напряжение, стресс, предъявляющего повышенные требования к личности. Иными словами, копинг-поведение, понимаемое нами как «постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия, направленные на то, чтобы справиться со специфическими внешними и/или внутренними требованиями, которые оцениваются как напрягающие или превышающие ресурсы личности» [8], – значимый фактор в саморегуляции личности и ее ориентации на успешность профессиональной управленческой деятельности.

Методология. Цель нашего исследования состояла в раскрытии содержания копинг-поведения личности в условиях совместной управленческой деятельности.

Проверялась гипотеза о наличии значимой связи между применяемыми руководителями копинг-стратегиями и уровнем успешности совместной управленческой деятельности.

Эмпирическую выборку составили 169 руководителей среднего и высшего звена предприятий автомобильного холдинга в Южном федеральном округе (ЮФО).

Для целей исследования использовались: методика «Шкала организационного стресса Маклина» в адаптации Н. Водопьяновой, методика Т.А. Немчина «Оценка нервно-психического напряжения», метод экспертной оценки психологических характеристик личности руководителя Ю.П. Платонова, опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана в адаптации Т.Л. Крюковой с соавторами. Методики применялись в специфическом ситуационном контексте – совместной управленческой деятельности.

Результаты. Использование шкалы организационного стресса Маклина позволило установить, что средний показатель стресса в выборке руководителей соответствует диапазону высоких значений ($M = 53,2 \pm 7,08$).

Дифференциация по уровням выраженности стресса выглядит следующим образом. Поведение типа «А», характерное для высокого уровня организационного стресса, демонстрируют 117 респондентов (69,2 %). Поведение типа «АВ», соответствующее среднему уровню организационного стресса, обычно для 52 респондентов (30,8 %). Поведение типа «В» – устойчивость к стрессу – не выявлено среди испытуемых.

Нервно-психическое напряжение руководителей в целом соответствует умеренному уровню организационного стресса ($M = 68,4 \pm 8,42$). Дифференциация по уровням нейропсихического напряжения может быть представлена следующим образом. Чрезмерное напряжение было

отмечено у 22 респондентов (13 %), умеренное – характерно для 90 испытуемых (53,3 %), слабое напряжение было диагностировано у 57 участников исследования (33,7 %). Данные корреляционного анализа свидетельствуют о значимой статистической связи между нервно-психическим напряжением и переживаемым организационным стрессом. В группе с высоким уровнем нервно-психического напряжения показатель корреляции – $r = 0,49$ при $p < 0,05$. В группе с умеренным психическим напряжением – $r = 0,39$ при $p < 0,05$.

Данные результаты позволяют говорить о наличии в организации системных стресс-факторов, оказывающих дезадаптирующее влияние на личность руководителя и являющихся стимулами для активации копинг-поведения.

Анализ успешности профессиональной деятельности управленцев производился с помощью метода экспертной оценки психологических характеристик личности руководителя Ю.П. Платонова. Соответствие индивидуальных качеств человека содержанию его деятельности является неперенным условием успешного ее осуществления, в связи с чем, на наш взгляд, представляется возможным соотнести уровень реализации психологических характеристик, диагностируемых в профессиональной деятельности, и показатели ее успешности. Для повышения объективности исследования были приглашены три эксперта – руководители высокого уровня в обследуемой организации, оценки которых усреднялись по каждому параметру, а итоговый балл послужил количественным показателем успешности деятельности.

Результаты проведенной работы позволили определить согласно предложенным критериям в методике три группы руководителей с различным уровнем развития психологических характеристик и соответствующими показателями успешности их деятельности. Распределение по группам выглядит следующим образом: менеджеры с высоким уровнем успешности профессиональной деятельности – 27,8 % (средний балл – 39,6); со средним – 58 % (средний балл – 32,2), с низким – 14,2 % (средний балл – 27,3). Руководители с уровнем развития личностных качеств, непригодным для реализации управленческих функций, не выявлены.

Копинг-поведение управленцев, имеющих различный уровень успешности деятельности, исследовалось с помощью опросника «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана в адаптации Т.Л. Крюковой с соавторами.

Для группы менеджеров с высоким уровнем успешности профессиональной деятельности характерны стратегии «Планирование решения» ($75,6 \pm 13,3$), «Самоконтроль» ($67,3 \pm 13,7$), «Принятие ответственности» ($66,3 \pm 16,7$). В группе руководителей со средним уровнем успешности деятельности доминируют стратегии «Поиск социальной поддержки» ($77,8 \pm 15,6$), «Планирование решения» ($72,8 \pm 17,3$). Копинг-поведение группы менеджеров с низким уровнем успешности деятельности характеризуется преобладанием стратегий «Бегство-избегание» ($67,8 \pm 14,1$) и «Конфронтационный копинг» ($62,2 \pm 9,1$).

Значимы различия и в диапазоне «пренебрегаемых» стратегий копинг-поведения. Успешные, согласно экспертной оценке, руководители практически не используют при совладании с трудными ситуациями профессиональной деятельности стратегии «Конфронтационный копинг» и «Бегство-избегание». Руководители с низким уровнем успешности деятельности, напротив, прибегают к этим способам преодоления стресса гораздо чаще.

Анализ межгрупповых различий осуществлялся с применением t-критерия Стьюдента для независимых выборок. Распределение значений в каждой группе руководителей по всем представленным стратегиям копинг-поведения исследовалось при помощи d-критерия Колмогорова – Смирнова. Результаты статистической проверки следующие: «Конфронтационный копинг» – в группе с высоким уровнем успешности – $d = 0,14$ при $p > 0,05$, со средним уровнем – $d = 0,15$ при $p > 0,05$, с низким уровнем успешности – $d = 0,25$ при $p > 0,05$; «Дистанцирование» – в группе с высоким уровнем успешности – $d = 0,15$ при $p > 0,05$, со средним уровнем – $d = 0,16$ при $p > 0,05$, с низким уровнем успешности – $d = 0,24$ при $p > 0,05$; «Самоконтроль» – в группе с высоким уровнем успешности – $d = 0,16$ при $p > 0,05$, со средним уровнем – $d = 0,18$ при $p > 0,05$, с низким уровнем успешности – $d = 0,18$ при $p > 0,05$; «Поиск социальной поддержки» – в группе с высоким уровнем успешности – $d = 0,16$ при $p > 0,05$, со средним уровнем – $d = 0,15$ при $p > 0,05$, с низким уровнем успешности – $d = 0,23$ при $p > 0,05$; «Принятие ответственности» – в группе с высоким уровнем успешности – $d = 0,13$ при $p > 0,05$, со средним уровнем – $d = 0,15$ при $p > 0,05$, с низким уровнем успешности – $d = 0,26$ при $p > 0,05$; «Бегство-избегание» – в группе с высоким уровнем успешности – $d = 0,13$ при $p > 0,05$, со средним уровнем – $d = 0,16$ при $p > 0,05$, с низким уровнем успешности – $d = 0,15$ при $p > 0,05$; «Планирование решения» – в группе с высоким уровнем успешности – $d = 0,17$ при $p > 0,05$, со средним уровнем – $d = 0,17$ при $p > 0,05$, с низким уровнем успешности – $d = 0,28$ при $p > 0,05$; «Положительная переоценка» – в группе с высоким уровнем успешности – $d = 0,09$ при $p > 0,05$, со средним уровнем – $d = 0,08$ при $p > 0,05$, с низким уровнем успешности – $d = 0,28$ при $p > 0,05$.

Результаты анализа межгрупповых различий свидетельствуют о наличии значимых различий по нескольким параметрам копинг-поведения. Группа руководителей с высоким уровнем успешности значительно отличается от группы испытуемых со средним и низким уровнями успешности деятельности по параметру «Самоконтроль» ($t = 9,27$, $t = 6,48$ при $p \leq 0,01$) и от группы участников исследования с низким уровнем успешности по параметру «Принятие ответственности» ($t = 10,17$ при $p \leq 0,001$).

Группа испытуемых со средним уровнем успешности деятельности значительно отличается от группы руководителей с высоким уровнем успешности деятельности по параметру «Поиск социальной поддержки» ($t = 2,96$ при $p \leq 0,01$) и по параметру «Планирование решения» ($t = 5,93$ при $p \leq 0,001$).

Группа управленцев с низким уровнем успешности значительно отличается от группы руководителей с высоким уровнем успешности деятельности по параметру «Дистанцирование» ($t = 2,48$ при $p \leq 0,05$).

Значимые межгрупповые различия по параметрам «Конфронтационный копинг», «Бегство-избегание», «Положительная переоценка» не установлены.

Применение корреляционного анализа в каждой группе руководителей позволило выявить статистически значимые связи между копинг-стратегиями, используемыми личностью в условиях совместной управленческой деятельности, и уровнями ее успешности. Наиболее значимые связи выглядят следующим образом.

В группе руководителей с высоким уровнем успешности деятельности выявлено регулирующее влияние со стороны стратегий «Планирование решения» ($r = 0,38$ при $p < 0,05$) и «Положительная переоценка» ($r = 0,50$ при $p < 0,05$). В группе испытуемых со средним уровнем успешности установлена значимая связь между степенью успешности деятельности и стратегией «Поиск социальной поддержки» ($r = 0,43$ при $p < 0,05$), а также определена отрицательная значимая связь между стратегией «Самоконтроль» и степенью успешности деятельности ($r = -0,36$ при $p \leq 0,05$). В группе участников исследования с низким уровнем успешности деятельности определяется статистически значимая связь между стратегией «Конфронтационный копинг» и успешностью деятельности ($r = 0,78$ при $p < 0,05$).

Таким образом, результаты исследования позволяют говорить, что значимым фактором успешности совместной управленческой деятельности руководителей выступают вполне определенные характеристики личностного профиля копинг-поведения, такие как тенденция к целенаправленному анализу ситуации и планированию собственных действий и действий подведомственных структурных подразделений («Планирование решения») с учетом объективных обстоятельств, наличия ресурсов и прогнозирования результатов деятельности в сочетании с принятием ответственности за них («Принятие ответственности»), осознанный отказ от деструктивных паттернов поведения и снижение влияния негативных эмоций на анализ ситуации («Самоконтроль») в сочетании с минимальным использованием «любовых» способов борьбы с трудностями, конфликтных взаимодействий с коллегами по совместной деятельности с целью отстоять свою точку зрения на решение сложной задачи как единственно верную («Конфронтация») и различных вариантов уклонения от решения проблемы («Бегство-избегание»).

Выводы. Подводя итог анализа особенностей копинг-поведения руководителей с различным уровнем успешности совместной управленческой деятельности, можно констатировать, что в каждой группе испытуемых было выявлено две-три предпочитаемых ими стратегии совладания со сложностями, отмечены также элиминируемые стратегии копинг-поведения. Выявлены статистически значимые связи между копинг-стратегиями, применяемыми руководителями, и степенью успешности реализуемой совместной деятельности. При этом были установлены значимые межгрупповые различия в уровнях выраженности данных стратегий. Таким образом, можно резюмировать, что гипотеза о связи копинг-стратегий, применяемых в условиях совместной управленческой деятельности, с уровнем ее успешности нашла свое подтверждение. Полученные результаты, на наш взгляд, представляют особый интерес и требуют дальнейших проверок выявленных тенденций на устойчивость и воспроизводимость. Перспективными выглядят направления исследований, связанные с изучением копинг-стратегий как факторов регуляции успешности руководителей организаций, с моделированием, прогнозированием успешности руководителей в различных организационных контекстах, с детальным раскрытием детерминации управленческого взаимодействия.

Результаты настоящего исследования носят прикладной характер и могут быть использованы в работе психологами, менеджерами по персоналу, руководителями различных статусно-должностных рангов при отборе кандидатов на управленческие позиции, а также при обучении эффективному копингу менеджеров с целью обеспечения успешности их деятельности, при разработке программ профилактики профессионального стресса.

Ссылки:

1. Дембовская М.Ю. Профессиональный стресс в деятельности менеджера // Наука на благо человечества – 2016 : материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов, посвященной 85-летию МГОУ: факультет психологии. М., 2016. С. 34–39 ; Дементий Л.И., Корнев К.И. Ситуационный контекст копинг-поведения руководителей высшего и среднего звена // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 10, № 1 (40). С. 271–284 ; Кабаченко Т.С. Психология в управлении человеческими ресурсами. СПб., 2013. 400 с. ; Карпов А.В. Психология менеджмента. М., 2005. 584 с. ; Кобозев И.Ю. Оценка профессионального стресса и его влияния на копинг-поведение руководителей // Вестник психотерапии. 2011. № 37 (42). С. 92–100.
2. Богданова Ю.В. Стрессоры в управленческой деятельности // Управление человеческими ресурсами: теория, практика и перспективы : сборник материалов конференции. Белгород, 2017. С. 243–246 ; Стульба С.А. Психологическая характеристика профессионального стресса в управленческой деятельности руководителей внутренних дел // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2018. № 2 (36). С. 245–249 ; Целикова В.Ю. Стресс-факторы в профессиональной управленческой деятельности менеджера // Инновационная наука. 2015. № 11-3. С. 286–289 ; Donaldson G., Lorsch J.W. Decision Making at the Top: Shaping Strategic Direction. N.Y., 1983. 230 p. ; Kotter J.P. The Leadership Factor. N.Y., 1988. 468 p. ; Leavitt H.J., Bahrami H. Managerial Psychology: Managing Behavior in Organizations. Chicago ; L., 1988. 524 p.
3. Свенцицкий А.Л. Психология управления организациями. СПб., 1999. 224 с. ; Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М., 1999. 276 с. ; Donaldson G., Lorsch J.W. Op. cit. ; Kotter J.P. Op. cit.
4. Аксеновская Л.Н. Моделирование управленческого взаимодействия как метод оптимизации организационной культуры : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1997. 17 с. ; Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности. М., 2005. 640 с. ; Его же. Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). М., 2004. 476 с. ; Толочек В.А. Стилиевые характеристики и взаимодействия руководителей в управленческой структуре // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1995. № 3. С. 11–19.
5. Флоровский С.Ю. Личностная регуляция совместной управленческой деятельности руководителей и культура организации (психологические механизмы со-бытийности в управленческих коллективах и командах) // Личность и бытие: теория, исследования, практика субъект социокультурной реальности. Краснодар, 2005. С. 251–279 ; Флоровский С.Ю., Шияневская И.А. Руководитель как субъект совместной управленческой деятельности: к проблеме генерализованных личностных предпосылок успешности // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 7. С. 53–59. <https://doi.org/10.24158/spp.2017.7.10>.
6. Вольвич Ю.К. Психологические ресурсы регуляции стресс-преодолевающего поведения личности как субъекта организационных процессов // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18, № 4. С. 162–178 ; Петрушихина Е.Б. Особенности копинг-стратегий руководителей разного уровня // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2015. № 4 (147). С. 125–131 ; Удавихина У.А., Гуриева С.Д. Социально-психологические детерминанты адаптивного копинг-поведения руководителей в деловой коммуникации // Ананьевские чтения – 2017: преемственность в психологической науке: В.М. Бехтерев, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов : материалы традиционной международной научной конференции. СПб., 2017. С. 177–178.
7. Кроповницкий О.В. Взаимосвязь копинг-стратегий и социально-психологических характеристик личности руководителя // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2018. № 1. С. 187–196 ; Кудашев А.Р., Кроповницкий О.В. Типы руководителей: копинг-стратегии и социально-психологические характеристики // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2020. № 4. С. 70–84. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-4-70-84>.
8. Демин А.Н. Словарь-справочник по психологии труда и психологии занятости. Краснодар, 2014. 171 с.

Редактор: Ситникова Ольга Валериевна
Переводчик: Ханмамедова Виктория Рамизовна

УДК 37.02-053.5

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.15>

Бороненко Татьяна Алексеевна

доктор педагогических наук, профессор,
заведующая кафедрой информатики
и информационных систем
Ленинградского государственного
университета им. А.С. Пушкина
<https://orcid.org/0000-0003-2265-3531>

Boronenko Tatyana Alekseevna

D.Phil. in Education Science, Head,
Department of Computer Science
and Information Systems,
Pushkin Leningrad State University
<https://orcid.org/0000-0003-2265-3531>

Федотова Вера Сергеевна

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры информатики
и информационных систем
Ленинградского государственного
университета им. А.С. Пушкина
<https://orcid.org/0000-0002-1974-5809>

Fedotova Vera Sergeevna

PhD in Education Science,
Associate Professor,
Department of Computer Science
and Information Systems,
Pushkin Leningrad State University
<https://orcid.org/0000-0002-1974-5809>

КУЛЬТУРА ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ КАК КОМПОНЕНТ ЦИФРОВОЙ ГРАМОТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ*

CULTURE OF INFORMATION PERCEPTION AS A COMPONENT OF SCHOOLCHILDREN'S DIGITAL LITERACY

Аннотация:

Цифровой контент получает широкое распространение в жизни человека, поэтому представляет интерес для исследований в различных научных областях. В статье охарактеризованы особенности цифрового контента, представлена его классификация по различным признакам. Определены наиболее интересные школьникам форматы цифрового контента. Описана важная роль цифрового образовательного контента в мотивации и активизации учеников в процессе обучения. Отмечено, что цифровой образовательный контент способствует созданию благоприятной среды для индивидуализации обучения, развитию творческого мышления, обеспечению свободы самовыражения, диверсификации учебных материалов. Обосновано, что формирование культуры восприятия информации в цифровой форме начинается в школе. Определены направления подготовки школьников к осознанному чтению цифрового контента, его критическому анализу и восприятию для последующего использования в практической деятельности. Чтение цифрового контента и понимание его лингвистических основ рассмотрены как компонент цифровой грамотности школьников. Сделан вывод о том, что осознанное восприятие цифрового контента позволяет ученикам выбирать наиболее достоверные и надежные информационные источники, правильно интерпретировать факты.

Ключевые слова:

цифровой контент, цифровая грамотность, чтение контента, экосистема цифрового контента, информация, восприятие информации, школьники

Summary:

Digital content is widespread in human life, so it is of interest for research in various scientific fields. The paper describes the features of digital content and classifies it according to various criteria. The most interesting digital content formats for schoolchildren are identified. The important role of digital educational content in motivating and activating students in the learning process is described. It is noted that digital educational content contributes to the creation of an enabling environment for the individualization of learning, the development of creative thinking, freedom of expression, and the diversification of educational materials. The authors argue that the formation of a culture of perception of information in digital form begins at school. The study identifies directions in preparing schoolchildren for conscious reading of digital content, its critical analysis and perception for future use in practice. Reading digital content and understanding its linguistic foundations are considered as a component of students' digital literacy. It is concluded that the conscious perception of digital content allows schoolchildren to choose the most reliable information sources, correctly interpret the facts.

Keywords:

digital content, digital literacy, content reading, digital content ecosystem, information, information perception, schoolchildren

Введение. Педагогические работники, журналисты, экономисты, юристы и специалисты многих других областей в последнее время активно используют понятие «цифровой контент». Оно символизирует расширение информационных возможностей человека за счет появления новых каналов приема и передачи информации. Факторами, способствующими введению цифрового контента в культурный обиход, выступают интенсивное развитие сети Интернет, мобильной

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-14185 мк.

связи [1], увеличение скорости сетевого взаимодействия, цифровизация всех сфер человеческой деятельности.

Количество информации вокруг нас непрерывно растет. В жизненной практике мы обращаемся к разному цифровому контенту: в учебном процессе – к образовательному контенту, в журналистике – к медиаконтенту, в экономике и бизнесе – к коммерческому контенту и т. д. Разнообразие контента, его качественные особенности и привносимые им эмоционально-чувственные эффекты заставляют нас задуматься о качестве предоставленного к использованию контента и формировании правильной позиции в его прочтении, ориентации на критическое и осознанное восприятие представленного содержания. Особенно это касается школьников, т. к. современный ребенок погружен в цифровой мир с раннего детства [2]. Пользователь хочет развлекаться, узнавать, творить, общаться, учиться. Обозначенные потребности и запросы молодое поколение стремится удовлетворить с помощью цифрового контента. Важно научить школьников понимать и умело распоряжаться этой информацией, превращать ее в практические знания. Это определяет благополучие, безопасность и интеллектуальное развитие человека в информационном обществе. Формирование читательского опыта восприятия цифрового контента является неотъемлемым компонентом развития цифровой грамотности у школьников, наряду с его созданием, использованием и передачей.

Однако возникает ряд *противоречий*: между наличием разнообразного цифрового контента и незнанием особенностей его правильного прочтения; между появлением новых средств доступа к цифровому контенту и неготовностью человека к его избирательному использованию в практической деятельности.

Научная проблема исследования определена необходимостью установления подходов к формированию у школьников читательского опыта при обращении к цифровому контенту, т. к. формирование культуры восприятия информации должно начинаться уже в школе.

Цель исследования – определение направлений подготовки школьников к осознанному прочтению цифрового контента, его критическому анализу и восприятию для последующего использования в практической деятельности с опорой на анализ лингвистических основ цифрового контента как компонента цифровой грамотности обучающихся.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать понимание терминов «контент», «цифровой контент» в социальной сфере; провести классификацию цифрового контента по различным признакам; выявить особенности восприятия каждого вида контента; рассмотреть возможные риски его неправильного прочтения и интерпретации; предложить рекомендации для учителей по формированию читательского опыта у школьников, которые будут ориентированы на разные виды контента, полученного из различных источников по многим информационным каналам.

Методология исследования. Методологическую основу исследования составляют идеи социокультурного, субъектного и контекстного подходов. Социокультурный подход позволяет рассматривать человека как элемент экосистемы цифрового контента. Субъектный подход ориентирует на изучение его поведения в цифровом пространстве как потребителя цифрового контента, изучение его интересов и запросов. Контекстный подход определяет, что «контекст активно участвует в порождении значения и смысла» [3, с. 98], позволяет выявить особенности восприятия цифрового контента и на этой основе выбрать направления для обучения школьников правильному его прочтению.

Для уточнения понятий «контент» и «цифровой контент» мы обратились к анализу научной и справочной литературы, выявили причины использования общественностью данного нового словарного типа в связи с технологическим развитием Интернета, мобильных технологий и социальных сетей. При проведении классификации контента изучили отечественный и зарубежный опыт его типологизации, определили направления исследований по вопросам цифрового контента. Для выявления интенсивности обращения школьников к цифровому контенту и типу его содержания использован метод анкетирования.

В сентябре – октябре 2019 г. нами было проведено пилотное исследование – анкетирование школьников по выявлению их склонностей к потреблению цифрового контента, по оценке отношения обучающихся к его содержанию, установлению общего восприятия информации в сети Интернет. В анкету, реализованную средствами Google Forms, было включено 25 вопросов. При их формулировке предполагалось оценивать поведенческие характеристики школьников, их технологические возможности, заинтересованность в обучении, активность при сетевой коммуникации и т. п. Важно было установить, с каким видом цифрового контента респонденты сталкиваются чаще всего; определить факторы, заставляющие учеников обращаться к цифровому контенту; охарактеризовать наиболее популярные среди учеников темы и форматы представления информации в цифровой среде (изображения, видео, таблицы, инфографика, фото и др.); установить, насколько востребованы у учеников при выборе цифрового контента рекомендации учителей, других обучающихся, родителей.

Обзор литературы. Поисковые запросы по слову «цифровой» подтверждают, что слово «контент» относится к разряду самых распространенных и употребляемых. Это понятие пришло в русскоязычный словарный запас из английского языка. Сначала оно получило развитие в гуманитарных науках как метод контент-анализа. Дословный перевод слова «контент» означает «содержание» (или «наполнение»). Однако такое толкование полностью не раскрывает его истинный смысл. Контент относится, прежде всего, к сети Интернет, и в этом смысле он трактуется как содержание интернет-страниц, сайтов. Т.С. Павленко отмечает, что контент – «понятие обобщенное, которое получило широкое развитие с распространением интернета» [4, с. 31]. Любая информация, которая генерируется каким-то человеком (группой лиц) для наполнения веб-страниц (социальных сетей, сайтов и др.) является контентом. Е.Д. Патаракин отмечает, что «сегодня новый контент создается миллионами людей, которые как муравьи приносят в сеть новые тексты, фотографии, рисунки, музыкальные файлы. При этом общение... все чаще происходит не в форме прямого обмена высказываниями, а в форме взаимного наблюдения за сетевой деятельностью» [5, с. 278].

В композиции со словом «цифровой» понятие «контент» приобретает новый смысловой оттенок. Исследователями разных областей науки неодинаково формируется представление о цифровом контенте. В журналистике он рассматривается как иллюстрация текстов числительными, обозначенными цифрами. Использование цифр в тексте считается хорошим способом визуализации информации, средством убеждения в ее значимости и весомости. Цифра «останавливает на себе внимание, заставляет задуматься» [6, с. 633]. Мы будем понимать под *цифровым контентом* более широкое представление о нем как о совокупности информационных, образовательных, развлекательных материалов, которые распространяются в электронном виде по специальным каналам для демонстрации и использования с помощью цифровых устройств (компьютеров, планшетов, смартфонов и др.).

Современная жизнь неразрывно связана с цифровым контентом. Его доступность, разнообразие, открытость с любого подключенного к Интернету устройства дают человеку возможность выбора содержания по своему усмотрению. Каждый день мы получаем огромный поток цифрового контента. К его основным видам традиционно относятся тексты, видео- и аудиоматериалы, онлайн-игры. Рассматривая информационную природу цифрового контента, следует отметить, что сегодня он стал объектом изучения информатики, т. к. информация может быть представлена в различных формах (текстовой, табличной, графической и др.) и относится к индикаторам цифровой грамотности в области создания цифрового контента. Цифровой контент отличается интерактивностью, мультимедийностью, гипертекстовостью, разнообразностью, мобильностью. Г.У. Солдатова и Е.И. Рассказова отмечают влияние цифровых технологий на психологические особенности восприятия цифрового контента: привыкание воспринимать информацию небольшими порциями, визуализировать материалы, мгновенно получать интересующую информацию [7].

С понятием «цифровой контент» связаны многочисленные смысловые конструкции (рисунок 1), отражающие различные способы работы с информацией.

Рисунок 1 – Действия с цифровым контентом

Основным видом деятельности, связанным с цифровым контентом, является чтение. Ранее считалось, что чтение – это задача литературы. «Владея данным видом коммуникативной деятельности, человек понимает все, что он читает, и адекватно реагирует на прочитанное, конвертируя свои мысли в ответ» [8, с. 110]. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что правильное прочтение цифрового контента, которое обеспечивает удовлетворение различных потребностей человека при сохранении безопасности читателя, – это уже компонент цифровой грамотности.

Цифровой контент классифицируется по различным основаниям: уникальности, форме подачи информации, доступности, целевой аудитории и др.

Самая распространенная классификация цифрового контента – по *форме подачи информации*, предполагает его деление на тексты (статья, книга, отзыв, заметка, руководство, инструкция, чек-листы), изображения (фотографии, картинки, анимация, схемы, скриншоты, слайды, инфографика), видео (ролики, семинары, записи мероприятий, прямые трансляции, фильмы, видеолекции, видеоуроки, скринкасты, стриминговый контент), аудио (лекция, вебинар, подкаст, музыка, аудиокнига, интервью).

По *уникальности* контент подразделяют на уникальный и неуникальный. Уникальный (авторский) контент не имеет аналогов, представляет оригинальный авторский материал, несет высокую смысловую нагрузку и полезный контент. В сети Интернет преобладает неуникальный контент, который представляет собой дублируемый практически без изменений на большом количестве ресурсов материал, так называемый «копипаст» (copy+paste). Такой контент затрудняет поиск необходимой информации, все время обращая пользователя к одному и тому же материалу.

По *доступности* контент можно классифицировать на платный и бесплатный. Платный контент предполагает получение информации за некоторую установленную сумму. Бесплатный контент находится в открытом доступе или распространяется по подписке.

Цифровая среда способствует формированию новой парадигмы исследовательских интересов вокруг цифрового контента. Так, результатом взаимодействия медиа и цифровой среды стало увеличение внимания к видеоконтенту в Интернете. В цифровой медиасреде он стал объектом изучения журналистики [9].

Вопросам разработки цифрового образовательного (учебного) контента посвящены исследования С.Г. Набиуллиной [10], Н.А. Яковлевой [11]. Цифровой контент относится к одному из трех компонентов модели цифровой образовательной среды в российских школах. Ученые [12] отмечают важную роль интеграции цифрового контента в традиционный учебный процесс, прежде всего, в аспекте мотивации, повышения познавательной активности обучающихся, индивидуализации обучения, развития творческого мышления, обеспечения свободы самовыражения, диверсификации учебного материала.

Для нашего исследования интерес представляет анонсирование учеными [13] необходимости формирования новой компетенции современного образования – *контентного мышления*, рассматриваемого как сложный социально-культурный феномен, который интегрирует в себе разные логики мышления: анализа и синтеза, индукции и дедукции. Такое мышление позволяет устанавливать причины и прогнозировать следствия при изучении объекта или явления. Оно является нелинейным и дополнено интуитивными формами восприятия информации, связано с созерцанием, озарением и творчеством. Ученые отмечают высокоэффективное сочетание физического и цифрового мира в обучении. Современные технологии меняют само представление о том, что значит читать [14]. Способность учеников синтезировать, решать проблемы и генерировать идеи основана, но не завершается на конкретном образовательном контенте, который предлагает учитель. Ученики должны научиться самостоятельно находить и осваивать дополнительные материалы цифрового контента для собственного интеллектуального развития [15]. Однако в большинстве случаев исследования отечественных и зарубежных ученых все же не учитывают ожидания учащихся от цифрового контента, не выявляют явно их намерения и готовность использовать цифровые материалы, не предлагают прямых рекомендаций для педагогов по организации работы с электронными учебными материалами от ведущих поставщиков онлайн-контента. Школьники ежедневно взаимодействуют с цифровым контентом, но явное обучение чтению цифрового контента предъявляет особые требования. Данное исследование помогает понять, как избежать проблем, с которыми сталкиваются ученики и учителя, когда они изучают цифровой контент в разных форматах.

Результаты и дискуссия. Для характеристики сущности цифрового контента целесообразно использование социокультурного подхода как наиболее адекватного и продуктивного, если говорить о рассмотрении общества как единства культуры и социума, образуемых и преобразуемых деятельностью человека. Человек является создателем и потребителем цифрового контента, который формирует культуру окружающего мира и оказывает обратное преобразующее действие на самого человека. Можно сказать, что это процесс является двусторонним.

Сегодня чаще всего говорят об *экосистеме цифрового контента* (рисунок 2), которая рассматривается как зонтичный термин и предполагает производство цифрового контента, распространение контента в цифровой среде, потребление пользователями контента, произведенного и переданного в цифровом формате.

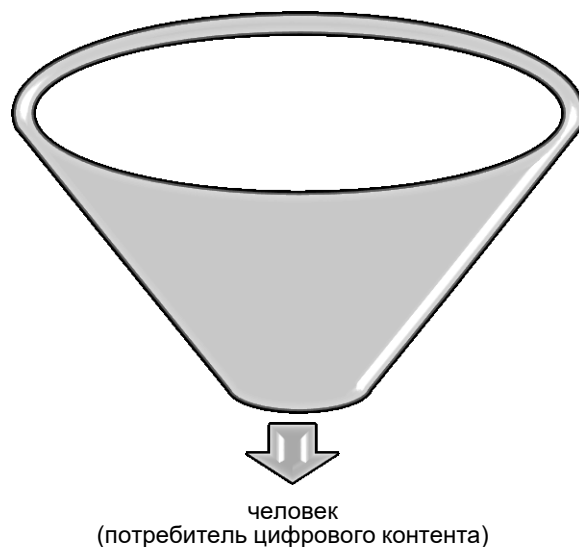

Рисунок 2 – Экосистема цифрового контента

С позиций социокультурного подхода и представления о человеке как действующем субъекте экосистемы цифрового контента, мы будем понимать под цифровым контентом систему, ориентированную на удовлетворение информационных потребностей человека в различных ситуациях за счет обращения к цифровым материалам для поиска информации, решения учебных и профессиональных задач, развлечения, общения, а также получения интеллектуального и эстетического удовлетворения и др.

Лингвистические основы цифровой грамотности человека составляет учение о «языке» цифрового контента как знаковой системе. Подобно специализированному речевому языку цифровой контент содержит определенный замысел, несет содержательную нагрузку. Смысловая интенция цифрового контента определяет его намерение выразить и донести до пользователя значимый смысл с помощью разнообразных средств представления содержательных материалов. Иногда компоненты цифрового контента используются не в качестве средства информирования, а в качестве средства коммуникации. В социальных сетях пользователи используют видео и изображения для создания ситуаций коммуникации, провоцируют других пользователей на обратную реакцию. Такой контент может содержать скрытые смыслы, поэтому школьникам важно научиться способам чтения цифрового контента.

Для достижения поставленной в рамках нашего исследования задачи по разработке предложений и рекомендаций для учителей по формированию читательского опыта у школьников, которые будут ориентированы на разные виды контента, мы провели пилотное исследование (онлайн-анкетирование) их интересов и преобладающего типа цифрового контента. В ходе исследования обучающейся молодежи нами было собрано 116 анкет. По возрастным критериям респонденты распределялись практически равномерно (рисунок 3): 16 лет и старше – 35,34 %; 14–15 лет – 33,62 %; 11–13 лет – 31,03 %.

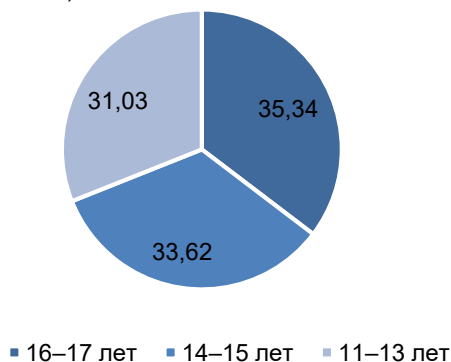

Рисунок 3 – Возрастное распределение респондентов

Оценивая технологические возможности обучающихся, следует отметить, что преобладающая часть школьников (67,24 %) для выхода в Интернет одновременно имеют два устройства (компьютер и мобильный телефон/смартфон/планшет). Одно устройство используют 32,76 % обучающихся; 74,14 % респондентов при этом предпочитают телефон, из них 50,86 % обращаются к цифровому контенту регулярно, в течение всего дня (табл. 1).

Таблица 1 – Частота обращения школьников к цифровому контенту в течение дня

Частота обращения	Количество респондентов	% от опрошенных
Регулярно, в течение всего дня	59	50,86
Часто, много раз в течение дня	36	31,03
Нечасто, несколько раз в день	19	16,38
Редко, в случае большой необходимости	2	1,72

Основной целью обращения к цифровому контенту при посещении сети Интернет большинство респондентов называют чтение содержания социальных сетей (Vk.com, Odnoklassniki.ru, Facebook.com, Мой мир, Instagram.com), просмотр видеороликов (в том числе в социальных сетях, YouTube, TikTok), прослушивание музыки, участие в онлайн-играх, чтение новостной ленты, просмотр изображений, фотографий, изучение образовательного контента. Заметим, что социальные сети и мобильный контент (видео, аудио, чат-приложения) являются абсолютными лидерами по числу ответов школьников.

Учащимися ценится возможность комментирования, бесплатные инструменты и приложения, наличие чат-ботов, «умная» среда, посты в блоге, вопросы-ответы, руководства, возможность иметь свой профиль, создание бесплатной учетной записи, просмотр аналитики просмотров и посещений конкретного ресурса, интерактивный дизайн, наличие мобильной версии и др.

Проанализируем, какие выводы следуют из результатов нашего пилотного исследования (табл. 2).

Таблица 2 – Содержание используемого школьниками цифрового контента

Цифровой контент	Количество респондентов	% от опрошенных
Чтение содержания переписки, просмотр комментариев, изображений и видео в социальных сетях	103	88,79
Просмотр видеороликов на видеохостингах	87	75,00
Прослушивание музыки	95	81,90
Участие в онлайн-играх	77	66,38
Чтение новостной ленты	78	67,24
Просмотр изображений, фотографий	89	76,72
Изучение образовательного контента	72	62,07

Следует отметить, что школьникам интересен цифровой контент. При этом больше половины обращений к цифровому контенту обусловлено рекомендациями друзей и знакомых, однако респонденты называли также их случайный выбор, информационные рассылки. При этом, как видно из показателей анкетирования, преимущество учениками отдается контенту социальных сетей, прослушиванию музыки и просмотру фотографий и изображений, участию в онлайн-играх. В то же время, например, изучение образовательного контента не пользуется в молодежной среде школьного уровня широкой популярностью (62,07 %).

Больше половины респондентов обращаются, прежде всего, к информационному и развлекательному материалу. Между тем, как отмечают исследователи [16], крайне важно развивать навыки грамотно организованного поиска, понимания и использования цифрового контента. Центральным элементом эффективности работы в Интернете является стратегический поиск информации и оценка ее точности и актуальности. Наталкивает на мысль предположение о необходимости дополнительной проработки подходов к мотивации школьников на взаимодействие с образовательным контентом: электронными учебными материалами, онлайн-тренажерами, учебным видео, аудио, онлайн-курсами. Целесообразна и перспективна организация их самообучения и саморазвития за счет цифровых образовательных ресурсов. Важную роль в этом призван сыграть учитель, который разъяснит, как правильно работать с образовательным контентом, какой дидактический функционал он имеет, зачем обращаться к нему.

Интересные данные получены в опросе относительно наиболее востребованных видов образовательного контента. Школьников больше привлекает учебный материал, который представлен смысловыми порциями, тематически сгруппирован, текст представлен разными форматами и разбавлен изображениями, таблицами, видеороликами, цитатами. Сегодня удовлетворить обо-

значенные интересы призван такой формат представления учебного контента, как лонгрид. Формирование читательской культуры, читательских практик и информационных потребностей школьника должно основываться на идеях субъектного подхода, когда цифровой контент выбирается взвешенно, осознанно и целесообразно. Подготовить школьников к правильному восприятию цифрового контента оказывается важным в связи с его активным внедрением в учебный процесс. Речь идет не только об электронных учебниках, но и о разнообразных онлайн-сервисах для поддержки учебного процесса, оснащенных интерактивными моделями, анимацией, видео- и аудиофайлами и т. д.

Обозначим наиболее важные направления деятельности педагогов в части формирования читательского опыта школьников в отношении цифрового контента.

1. *Развитие критического чтения.* Одним из направлений формирования читательского опыта школьников в отношении к цифровому контенту является развитие навыков критического чтения. Большинство учеников привыкли читать информацию, механически ее впитывать и запоминать содержание, при этом информация не осмысливается, происходит репродуктивное чтение. Между тем содержание цифрового контента может быть искаженным или заведомо ложным. Ученики в процессе критического чтения должны научиться выявлять сущность закодированной в сообщении информации, раскрывать смысловые связи, выделять главную идею, воспринимать скрытую в содержании мораль, устанавливать связь контента с реальной жизнью. Смысловая переработка читаемой информации определяется фразеологизмом «умение читать между строк» – умение понять недосказанное и недописанное, но подразумеваемое, догадываться о скрытом смысле содержимого.

Сосредоточив внимание на наиболее важной для школьника когнитивной стороне чтения цифрового контента, важно моделировать школьникам различные виды чтения цифрового контента из существующей системы: *изучение* (анализ содержания, полноты, точности данных, осмысление контекстных идей); *ознакомление* (извлечение главной информации); *просмотр* (получение общей информации о содержании контента, принятие решения о его дальнейшем чтении); *поиск* (извлечение конкретной информации, установление конкретных фактов).

2. *Формирование умений концентрации внимания.* Дети в настоящее время проводят много времени за чтением электронных средств массовой информации. Навыки чтения цифрового контента и хорошее понимание его смысла имеют важное значение. Нужны стратегии и инструментальные инструменты, которые способствуют глубокому, критическому осмыслению мультимедийного текста. Одной из областей обучения грамоте, которая может улучшить понимание учениками мультимедийных текстов, является понимание, анализ и оценка текстовых структур цифрового контента [17]. Многие исследователи все же сходятся во мнении, что чтение на экране приводит к поверхностному восприятию содержания, короткому вниманию и плохому пониманию. Согласимся, что в зависимости от цели деятельности по чтению цифрового контента (формирование общего представления об объекте исследования; оценка достоверности, надежности информации; выявление скрытого смысла информации) ученик с разной степенью интенсивности обращается к его содержанию (рисунок 4).

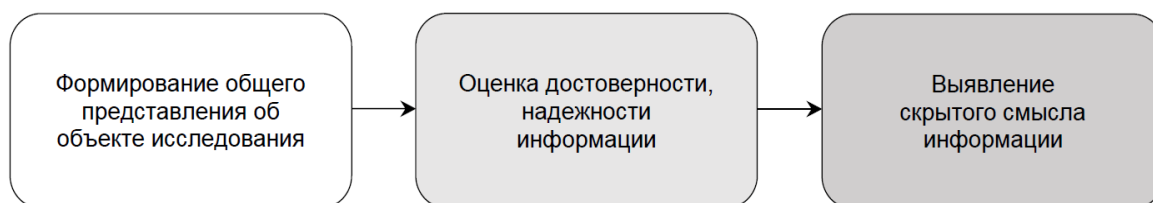

Рисунок 4 – Степень интенсивности осознания цифрового контента

В этом смысле надо стремиться, чтобы восприятие цифрового контента человеком было *активным* (осознанное и мотивированное, пользователь преследует определенную цель), а не *пассивным* (контент воспринимается как информационный фон, описывается фразеологизмом «в одно ухо влетело, в другое вылетело»). Чтение цифрового контента целесообразно основывать на принципах дополнительности и неопределенности. Принцип дополнительности предполагает, что для получения надежной информации о сложноорганизованных объектах цифрового контента требуется многоплановое описание этих объектов. Принцип неопределенности означает невозможность одновременного учета привлекательности и надежности информации. Для получения полного представления об объекте следует изучить его с разных сторон, чтобы ликвидировать неопределенность и удостовериться в надежности и достоверности информации.

3. *Учет возрастных особенностей, жизненного опыта и интересов обучающихся.* При подготовке образовательного контента для использования его в педагогической практике важно учитывать возрастные особенности учеников и их интересы, привлекать наиболее востребованные в молодежной среде визуальные формы цифрового контента (видео, инфографика, лонгриды) в учебных целях. Цифровой контент симбиотически объединяет различные типы медиа в единый подход. Уместное использование такого контента в обучении позволит эффективно подойти к достижению целей образования. Например, популярные в подростковой среде онлайн-игры, оставленные без внимания учителя, могут привести к печальным последствиям (развитию агрессивности, впечатлительности, искаженности самопознания и восприятия мира ребенком). В то же время использованная в учебных целях онлайн-игра может стать эффективным инструментом организации совместной деятельности и проектной работы.

4. *Формирование поведенческих навыков, обучение правилам чтения нелинейного контента.* Зарубежными исследователями отмечается, что чтение и понимание цифрового текста, который организован в нелинейном гипертекстовом формате, может быть сложной задачей для обучающихся, поскольку требует более самостоятельного выбора фрагментов текста по сравнению с чтением линейных текстов [18]. Гипертекстуальность цифрового контента при его прочтении, с одной стороны, может увести обучающегося от сути рассматриваемого вопроса, с другой – позволяет более глубоко исследовать рассматриваемое содержание. Учителю предстоит объяснить школьникам особенности их навигационного поведения в сложноорганизованном цифровом контенте и продемонстрировать различные базовые навыки такого взаимодействия.

5. *Использование контекстного подхода в обучении.* Через содержание цифрового контента происходит восприятие информации и опыта, накопленного в результате общественно-исторической практики человечества. Социальный опыт передается различными семиотическими средствами – текстами, знаками, графическими образами и т. д. Иногда этот опыт может быть трансформирован. Важно научить школьников использованию контекстного подхода при восприятии цифрового контента в Интернете, поскольку «контент может полностью изменить восприятие произведения по значимым для него параметрам» [19, с. 86]. Процесс понимания скрытого смысла контента и самого содержания материала является сложной мыслительной деятельностью. Для школьника он предопределен сформированностью мыслительных операций сравнения, обобщения, анализа, синтеза, абстрагирования, конкретизации. Пользователь с критическим мышлением может опровергать информацию, не соглашаться с ней, находить доказательства ее недостоверности. Пользователи, которые не обладают критическим мышлением, могут не распознать скрытый смысл и неправильно интерпретировать факты. Обучающихся нужно знакомить с идеями контекстного подхода, учить находить замысел цифрового контента, строить логические связи между информационными блоками, оценивать надежность источника информации (автор контента, место издания), проводить общую оценку достоверности информации (беглый просмотр контента, получение общего представления о содержании, есть ли повод усомниться в информации), формулировать свою точку зрения и собственную позицию относительно информации контента. Контекстный подход позволит определить активную позицию школьников в учебном процессе, продуктивно выбирать из цифрового контента самое ценное и важное для их будущей профессиональной деятельности.

6. *Развитие мотивации к образовательному контенту.* Эффективные навыки поиска и обращения к цифровому контенту способствуют достижению успеха в образовании в цифровом обществе. Мотивацией к чтению цифрового контента является естественное желание быть похожим на взрослых. Мотивация «характеризует понимание в целом важности продвижения в цифровой грамотности и декларируемую готовность ее повышать» [20]. Здесь актуальны следующие имплицитивные цепочки взаимодействия участников образовательного процесса. Учитель ищет ответы на поставленные вопросы в цифровом пространстве. Ученик, копируя взрослого, тоже будет рассматривать такие варианты. Учитель критически воспринимает информацию, может обоснованно объяснить выбор наиболее достоверного, по его мнению, источника, который представляет уникальный контент. Ученик заимствует привлекательное для него поведение взрослого и тоже с пристрастием относится к онлайн-источнику, аргументирует свою позицию. Учитель умело использует на уроке разнообразные цифровые сервисы и инструменты. Интуитивно они будут интересны обучающемуся. Он с удовольствием и любопытством будет обращать внимание на цифровой образовательный контент в различных форматах представления.

7. *Обучение нормам сетевого этикета и соблюдения авторского права.* Электронные книги и библиотеки, другие информационные ресурсы за счет технологических возможностей Интернета меняют характер взаимодействия учеников с цифровым контентом. Новые цифровые платформы требуют ответственного взгляда на доступность материалов и соблюдение авторских прав. Учителю важно дополнительно разработать сценарии обучения школьников использованию цифрового контента для образовательных целей с соблюдением норм и правил сетевого пространства.

Заключение. Цифровой контент с развитием Интернета прочно вошел в социальную сферу, стал фактором повышения качества образования. Обширный набор цифрового контента требует формирования у школьников специального читательского опыта по его восприятию, который как компонент цифровой грамотности обучающихся позволит им анализировать лингвистические основы цифрового контента, выбирать наиболее релевантные информационные источники, в призма достоверности и надежности источников оценивать содержание, обнаруживать основной замысел и скрытые смыслы информации. Цифровой контент при его критическом осмыслении вовлекает обучающихся в активный познавательный процесс, позволяет обеспечить безопасность и правильное восприятие фактов. Главная задача учителя состоит в пропедевтической подготовке учеников к работе с цифровым контентом. Обозначенные в исследовании направления деятельности учителя позволяют сделать это наиболее успешно. В свою очередь цифровой контент обеспечит учителю эффективную реализацию учебного процесса, использование моделей смешанного обучения, организацию поисковой самостоятельной работы учеников в условиях цифровой образовательной среды.

Ссылки:

- Hyman J.A., Moser M.T., Segala L.N. Electronic Reading and Digital Library Technologies: Understanding Learner Expectation and Usage Intent for Mobile Learning // *Educational Technology Research and Development*. 2014. Vol. 62, iss. 1. P. 35–52. <https://doi.org/10.1007/s11423-013-9330-5>.
- Ронжин Г.А. Подросток в цифровом мире // *Концепт*. 2018. № 7. С. 130–135.
- Вербицкий А.А., Калашников В.Г. Понятие «контекст» в категориальном строе психологической науки // *Педагогика и психология образования*. 2015. № 4. С. 90–99.
- Павленко Т.С. Понятие «контент»: типология, виды и технология получения дидактического контента в образовательном процессе // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2017. № 10 (123). С. 31–35.
- Патаракин Е.Д. Стайные сетевые взаимодействия // *Educational Technology & Society*. 2005. Т. 8, № 2. С. 278–288.
- Симакова С.И. Цифровой контент печатных СМИ и современное общество // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2011. № 6-2. С. 633–637.
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Мотивация в структуре цифровой компетентности российских подростков // *Национальный психологический журнал*. 2017. № 1 (25). С. 3–14. <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0101>.
- Железнова Е.Г. Чтение как один из способов обучения английскому языку // *Научный вестник Южного института менеджмента*. 2019. № 1 (25). С. 110–114. <https://doi.org/10.31775/2305-3100-2019-1-110-114>.
- Щепилова Г.Г., Круглова Л.А. Видеоконтент в интернете: особенности аудиторного потребления // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2019. Т. 8, № 2. С. 342–354. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(2\).342-354](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(2).342-354).
- Набиуллина С.Г. О новом образовательном контенте // *Вестник Башкирского университета*. 2010. Т. 15, № 4. С. 1304–1308.
- Яковлева Н.А. Современный образовательный контент системы непрерывного образования // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 10. С. 209–212.
- Железнова Е.Г. Указ. соч.; Набиуллина С.Г. Указ. соч.
- Волошина Т.В., Сизикова Т.Э., Стунжа Н.А. Контентное мышление – новая компетенция современного образования // *Сибирский педагогический журнал*. 2016. № 4. С. 7–14.
- Baron N.S. Reading in a Digital Age // *Phi Delta Kappan*. 2017. Vol. 99, iss. 2. P. 15–20. <https://doi.org/10.1177/0031721717734184>.
- Zhang S., Xiong Y. Language Learning Beyond Content: An Exploratory Study of Higher-Order Thinking and Digital Literacy via Digital Book Trailers in an ESL Reading Classroom // *Educational Technology Beyond Content: A New Focus for Learning*. Springer International Publishing, 2020. P. 57–69. https://doi.org/10.1007/978-3-030-37254-5_5.
- Spires H.A., Paul C.M., Kerkhoff S.N. Digital Literacy for the 21st Century // *Advanced Methodologies and Technologies in Library Science, Information Management, and Scholarly Inquiry*. IGI Global, 2019. P. 12–21. <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-7659-4.ch002>.
- Hodges T.S., Matthews S.D. Digital Literacies and Text Structure Instruction: Benefits, New Language Demands, and Changes to Pedagogy // *Handbook of Research on Integrating Digital Technology with Literacy Pedagogies*. IGI Global, 2020. P. 52–71. <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-0246-4.ch003>.
- Hahnel C., Goldhammer F., Naumann J., Kröhne U. Effects of Linear Reading, Basic Computer Skills, Evaluating Online Information, and Navigation on Reading Digital Text // *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 55. P. 486–500. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.09.042>.
- Шестерина А.М. Трансформация аудиовизуального контента в сетевой среде: возможности контекстного подхода // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2018. № 2 (28). С. 86–94.
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Указ. соч. С. 3.

Редактор, переводчик: Арсентьева Ирина Ильинична

УДК 376.4+372.879.6

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.16>**Кораблева Юлия Андреевна****Korableva Yulia Andreyevna**

магистрант кафедры теоретических основ
физической культуры и спорта
Московского педагогического
государственного университета

PhD student,
Department of Theoretical Foundations
of Physical Culture and Sport,
Moscow State Pedagogical University

Кузьменко Галина Анатольевна**Kuzmenko Galina Anatolyevna**

доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры теоретических основ
физической культуры и спорта
Московского педагогического
государственного университета

D.Phil. in Education Science,
Associate Professor,
Department of Theoretical Foundations
of Physical Culture and Sport,
Moscow State Pedagogical University

Ким Татьяна Константиновна**Kim Tatyana Konstantinovna**

доктор педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой теоретических основ
физической культуры и спорта
Московского педагогического
государственного университета

D.Phil. in Education Science,
Associate Professor,
Head of the Department of Theoretical Foundations
of Physical Culture and Sport,
Moscow State Pedagogical University

РЕСУРСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛИНИЙ ПОВЕДЕНИЯ УЧИТЕЛЯ И ОБУЧАЮЩЕГОСЯ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УРОКА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

RESOURCES FOR IMPROVING EDUCATOR AND LEARNER BEHAVIOUR LINES WITH MENTAL RETARDATION IN THE EDUCATIONAL CONTEXT OF A PHYSICAL EDUCATION CLASS

Аннотация:

В статье освещаются вопросы совершенствования линий поведения учителя и обучающегося с задержкой психического развития (ЗПР) в образовательном пространстве урока физической культуры на основе учета корреляции, кластеризации и факторизации критериев деятельности, определяющих ее качество и повышающих педагогические эффекты обучения, воспитания и развития. В исследовании приняли участие 28 детей 8–10 лет с ЗПР, обучающиеся в системе инклюзивного образования МБОУ СОШ № 9 им. М.И. Неделина (г. Одинцово). Раскрыта сущность деструктивных и конструктивных линий поведения учителя и обучающегося при освоении материала урока физической культуры. Выявленные корреляционные плеяды позволили отразить способы повышения качества учебной деятельности. Ресурсами совершенствования образовательной деятельности обучающегося и обучающегося выступают 2 значимых фактора: «внутриличностные характеристики» и «внешние условия направленного поведения». На основе кластеризации переменных даны рекомендации по совершенствованию линий поведения учителя и обучающегося с задержкой психического развития в образовательном пространстве урока физической культуры.

Ключевые слова:

физическая культура, обучающиеся с задержкой психического развития, учитель, совершенствование линий поведения

Summary:

Improvement of behavior lines of educator and learner with mental retardation in the educational context of a physical education class on the basis of correlation, clustering and factorization of activity criteria that determine its quality and improves the pedagogical effects of education, upbringing and development are highlighted in the present paper. The study engaged 28 children aged 8–10 with mental retardation, studying in the inclusive education system at the Moscow State-Funded Educational Institution of Secondary School No. 9 named after M.I. Nedelin (Odintsovo). The essence of destructive and constructive behaviours of educator and learner in assimilating the material of the physical education class is revealed. The identified correlation pleiades reflected the ways for improving the quality of educational activities. The resources for improving the educational activities of the educator and learner are 2 major factors: "intrapersonal characteristics" and "external conditions of directed behavior". Based on the clustering of variables, recommendations for improving the behaviour lines of educators and learners with mental retardation in the educational context of a physical education class are outlined.

Keywords:

Physical education, learners with mental retardation, educator, behavioural improvement

Введение. Разрешение педагогических ситуаций вне зависимости от масштаба противоречий, заложенных в них субъектами деятельности с разным уровнем психолого-педагогической зрелости личности, призвано решать образовательные задачи обучения, воспитания, развития личности. Вместе с тем в практике педагогического взаимодействия встречаются иные ситуации. Педагог и обучающийся часто обладают двойственным или множественным выбором стратегий поведения, полярными точками которого являются: у педагога – «педагогическая целесообразность поведения» или психолого-педагогически незрелое поведение; у обучающегося – стремление к созидательному учебному труду в сгармонизированном сотрудничестве с учителем и другими обучающимися или позиционирование разрушающей, противоборствующей педагогу и другим обучающимся позиции, препятствующей освоению образовательного материала.

Очевиден факт, что педагог, призванный ценностно относиться к каждому ребенку и уважать особенности его развития, имеет широкий набор средств, методов, организационных форм и технологий педагогически целесообразного поведения, что должно позволять свободно управлять коммуникацией в любой ситуации (включая провокационное поведение обучающегося). Статистика все возрастающей противоборствующей конфликтности поведения обучающегося и педагога, количество жалоб, претензий в образовательные организации со стороны детей и их родителей существенно увеличиваются в связи с рассмотрением категорий «обучение», «воспитание» и «развитие» как «образовательных услуг». Данный термин вошел в понятийное пространство системы образования без каких бы то ни было оснований и вступает в противоречие с классикой научных воззрений ведущих педагогов и психологов, утверждающих следующее:

– «молодых людей воспитывают не для забавы: когда учатся, то не играют, напротив, учение связано с огорчением» [1, с. 214];

– школа призвана «основываться на вечных законах развития человеческого организма» [2, с. 212];

– в процессе обучения «раздражение должно расти в геометрической прогрессии, если нужно, чтобы степень ощущения росла в арифметической», что должно связываться с ожидаемым эффектом [3, с. 45], а главная задача школы – «научить ребенка ... управлять собой, создавать условия, содействующие развитию его характера» [4, с. 65], «поставить ребенка в условия, при которых он мог бы свободно и гармонически развиваться как физически, так и умственно, и нравственно» [5, с. 105];

– обучение должно охватывать субъектно трудную «зону ближайшего развития» [6].

Только труд на пределе индивидуальных возможностей способствует формированию у обучающегося новых результатов деятельности, что никоим образом не может пониматься как «услуга».

В настоящее время наблюдается прирастание интереса к научному обоснованию путей разрешения проблемных ситуаций в педагогике обучения, воспитания, развития личности в образовательном пространстве школы для детей с задержкой психического развития. И.А. Мищенко актуализирует необходимость оптимизации «физического воспитания детей с ЗПР младшего школьного возраста на основе ценностного отношения к их телесности» [7, с. 81]. Н.В. Бабкина, И.А. Коробейников обосновывают содержание «коррекционной помощи детям с задержкой психического развития с учетом форм и выраженности расстройств при построении предметно-развивающей среды, необходимой для полноценного физического, эстетического, познавательного и социального развития на основе обновления действующих моделей в условиях интеграционных процессов в системе образования» [8]. Т.К. Ким характеризует значимость сопряженной работы (в области физического воспитания) учителя, обучающегося и представителей его семьи при педагогически целесообразном взаимодействии и дифференциации трудностей в образовательной деятельности [9], что, по мнению А.А. Бобровой, наиболее органично происходит в игровой среде, где более существенна активизация внимания [10] и процесс обучения в конструктивном сотрудничестве обучающегося и педагога учитывает широкий спектр проблемных ситуаций в физкультурно-спортивной деятельности ребенка, обуславливая индивидуально оптимальное воздействие на личность обучающегося [11].

Требуется рассмотрения также вопрос совершенствования линий поведения учителя и обучающегося с задержкой психического развития в образовательном пространстве урока физической культуры – в выявленных педагогических ситуациях при учете корреляционных плеяд, кластеризации и факторизации значимых переменных, влияющих на качество деятельности и повышающих педагогические эффекты обучения, воспитания и развития, что отражает **цель** нашей научной работы.

Методика и организация исследования. В исследовании, проведенном в системе инклюзивного образования в 2020 г. на базе МБОУ СОШ № 9 им. М.И. Неделина (г. Одинцово), приняты

участие 28 детей 8–10 лет с задержкой психического развития. Фактологический материал получен на основе педагогического наблюдения и семантического анализа описаний проблемных ситуаций на уроках физической культуры, математико-статистическая обработка осуществлена с использованием методов корреляционного анализа и построения корреляционных плеяд, факторного и кластерного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе анализа проблемных ситуаций на 50 уроках физической культуры мы охарактеризовали перспективы конструктивного развития поведения субъектов образовательного пространства. Выделили сущность неэффективной коммуникации педагога (табл. 1), инициирующей встречную конфликтность обучающегося, и охарактеризовали векторы содержательного пересмотра психологических ролей «родитель» – «ребенок» и «ребенок» – «родитель» в диадном (групповом) взаимодействии при доминировании педагогической позиции «взрослого».

Таблица 1 – Психологический портрет деструктивных и конструктивных линий поведения учителя и обучающегося с ЗПР на уроке физической культуры

Контекст поведения	Линия поведения субъектов образования	
	«родитель» – «ребенок»	«ребенок» – «родитель»
Деструктивный	Педагог занимает роль «<i>родителя</i>»: поучает, категорично оценивает, наказывает, выносит вердикты, занимает позицию «обиженного»; не слышит суждений обучающегося, не улавливает их смыслы. Обучающийся занимает роль «<i>ребенка</i>»: занижает самооценку собственных возможностей и способностей, не мобилизует усилия к выполнению физических упражнений на фоне полноценной реализации интеллектуальных, волевых, регулятивных способностей	Педагог занимает роль «<i>ребенка</i>»: отдает лидерство в управлении ситуацией, остро реагирует на ее развитие; «передает» право управлять ситуацией обучающемуся, попустительствует, дает возможность (публично) усомниться в его профессионально-педагогической компетентности. Защитная стратегия поведения учителя – изолироваться от обучающегося: остановить урок, осудить. Обучающийся занимает роль «<i>родителя</i>»: управляет ситуацией в классе, демонстрирует позицию «силы» в зоне, допускаемой педагогом «свободы коммуникации и поведения»
	64 % ситуаций	16 % ситуаций
Конструктивный	Педагог занимает роль «<i>взрослого</i>»: стремится уладить конфликтную ситуацию, нацелен на поиск приемлемого решения, выдержан, обладает эмоциями, доброжелателен к обучающимся, снимает излишнее напряжение, устанавливает контакт, управляет темпом речи, мимикой, взглядом, пантомимикой, стратегия действия – на осмысление ситуации. Обучающийся занимает роль «<i>взрослеющего ребенка</i>»: компромиссная ситуация между педагогом и обучающимся, стратегия «выиграть», решения Обучающегося принимаются, не опровергаются педагогом	Педагог занимает роль «<i>взрослого</i>»: стратегия стимулирования к проявлению у обучающихся гуманных чувств, минимизации чувства угрозы, компетентен в вопросах дифференциации обучения, воспитания, развития, не дает усомниться в своих действиях, конструктивен в диалоге, стимулирует положительные эмоции, устраняет негативные ситуационно-личностные реакции обучающегося. Обучающийся занимает роль «<i>взрослого</i>»: переживает различный спектр конструктивных эмоций, чувство удивления, новизны и неожиданности ситуаций, актуализирующих к новой, взрослеющей и осмысленной программе действий
	12 % ситуаций	8 % ситуаций

Психолого-педагогические ситуации, характеризующиеся конструктивным разрешением возникающих проблем, где субъект-субъектное взаимодействие отличалось наличием позиции «взрослый» в диадах «взрослый» – «родитель» и «взрослый» – «ребенок», и обеспечивающие интеллектуальное поведение одного из субъектов коммуникации, инициировали самостоятельный анализ, в связи с чем рассматривались нами отдельно. Это позволило сформулировать ряд методических рекомендаций молодым педагогам и педагогам, переживающим состояние психоэмоционального выгорания.

Выделенные нами проблемные ситуации мы рассмотрели с позиции педагогического роста учителя и «взросления в развивающей деятельности» обучающегося, обосновывая наличие ресурсов приложения духовных и физических сил субъектов деятельности, что повысило результативность профессиональной коммуникации в учебно-воспитательном взаимодействии учителя и обучающегося с задержкой психического развития на уроках физической культуры.

Таблица 2 – Характеристика ресурсного развивающего потенциала проблемных ситуаций при коммуникации педагога и обучающегося с особыми возможностями здоровья (ОВЗ)

Спектр проблемных ситуаций и рекомендуемые линии педагогического взаимодействия			
деструктивная линия поведения		конструктивная линия поведения	
педагог	обучающийся	педагог	обучающийся
1	2	3	4
Конфликтность обучающегося на фоне психоэмоциональной нестабильности			
Проходили «Веселые старты». Между двумя учениками параллельных классов произошла конфликтная ситуация. Учитель оперативно включился в разрешение сложившейся ситуации, тогда как ученик в приступе гнева некорректно выразился в его адрес, чем спровоцировал эмоциональный ответ педагога			
Сообщение о ситуации заместителю директора, вызов родителей в школу, вопрос об отчислении из школы. Мнимый контроль ситуации, негативное моральное состояние, неожиданность оскорбления	Переживает чувство возбуждения, вины и обиды на ситуацию, ощущает назначение «виновным» (почему именно я?), демонстрирует протестное поведение в последующих пропусках уроков	Требование: если осуждать, то в межличностном общении, не публично; выслушать позиции конфликтующих, найти ценностную для сторон точку зрения, сдерживать негативные эмоции	Понимает, что необходимо извиниться за поведение, осознает его неэффективность. Рефлексия страха, рассеянности, вины, ответственность за сказанное, формирование представления о «взрослом» поведении
Баловство обучающегося на уроке			
Все учащиеся построились, в спортивном зале была тишина и полная готовность к уроку. Обучающийся засмеялся. Учитель выразил удивление, ученик продолжал смеяться и сказал: «Когда я прихожу на физкультуру, мне всегда становится смешно и я смеюсь»			
Возмущенный учитель произносит: «Вот так случай! А мы что, в цирке что ли находимся, чтобы смеяться?» Отправляет ученика успокоиться, прийти в «рабочее» состояние. Плохое настроение, обида	Чувство превосходства над другими, непонимание ситуации, поверхностное осознание действий на фоне безответственности, неготовность сдерживать эмоции	Требование: в индивидуальной беседе выяснить мотивы поведения. Контроль ситуации при принятии верного решения. Осознанность, внимательность к окружающим	Проявляется вежливость, обучающийся приносит извинения. Переживает чувство вины, обиды, пересматривает свое поведение
Отказ обучающегося от предлагаемой к исполнению деятельности			
На уроке физической культуры учитель дает обучающимся упражнение «бег змейком между конусами». Весь класс выполняет упражнение, кроме одного обучающегося, который произносит: «Я не буду это делать!». Демонстративно недовольный садится			
Свистком останавливает выполнение упражнения классом, задает вопрос: «С какой целью ты пришел ко мне на урок? Бездельничать, капризничать? Какие ты получишь знания, если будешь сидеть на полу?» Недовольство учителя, снижение мотивации на результат	Ощущение несвязанности мыслительной деятельности с двигательной активностью, отказ от деятельности, переживание когнитивного диссонанса, чувство неприязни, опасения вероятной неудачи при исполнении физического упражнения	Требование: конструктивный диалог «педагог – обучающийся» после урока. Совместное выявление причин деструктивного поведения. Педагог держит ситуацию под контролем, демонстрирует вежливость, компетентность	Проявление положительных эмоций в связи с разрешением ситуации. Ответное уважительное отношение к педагогу, потребность извиниться за совершенную ошибку
Нарушение обучающимся дисциплины и отвлечение от обучения			
Атмосфера урока была приемлемой, пока один из учеников не начал баловаться и громко не запел песню, мешая другим ученикам получать знания			
Учитель потребовал прекратить. Шум в классе возрастал. Обучающийся продолжил, учитель продемонстрировал агрессию, урок был сорван. Несдержанность эмоций, гнев, некомпетентность педагога	Обучающийся ложно самоутверждается среди учеников класса, испытывает ложную значимость, «нереализованный запас злости», создающий предпосылки к напряженности и нервозности поведения	Требование: стратегия на переключение, понимание перспектив развития ситуации, ее конструктивный педагогический анализ	Имеет возможность вместе с педагогом проанализировать ситуацию, адекватно воспринимать действия свои и других, разобраться в причинах поведения

Продолжение таблицы 2

Влияние внешней критической оценки, не позволяющей мобилизовать силы			
Ученик при выполнении упражнений допускает грубые ошибки. Одноклассники смеются над ним, считают его слабым и не способным к выполнению физического упражнения			
1	2	3	4
Учитель осуждает за неправильное исполнение, ставит плохую оценку. Ученик ощущает лидерство «обособленного», превосходство над учителем. Самооценка возрастает	Проигрывается роль «жертвы» и культивируется чувство «отверженности», «ненужности», проявляется в психологической зажатости на фоне демонстративного поведения, возрастает чувство недоверия	Требование: индивидуальный подход при корректировке действий ученика в соответствии с ошибками, одобрение, мотивирование на достижение лучшего результата	Формируется способность к рефлексии, раскрываются творческие способности, реализуются скрытые ранее возможности
Нерегламентированность педагогических требований к творчеству на фоне высоких ожиданий результата»			
Учитель поручает обучающимся проводить разминку, демонстрировать комплексы общеразвивающих упражнений (ОРУ)			
При плохом проведении разминки педагог ругает обучающихся за неисполнение упражнений, проявляет агрессию, несдержанность	Испытывает чувство страха, боится сделать упражнение или комплекс неправильно, не понимая «как правильно». Когнитивный конфликт, абстрагирование от заданного	Требование: хвалить ребенка, делать акцент на сильных сторонах, приводить в пример проявления данных качеств другим ученикам	Приобретается практический опыт физической деятельности, инициативы, творчества, организаторских способностей
Неконструктивный рефлексивный анализ поведения соперника в игре			
На уроке ученикам предложена подвижная игра. Два ученика, выразив непонимание и спровоцировав конфликтную ситуацию, возмутились: «Почему вышибают именно нас?»			
Болезненный контакт обучающегося с мячом, неготовность педагога дискутировать, эмоциональность его поведения. Недовольство и возмущение обучающихся	Недопонимание, слезы, обида, злость: «возмущаюсь, но продолжаю играть». Протестное настроение, отказ от игры	Требование: недовольным ученикам объяснить, что это игра, требующая мобилизации усилий. Просьба педагога быть внимательными, остановить развитие конфликта, контролировать положительные и отрицательные эмоции и поступки	Получает опыт взаимодействия с участниками игры, учится достойно выигрывать и проигрывать, не высмеивать чужие ошибки, чувствует себя защищенным. Формируются целеустремленность, уверенность в себе, ценностное отношение к другим

На основе корреляционного анализа выделенных проблемных ситуаций (табл. 3) были построены корреляционные плеяды, отражающие ресурсы повышения качества образовательной деятельности обучающегося с ЗПР. Факторный и кластерный анализ позволили отразить значимость и сопряженность исследуемых нами переменных – внутриличностных характеристиках обучающегося и внешних условий направленного поведения, характеризующих в том числе специфику взаимодействия учителя физической культуры и обучающегося с ЗПР в пространстве педагогических ситуаций. Учителю важно определять характер реакции обучающегося с ЗПР на предлагаемое задание, учитывая индивидуально-типологические особенности его поведения (что отражено в начальном кластере, табл. 4), которые формируют ценностное отношение к деятелю.

Поведенческая характеристика «баловство» как характеристика сущности ребенка на уроке физической культуры есть отражение «детства» в обучающемся и не является значимым фактором, способствующим или препятствующим эффективности обучения. Важно учитывать сопряженность проявления двух влияющих позиций – «нерегламентированность педагогических требований» и «качество процессуальных параметров деятельности», что обращает внимание на существенность коммуникативной культуры учителя, который призван представлять задания информативно, четко, ясно, доступно, ориентированно на целостность описательного, визуального и чувственного образа двигательного действия.

Выводы. Научно-педагогическое обоснование и видение зон развития потенциала обучающегося определяет векторы перманентного внимания учителя. Проведенные исследования позволяют констатировать, что уроки физической культуры у обучающихся с ЗПР должны характеризоваться:

- четкой регламентацией педагогических требований к творчеству при детализированном качественном и количественном описании процессуальных параметров деятельности;
- наличием в критической оценке педагога информативных параметров двигательной деятельности, над изолированным совершенствованием которых можно работать обучающемуся с ЗПР;
- преобразованием позиции обучающегося из «учитель должен» в «стремлюсь понимать рекомендации и требования учителя» и «анализировать поведение партнера и соперника в (игровой) деятельности»;
- дифференцированным подходом к содержанию установок на деятельность с учетом темперамента, принимая во внимание, что обучающиеся-меланхолики отказываются от осуществления предлагаемой деятельности с предвосхищением вероятности ее неуспешной реализации, а холерики, напротив, не успев осмыслить комплекс требований к качеству действия и деятельности, оперативно включаются в исполнение задания, но также получают низкий результат.

Совокупность знаний, умений и способностей, создающих индивидуальный опыт обучающегося с ЗПР, требует постоянного обновления и совершенствования в рефлексивной, организационной деятельности, при освоении конструктивного поведения, исключающего нарастание конфликтности, что характеризует спектр учебно-практических задач обучающегося. Конструктивное разрешение проблемных ситуаций требует от педагога адекватности развивающимся смыслом деятельности обучающегося, где их эффективное прохождение – это продукт, создаваемый педагогом в сотрудничестве с обучающимся с ЗПР.

Таблица 3 – Корреляционные плеяды переменных, влияющих на качество обучения и характеризующих сущность педагогических ситуаций (достоверные коэффициенты корреляции)

Переменные	Среднее значение	Ср. кв. отклонение	позиция обучающегося «учитель должен»	конфликтность О	нарушение дисциплины и отвлечение от обучения	неконструктивный рефлекс анализ поведения соперника в игре	меланхолический темперамент	нерегламентированность педагогических требований	отказ О от предлагаемой Д	влияние внешней критической оценки на О	качество процесс. параметров Д	холерический темперамент	баловство О на уроке
позиция обучающегося (О) «учитель должен»	0,57	0,50	1,00										
конфликтность О	0,68	0,48	0,80	1,00									
нарушение дисциплины и отвлечение от обучения	0,82	0,39	0,54	0,68	1,00								
неконструктивный рефлекс анализ поведения соперника в игре	0,57	0,50	0,96	0,79	0,54	1,00							
меланхолический темперамент	0,18	0,39	-0,54	-0,68	-0,96	-0,54	1,00						
нерегламентированность педагогических требований	0,75	0,44	0,50	0,13	-0,27	0,50	0,27	1,00					
отказ О от предлагаемой Д	0,22	0,42	-0,43	-0,57	-0,89	-0,43	0,89	0,30	1,00				
влияние внешней критической оценки на О	0,68	0,48	0,331	0,02	-0,32	0,33	0,32	0,49	0,36	1,00			
Качество процесс. параметра Д	0,89	0,32	0,40	0,26	-0,16	0,40	0,16	0,60	0,18	0,50	1,00		
холерический темперамент	0,25	0,44	-0,67	-0,31	0,27	-0,67	-0,27	-0,81	-0,30	-0,66	-0,60	1,00	
Баловство О на уроке	0,61	0,50	0,04	0,23	0,58	0,04	-0,58	-0,46	-0,65	-0,55	-0,28	0,46	1,00

Таблица 4 – Значимость и сопряженность исследуемых переменных коммуникации учителя физической культуры и обучающегося с ЗПР, отражающие ресурсы повышения качества образовательной деятельности

Исследуемые переменные – проявления обучающегося и обучающегося в образовательной деятельности	Factor Loadings*		Данные кластерного анализа
	Factor 1: внутрличностные характеристики	Factor 2: внешние условия направленного поведения	
Позиция обучающегося (О) «учитель должен»	-0,732818	0,657821	Tree Diagram for 11 Variables Single Linkage Euclidean distances
Неконстр. рефл. анализ поведения соперника в игре	-0,732818	0,657821	
Конфликтность О	-0,830470	0,323183	
Нарушение дисциплины, отвлечение от обучения	-0,946351	-0,230602	
Баловство О на уроке	-0,560479	-0,557042	
Нерегламентированность педагогических требований	0,078183	0,854281	
Качество процессуальных параметров деятельности	-0,007160	0,731780	
Влияние внешней критической оценки на О	0,208000	0,751866	
Холерический темперамент	0,000474	-0,955760	
Меланхолический темперамент	0,946351	0,230602	
Отказ О от предлагаемой деятельности	0,880436	0,302536	

Ссылки:

1. Аристотель / сост., авт. предисл. Г.Б. Корнетов. М., 2004. С. 224.
2. Каптерев. М., 2001. С. 224.
3. Лесгафт. М., 2002. С. 224.
4. Там же. С. 65.
5. Там же. С. 105.
6. Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4 : Детская психология. М., 1984. 433 с.
7. Мищенко И.А. Оптимизация процесса физического воспитания детей с ЗПР младшего школьного возраста на основе ценностного отношения к своей телесности // Вопросы естествознания. Межвузовский сборник научных работ. Липецк, 2009. С. 81–85.
8. Свидетельство 2016621073. Система медико-психолого-педагогической помощи детям с задержкой психического развития. Версия 1.0 : программа для ЭВМ / Н.В. Бабкина, И.А. Коробейников (RU) ; правообладатель Бабкина Наталья Викторовна, Коробейников Игорь Александрович. № 2016620772 ; заявл. 07.06.2016 ; опубл. 05.08.2016.
9. Ким Т.К. Научные основы физического воспитания в системе «семья-школа»: монография. М., 2016. 493 с.
10. Боброва А.А. Оценка эффективности применения игровых форм физкультурных занятий в коррекции развития внимания у детей с задержкой психического развития // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 5–2. С. 62–65.
11. Кузьменко Г.А. Развитие личностных качеств обучающихся в учебной и спортивной деятельности: учеб. пособие / под ред. Г.А. Кузьменко. М., 2013. С. 72–80.

Редактор: Шушанян Наринэ Суреновна
Переводчик: Ханмамедова Виктория Рамизовна

* (Factor Loadings (Unrotated) (Spreadsheet15) Extraction: Principal components (Marked loadings are >,700000))

УДК 372.881.1(470.54/.56+.58)

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.17>**Булыгина Маргарита Викторовна****Bulygina Margarita Viktorovna**

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры теории и практики германских языков
Шадринского государственного
педагогического университета
<https://orcid.org/0000-0001-6864-998X>

PhD in Education Science,
Associate Professor, Theory and Practice
of the Germanic Languages Department,
Shadrinsk State Pedagogical University
<https://orcid.org/0000-0001-6864-998X>

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ В РАЗВИТИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА КАК УЧЕБНОГО ПРЕДМЕТА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

PEDAGOGICAL DOMINANT IDEAS IN THE DEVELOPMENT OF A FOREIGN LANGUAGE AS AN EDUCATIONAL SUBJECT IN THE PRE-REVOLUTIONARY SOUTHERN TRANS-URALS

Аннотация:

В условиях повышенного внимания к развитию современного отечественного иноязычного образования в российских регионах, для многих из которых качественное владение иностранным языком подрастающим поколением может стать важным фактором экономического и социально-культурного регионального развития, актуально рассмотрение исторических истоков явления. Исследовав становление и развитие учебного предмета «иностранный язык» в регионально-историческом аспекте, автор показывает поэтапность динамики процесса, выделяя его ведущие характеристики. Исследовательскую задачу автор видит в выявлении и соотнесении педагогических доминант развития предмета «иностранный язык» в одном из отдаленных российских регионов – Южном Зауралье – с общегосударственными тенденциями и выявление аксиологически значимого опыта с целью его экстраполяции на развитие сегодняшней ситуации в региональном образовании. Историко-генетический и компаративный анализ в качестве ведущих методов исследования позволили сделать вывод о возможности реализации выдвигаемых государством требований при условии решения ряда организационных и кадровых проблем в условиях смены культурно-образовательной парадигмы.

Ключевые слова:

Южное Зауралье, учебный предмет, иностранный язык, древние иностранные языки, новые иностранные языки, дореволюционная школа, образовательная парадигма, педагогическая доминанта

Summary:

In the context of increased attention to the development of contemporary domestic foreign language education in Russian regions, for many of which the quality of foreign language proficiency of the younger generation can become a significant factor in economic and sociocultural regional development, it is important to consider the historical origins of the phenomenon. Having studied the formation and development of the Foreign language subject in the regional-historical aspect, the author shows the gradual dynamics of the process, highlighting its essential characteristics. The author defines the research task in identifying and correlating the pedagogical dominant ideas of the development of the Foreign language subject in one of the remote Russian regions (Southern Trans-Urals) with national trends and identifying axiologically important experience to extrapolate it to the development of the current situation in regional education. Historical-genetic and comparative analysis as the leading research methods allowed us to make the conclusion that it is possible to implement the requirements put forward by the state, provided that a number of organizational and personnel problems are solved in the context of a change in the cultural and educational paradigm.

Keywords:

Southern Trans-Urals, academic subject, foreign language, ancient foreign languages, new foreign languages, pre-revolutionary school, educational paradigm, pedagogical dominant idea

Южное Зауралье – условное обозначение территории между Уральскими горами и Западно-Сибирской равниной, закрепившееся в исследованиях историков и краеведов (примерно соотносится с современными границами Курганской области), до революции относилось к Оренбургской (восточная часть Челябинского уезда), Пермской (Шадринский и Далматовский уезды) и Тобольской губерниям (Курганский округ; ряд волостей Ишимского и Ялуторовского округов). Образовательную политику определяли Оренбургский и Западно-Сибирский учебные округа. Социально-экономическая характеристика региона обозначила типичные черты российской провинции с сельскохозяйственной ориентацией производства и культурно-историческим и социальным укладом преимущественно сельского населения, что отразилось на особенностях образовательных потребностей [1].

Хронологические рамки исследования определяются первым упоминанием иностранного (латинского) языка как учебного предмета (в школе при Далматовском Свято-Успенском монастыре, середина XVII в.) и ограничиваются революционными событиями 1917 г., когда, в результате смены государственного строя и парадигмы образования, региональная школьная система была разрушена, дореволюционная школа провозглашена устаревшей, а иностранный язык был исключен из содержания образования.

Исследование базируется на дефиниции иностранного языка как учебного предмета, за которым закрепилось понимание неродного языка, «который изучается вне условий его естественного бытования, т. е. в учебном процессе, и который не употребляется наряду с первым (родным) в повседневной коммуникации» [2, с. 5]. В дореволюционной школе иностранные языки (ИЯ) были представлены древними (классическими, античными) языками – греческим и латинским, «отражающими застывшие формы ... и застывшую культуру» [3, с. 6] и живыми, под которыми «...понимают язык, находящийся в постоянном развитии и связанный с национальной культурой» [4, с. 6]. Становление регионального языкового образования определяется нами как качественный непрерывный закономерный процесс эволюционно-революционного прирастания количественных и качественных изменений в области соизучения языков и культур, проходящий определенные стадии и временные периоды, рассматриваемые применительно к определенному региону. Стадиальность обозначена нами рядом процессов (зарождение, созревание и развитие языкового образования в регионе, с последующей стабилизацией и трансформацией, приведшей в итоге к стадии возрождения иностранного языка как общеобразовательного предмета в массовой школе) и ведущих детерминантов [5].

Понятие педагогической доминанты иноязычного образования закрепилось в научном обороте в отечественной историографии в 1990-е гг., когда в постсоветский период исследования сосредоточились на конце XIX – начале XX вв. Таким образом, исследование педагогических доминант в более ранние периоды преподавания иностранных языков, тем более в региональном аспекте, является научной лакуной.

В истории иноязычного образования применительно к древним и новым языкам выделяются две ведущие педагогические доминанты развития общегосударственного уровня: общеобразовательная и культурологическая. Их рассмотрение через призму регионального образования дает следующие результаты.

Введение обучения латинскому языку в церковных («латинная школа» Свято-Успенского Далматовского монастыря, 1761 г.) и светских учебных заведениях (малое народное училище, затем уездное училище г. Шадринска, 1812 г.) имело целью заложить основы языка для продолжения выпускниками образования, однако не увенчалось успехом. Не удалось достичь устойчивого систематического обучения в силу ряда экономических, социально-культурных и организационных причин регионального характера. Архивные источники доказывают фрагментарный краткосрочный характер обучения без опоры на нормативную, методическую или педагогическую базу, поэтому выделение ведущих педагогических доминант развития учебного предмета «иностранное языки» в указанный период не представляется возможным. При этом на общегосударственном уровне уже обозначились такие педагогические доминанты как добывание знаний (у древних языков) [6, с. 14] и практико-ориентированная (у новых языков).

Стадия зарождения учебного предмета «иностранное языки» (с введения в содержание обучения в Далматовском духовном училище (г. Далматово, 1816 г.) по конец XIX в. – начало массового преподавания новых ИЯ в светской системе образования гг. Кургана и Шадринска) характеризуется первым успешным опытом обучения немецкому языку в мужском училище (1884 г.) и Мариинском женском училище (1896 г.) г. Шадринска, а также расширением спектра изучаемых языков. Кроме латинского вводятся греческий язык (в духовном училище г. Далматово) и факультативно новые ИЯ (французский и немецкий) в содержание в непредусмотренных для них уставами учебных заведениях (женское церковно-приходское училище г. Шадринска, 1890-е гг.) [7]. Хотя положение древних языков упрочилось за счет методико-педагогической поддержки, а новые ИЯ прошли опытную апробацию, регион значительно отставал от общегосударственных нормативных требований в иноязычном образовании. В сравнении с общероссийскими педагогическими доминантами, реализовывавшими сначала общеобразовательную (до 1870 г.), а затем формально-развивающую цель обучения (у древних языков) и общеобразовательную с ориентацией на обучение коммуникации в повседневном общении (у новых языков) [8, с. 44], школы Южного Зауралья предлагали лишь узкий набор знаний от учителей-непрофессионалов. Педагогический аспект обучения изложен в воспоминаниях современников: писателя, путешественника, этнографа Д.К. Носилова, основателя Томского университета, попечителя Западно-Сибирского учебного округа профессора Ф.М. Флоринского с описанием средневековых методов муштры и жестокости по отношению к обучаемым.

В 1900–1911 гг. (стадия созревания) произошли значительные перемены, позволяющие обозначить прогресс в иноязычном образовании и выделить педагогические доминанты. В регионе отмечается рост числа изучаемых ИЯ (латинский, греческий, немецкий, французский языки во всех типах школ); укрупнение средних школ церковного ведомства (мужское духовное училище г. Кургана, 1901 г.) и светских школ повышенного типа (мужское реальное училище г. Кургана, 1907 г.), а также смена общепедагогических приоритетов (гуманность в обучении). Особое

место заняли женские учебные заведения (прогимназия г. Шадринска, 1903 г.; Алексеевская гимназия г. Кургана, 1906 г.), выступившие локомотивами в развитии иноязычного образования. Обозначился рост числа желающих изучать языки даже в уездных училищах.

Обучение строилось на нормативно-методической основе: Св. синод руководил церковными школами, выставляя ведущим требованием качество обучения; светские школы курировали органы управления образованием соответствующих учебных округов, оказывая материальную, методическую и педагогическую поддержку. Управление образованием Оренбургского учебного округа не только признало ИЯ важным учебным предметом, «способствующим умственному развитию учащихся и средством к приобретению тех познаний, которые составляют принадлежность общего образования и открывают возможность пользоваться литературными произведениями Запада» [9, с. 378], но и пропагандировало его массовость. Таким образом, на региональном уровне реализовывалось общеобразовательное и развивающее направление иноязычного образования. Педагогической доминантой становится стремление к поликультурной образованности выпускников. Это частично соответствовало общероссийским педагогическим доминантам конца XIX в., когда столичные учебные заведения детализировали общеобразовательную доминанту с учетом научных положений европейской ассоциативной психологии и русской материалистической психологии и ориентировались на развитие логического мышления средствами ИЯ, сознательность обучения, ценность процесса обучения языкам в воспитании человеческой личности [10], но не затрагивало актуальную для начала XX в. культурологическую доминанту, когда главной целью выдвигается культурное становление обучаемых путем изучения духовной жизни и культуры другого народа [11].

Вершиной процесса развития иноязычного образования стали в регионе 1910–1917 гг. (стадия стабилизации и трансформации). Характеристика этого периода содержит:

- дальнейший рост числа изучаемых языков (от 2 до 5 в зависимости от типа гимназии);
- массовость (за счет численности женских гимназий);
- высокую результативность и полное соответствие общегосударственным доминантам педагогического развития предмета.

Компаративный анализ показал совпадение по 2 векторам:

1. ориентация в обучении древним языкам на знакомство с античной культурой, познание ее преемственности и влияния на мировую и русскую культуру;
2. формирование мировоззрения обучаемых в процессе чтения художественной литературы в оригинале и последующего обсуждения (общеобразовательная культурологическая доминанта общегосударственного уровня, типичная для 1902–1918 гг. [12]).

Новые ИЯ, кроме прагматического коммуникативного направления, реализовывали страноведческую направленность обучения, ориентировались на диалог культур и дальнейшее самообразование путем чтения – т. е. также получили культурологическое насыщение [13, с. 13]. Благодаря этому происходило культурное обогащение, формирование нравственно-эстетических убеждений, норм и принципов духовной жизни, в чем виделась основа для культурного подъема государства.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о релевантной стабильности общегосударственных педагогических доминант применительно к древним языкам и зависимости от социально-культурной моды, парадигмы образования, практической значимости, доступности и т. д. – у новых иностранных языков. Достижение общегосударственных педагогических доминант в регионе возможно в том случае, если учебный предмет обладает государственной, региональной и личностной значимостью, входит в аксиосферу и находит социальную (земство, социум, семья) и финансовую поддержку (меценатство, благотворительность), получает возможность практической реализации знаний (ориентированные на Европу торгово-промышленные предприятия). Все это дало невиданный до сих пор рост популярности иноязычного образования и привело к быстрому внедрению педагогических доминант обучения в регионе с незначительным числом дворян.

Ссылки:

1. Михашенко А.Л. Становление и развитие образования в Российской провинции в 1719–1917 гг. Курган, 2004. 332 с.
2. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М., 2004. 192 с.
3. Раушенбах В.Э. Краткий обзор основных методов преподавания иностранных языков с I по XX век. М., 1971. 112 с.
4. Там же. С. 6.
5. Булыгина М.В. Историко-педагогический анализ становления иностранного языка в школах Зауралья // Вестник МГОУ. Серия Педагогика. 2010. № 1. С. 225–230.
6. Максимова С.Н. Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX – начала XX в. М., 2005. 299 с.
7. Государственный архив г. Шадринска (ГАС). Ф. 482. Оп. 1. Д. 258. Л. 18.
8. Камызина А.В. Основные вехи иноязычной подготовки в отечественном образовании // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 50. С. 43–47.

9. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1889. № 5.
10. Камызина А.В. Осмысление научных основ обучения иностранным языкам в первой половине XIX в. // Актуальные вопросы социальной теории и практики: сборник научных статей. Вып. V. Ставрополь, 2007. С. 22–26.
11. Ветчинова М.Н. Теория и практика иноязычного образования в отечественной педагогике второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... д-ра пед. наук. Курск, 2009. 466 с.
12. Максимова С.Н. Указ. соч.
13. Ветчинова М.Н. Указ. соч. С. 13.

Редактор, переводчик: Невзорова Наталья Викторовна

УДК 372.881.1

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.18>

Восковская Анжела Сергеевна

Voskovskaya Angela Sergeevna

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент Департамента английского языка
и профессиональной коммуникации
Финансового университета при Правительстве РФ
<https://orcid.org/0000-0001-5959-7065>

PhD in Education Science, Associate Professor,
Department of the English Language
and Professional Communication, Financial University
under the Government of the Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0001-5959-7065>

Карпова Татьяна Анатольевна

Karpova Tatiana Anatolevna

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент Департамента английского языка
и профессиональной коммуникации
Финансового университета при Правительстве РФ
<https://orcid.org/0000-0003-3581-1172>

PhD in Education Science, Associate Professor,
Department of the English Language
and Professional Communication, Financial University
under the Government of the Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-3581-1172>

МОБИЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

MOBILE TECHNOLOGIES AS A TEACHING TOOL OF A FOREIGN LANGUAGE AT A NONLINGUISTIC UNIVERSITY

Аннотация:

Обучение нового цифрового поколения студентов требует глубокого освоения содержания и ресурсов образовательного процесса. Последнее время в высших учебных заведениях как у нас в стране, так и за рубежом большое внимание уделяется мобильным технологиям обучения. В статье дан научный анализ результатов исследований ряда зарубежных и отечественных ученых и практиков по внедрению мобильных технологий для обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Авторы статьи также дают описание и систематизируют большой арсенал различных мобильных приложений, применяемых в их педагогической практике. В статье представлены результаты SWOT-анализа, посредством которого выявлены преимущества и недостатки, перспективы и трудности применения мобильных технологий, и даны практические рекомендации по их использованию при обучении иностранному языку в неязыковом вузе.

Ключевые слова:

обучение иностранному языку, среда обучения, мобильные технологии, мобильные устройства, мобильные приложения, мобильное обучение

Summary:

Teaching a new digital generation of students requires a deep understanding of the content and resources of the educational process. Recently, at higher education institutions, both in our country and abroad, a great deal of attention has been paid to mobile learning technologies. The study analyzes the research results of a number of foreign and Russian scientists and practitioners on the introduction of mobile technologies in teaching a foreign language at a nonlinguistic university. The authors also describe and systematize a large arsenal of various mobile applications used in their teaching practice. The paper presents the results of the SWOT analysis, which identifies the advantages and disadvantages, prospects and difficulties of mobile technologies, and gives practical recommendations for their use in teaching a foreign language at a nonlinguistic university.

Keywords:

foreign language teaching, learning environment, mobile technologies, mobile devices, mobile applications, mobile learning

Появление персонализированных технологий связи оказывает все более заметное влияние на то, как студенты учатся и взаимодействуют. Сегодня мы имеем дело не только с новым поколением технологий, но и с новым поколением обучающихся, для которых использование данных технологий является повседневной необходимостью, при этом наблюдается даже определенная зависимость от мобильных телефонов [1]. Многие исследователи описывают особенности так называемого цифрового поколения и приводят их уникальные характеристики: независимость от других людей, эмоциональная и интеллектуальная открытость, стремление к инновациям, ранняя зрелость, требование незамедлительной обратной связи в режиме реального времени [2]. Очевидно, что новое цифровое поколение студентов требует новой парадигмы обучения с учетом этих характеристик. В настоящий момент существует тенденция к привлечению мобильных технологий для изучения иностранного языка как в аудиторное время, так и для организации самостоятельной работы [3, с. 86]. Мобильное обучение становится новой познавательной средой, которая предоставляет возможности для совместной работы студентов и позволяет учесть индивидуальные особенности каждого [4]. Благодаря мобильности, доступности и гибкости этих устройств, студенты могут

учиться в любое время и в любом месте без необходимости иметь доступ к персональным компьютерам или учебным материалам, что особенно актуально в период пандемии коронавируса в условиях вынужденного перехода на дистанционное обучение. Несмотря на очевидные преимущества мобильного обучения, вопрос целесообразности использования мобильных технологий в процессе обучения иностранным языкам остается недостаточно изученным.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью поиска оптимальных способов обучения студентов иностранному языку в неязыковом вузе с использованием мобильных технологий. Задачи данного исследования состоят в следующем: во-первых, на основе анализа работ зарубежных и отечественных авторов выявить возможные способы использования мобильных технологий обучения иностранному языку в неязыковом вузе, обеспечения сотрудничества между студентами и преподавателями посредством использования мобильных телефонов, применения всего потенциала мобильных устройств для создания особой среды обучения иностранному языку; во-вторых, изучить преимущества и недостатки, а также проблемы и трудности использования мобильных телефонов на занятиях по иностранному языку.

Многие зарубежные исследователи уделяют особое внимание обучению с применением мобильных технологий и программных приложений, которое получило название «мобильное обучение» (Mobile Learning, M-learning) [5]. В научных статьях, посвященных исследованию мобильного обучения при изучении иностранных языков, можно также встретить такую концепцию обучения, как MALL (Mobile Assisted Language Learning – изучение иностранных языков с использованием мобильных технологий) [6, с. 4], которую считают составной частью CALL (Computer Assisted Language Learning – изучение иностранных языков с использованием компьютерных технологий) [7]. Зарубежными учеными и практиками был также предложен акроним SPALL (Smartphone Assisted Language Learning – изучение иностранных языков с использованием смартфонов) [8]. Результаты исследований не только зарубежных коллег, но и российских ученых показывают, что использование мобильных приложений положительно влияет прежде всего на мотивацию к обучению и вовлечение всех без исключения студентов в процесс изучения иностранных языков. Кроме того, многие исследователи как за рубежом, так и в нашей стране [9] отмечают, что для современных студентов подобное обучение является нормой и естественной средой общения, что помогает им с легкостью концентрировать свое внимание на выполнении заданий.

Анализируя отличительные технические особенности мобильных устройств, таких как смартфоны, планшеты, ноутбуки, следует отметить, что большинство современных моделей позволяют скачивать или имеют уже встроенные специальные обучающие программные приложения для записи голоса и прослушивания, создания флеш-карт (например, Quizlet), проведения обучающих игр, викторин и различных способов тестирования (например, Kahoot), использования электронных словарей. Студенты могут записывать интервью или разговоры за пределами учебных аудиторий, а потом воспроизводить их во время занятий для обратной связи и обсуждения. Нет сомнения, что с помощью записывания и прослушивания фрагментов общения на иностранном языке обучающиеся совершенствуют свои речевые навыки. Можно также использовать файлы mp3/mp4 для воспроизведения аудио/видеофрагментов на иностранном языке, имеющих отношение к изучаемым темам. Благодаря функции записи заметок, большинство мобильных телефонов можно использовать для сбора языковых образцов. В образовательных целях студенты также могут применять встроенную камеру: при сборе научных данных, документировании информации и хранении наглядных материалов.

Нужно отметить, что в условиях дистанционного обучения в период пандемии коронавируса (с сентября по декабрь 2020 г.) студентам нашего университета предлагалось выполнять задания, связанные с использованием видеокамер их мобильных телефонов: они записывали на видео свои монологи, высказывания по определенным темам и присылали на проверку преподавателям. Эти видеофрагменты студенты использовали позже для выполнения других заданий: осуществляли их редактирование и размещали в цифровых презентациях, публиковали в блогах или на веб-сайте образовательного учреждения. Сейчас существует множество дидактических онлайн-материалов различных видов, которые обучающиеся имеют возможность легко загружать на свои мобильные устройства и сохранять для дальнейшего использования. Кроме того, мобильные телефоны могут оказывать огромное влияние на изучение иностранного языка с помощью множества приложений, созданных специально как для обучения, так и для организации учебного процесса [10]. Apple, BlackBerry, Google, Palm и другие компании имеют свои собственные «магазины приложений» для сотовых телефонов, и эти приложения могут найти свое место в академической программе.

Рассмотрим некоторые мобильные приложения, которые мы использовали во время дистанционного обучения и которые помогли сделать процесс изучения иностранного языка более увлекательным и продуктивным. Стоит отметить, что многие из этих приложений бесплатны и

обычно разрабатываются для удовлетворения потребностей представителей цифрового поколения. Например, платформа www.paltalk.com имеет мобильное приложение и позволяет общаться по видео- или аудиосвязи на английском языке, создавать текстовые сообщения, находить себе друзей и единомышленников во всех странах мира. Это мобильное приложение следует рекомендовать обучающимся для самостоятельной работы по развитию речевых навыков. Преподаватель может также предоставлять возможность студентам пользоваться мобильными устройствами для того, чтобы они могли видеть и оценивать свои успехи в процессе обучения. Кроме того, для преподавателей существует уникальная возможность размещать в Интернете не только оценки своих подопечных, но и вопросы для обсуждения, например на цифровой платформе <https://www.polleverywhere.com>. Студенты, используя смартфоны, могут зайти на веб-сайт и внести свои ответы, не оплачивая эту услугу, поскольку преподаватель может бесплатно организовать класс из 32 участников для создания интерактивной системы обратной связи с помощью сотовых телефонов. Мобильные телефоны можно использовать в аудитории для создания подкастов с помощью платформы <https://libsyn.com> или пользоваться уже имеющимися подкастами (например, такими, как Baffle Gabcast). Для этого нужно создать учетную запись в качестве преподавателя или студента, набрав номер доступа, войти в свою учетную запись и записать подкаст на телефон. Созданный аудиофайл можно даже встраивать в блоги и веб-сайты или загружать в формате mp3. Стоимость этой услуги очень разумна по сравнению с количеством вариантов, которые она дает преподавателю, чтобы продемонстрировать влияние мобильного обучения на современных студентов.

Несколько десятилетий назад ряд исследователей предлагали использовать SMS-услугу для обучения иностранному языку. Компания BBC создала специальную программу, чтобы помочь изучать английский язык с помощью SMS. Предполагалось, что пользователи крупнейшего в мире рынка единых мобильных телефонов будут ежедневно получать на свой мобильный телефон текстовое сообщение, содержащее английскую фразу вместе с переводом на родной язык [11]. В настоящее время данную услугу вытесняют мобильные чаты и мессенджеры различных социальных сетей. Преподаватель имеет возможность создавать общие чаты для обсуждения актуальных проблем и решения поставленных задач. При помощи таких чатов можно осуществлять мгновенную обратную связь в режиме 24/7, что было особенно важно для представителей цифрового поколения в период пандемии и вынужденного перехода на дистанционное обучение. Подобное общение в чатах и группах позволяет сделать обучение иностранному языку более креативным, динамичным и увлекательным, создавая при дистанционном обучении эффект живого общения.

Использование мобильных чатов в образовательном процессе можно условно разделить на три этапа. Первый этап (непосредственное обучение) включает такие задания, как постановка вопроса для обсуждения и обмен мнениями перед, во время и после занятий; обучающие задания (викторины, инструкции по использованию того или иного учебного материала); задания для обобщения и повторения пройденного дидактического материала (ссылки на онлайн-тесты). Вторым этапом (ответная реакция преподавателя) подразумевает личную поддержку в виде сообщений мотивирующего характера сразу после презентации или выступления того или иного студента. Третий этап (взаимодействие и общение) представляет собой донесение своевременной информации о ключевых датах, домашних заданиях, сроках подготовки и т. д.; напоминание о необходимости прочитать статью на определенную тему для следующего занятия; обсуждение вопросов с обучающимися, которые ищут конкретную информацию; поддержание связи со студентами, работающими над определенным проектом.

Таким образом, все вышеперечисленные способы использования мобильных технологий, апробированные нами во время вынужденного дистанционного обучения, помогают осуществлять связь со студентами, отслеживать достижения каждого из них. К сожалению, некоторые преподаватели не приемлют такого контакта с обучающимися, рассматривая использование мессенджеров как вторжение в свою личную жизнь, но, на наш взгляд, доступность преподавателя и его открытость для общения являются залогом успеха в обучении иностранному языку, а мобильные технологии позволяют устанавливать доверительные отношения между участниками процесса обучения.

С целью выявления эффективности применения мобильных технологий в образовательных целях нами был проведен SWOT-анализ: выявление сильных сторон, преимуществ (Strengths), слабых сторон, недостатков (Weaknesses), возможностей и перспектив (Opportunities), угроз и препятствий, которые могут негативно повлиять на какую-либо деятельность (Threats). Следует отметить, что в настоящее время подобный анализ часто используется в сфере бизнеса для оценки эффективности того или иного явления, той или иной деятельности. Преимуществом этого метода прежде всего является самостоятельный выбор анализируемых аспектов в зависимости от поставленной задачи. Нашей задачей, в соответствии с матрицей SWOT-анализа [12], было выявление

внутренних факторов (сильных и слабых сторон), а также внешних факторов (дальнейших перспектив и возможностей, угроз и препятствий) применения мобильных технологий с использованием мобильных телефонов при изучении иностранного языка.

Для проведения SWOT-анализа нами был разработан перечень утверждений о каждом аспекте внутренних и внешних факторов применения мобильных технологий при обучении иностранному языку. Далее, на основе выявленных утверждений был составлен опросник, предложенный для заполнения. Поскольку SWOT-анализ имеет некий элемент субъективности, мы постарались его уменьшить, привлекая максимально возможное количество респондентов. В опросе принимали участие преподаватели Департамента английского языка и профессиональной коммуникации, а также студенты 2–3-го курсов юридического факультета и факультета информационных технологий и анализа больших данных Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. В итоге в опросе приняли участие 158 чел. Студентам и преподавателям предлагалось оценить по 10-балльной шкале правильность с их точки зрения того или иного утверждения по четырем аспектам SWOT-анализа: сильные стороны мобильного обучения; слабые стороны мобильного обучения; возможности и перспективы мобильных технологий для обучения; угрозы и препятствия при использовании мобильных телефонов в процессе изучения иностранного языка. Результаты данного опроса приведены в таблице 1, в которую включены утверждения, набравшие более 5 баллов по 10-балльной шкале.

Таблица 1 – SWOT-анализ применения мобильных технологий при обучении иностранному языку

Внутренние факторы	Внешние факторы
<i>Сильные стороны (Strengths):</i> – эффективное развитие речевых навыков; – простота и легкость в использовании; – ориентация на личностные особенности каждого обучающегося; – совершенствование познавательных способностей; – развитие навыков самостоятельного обучения; – приобретение уверенности в своих силах; – разнообразное и увлекательное обучение; – повышение мотивации к изучению иностранного языка; – доступность и удобство применения с точки зрения времени и пространства	<i>Возможности и перспективы (Opportunities):</i> – стремительное развитие мобильных и smart-технологий; – разработка новых услуг и приложений для обучения иностранному языку благодаря быстрому развитию веб-программирования; – постепенное полное включение в образовательный процесс; – создание новой среды обучения с постоянной обратной связью; – неизбежность использования в период пандемии в условиях дистанционного обучения
<i>Слабые стороны (Weaknesses):</i> – излишнее напряжение из-за маленького размера экрана мобильного телефона и отсутствия клавиатуры; – недостаточно качественно разработанные приложения с точки зрения дизайна, организации интерфейса; – недостаток живого общения с преподавателем и однокурсниками; – отвлечение от процесса обучения из-за других функций мобильного телефона; – усиление зависимости от мобильного устройства; – технические проблемы (например, ограниченный размер памяти, доступ к Интернету, время работы без подзарядки)	<i>Угрозы и препятствия (Threats):</i> – не все готовы к активному внедрению мобильных технологий; – мобильные технологии могут вызвать проблемы для студентов, предпочитающих рефлексивный стиль обучения активному; – внедрение мобильных технологий замедляется из-за отсутствия рекомендаций и инструкций по использованию мобильных приложений для обучения иностранному языку; – мобильные технологии являются достаточно хаотичной средой с множеством постоянно создающихся и обновляющихся приложений; – мобильные технологии не могут и не должны стать основной средой обучения

Таким образом, как показывает SWOT-анализ применения мобильных технологий в обучении иностранному языку, преимущества и перспективы использования данного способа преподавания преобладают. Студенты прежде всего отмечают не только простоту и легкость в использовании, но и доступность и удобство применения с точки зрения времени и пространства, кроме того, они отмечают, что изучение иностранного языка с использованием мобильных телефонов становится более увлекательным и придает им больше уверенности в своих силах. Преподаватели подчеркивают эффективность данных технологий в развитии речевых навыков, познавательных способностей и навыков самостоятельной работы студентов, более того, они возлагают большие надежды на использование мобильных технологий в условиях дистанционного обучения.

Результаты SWOT-анализа также указывают на то, что использование мобильных телефонов в учебном процессе наряду с преимуществами имеет также и трудности, связанные, прежде всего, с необходимостью овладения мобильными технологиями, интегрирования и внедрения их в образовательный процесс. Преподавателям приходится постоянно знакомиться с новейшими

информационными технологиями и приобретать необходимые навыки для применения этих технологий в решении повседневных дидактических задач, при этом они также должны мотивировать своих студентов изучать подобные технологии, которые облегчают процесс овладения иностранным языком. Недостатки в основном связаны, по мнению респондентов, с техническими несовершенствами, которые, как показывает анализ дальнейших возможностей и перспектив развития, будут преодолеваются, а технические возможности – совершенствоваться. Проблемы/угрозы, связанные с активным внедрением мобильных технологий, можно предотвратить путем тщательной организации учебного процесса, апробирования всех мобильных приложений с целью определения целесообразности их применения в практике преподавания, разработки рекомендаций и соответствующих инструкций по применению для каждого отобранного приложения. Следует также учитывать, что в условиях вынужденного дистанционного обучения продвижение мобильных технологий в образовании действительно может стать неизбежным и необходимым условием эффективного образовательного процесса.

В соответствии с поставленными нами задачами на основании проведенного анализа зарубежных и отечественных исследований мобильного обучения, а также опыта применения мобильных технологий для изучения иностранного языка можно сделать следующие выводы:

- мобильные программные приложения, а также технические особенности мобильных телефонов (видеокамеры, аудиоплееры, диктофоны и др.) могут эффективно использоваться в образовательном процессе различными способами;

- мобильное обучение позволяет обучающимся совершенствовать языковые навыки и открывать новые возможности и способности;

- мобильные технологии можно использовать для улучшения как самостоятельного, так и совместного обучения, установив обратную связь с преподавателем и другими студентами, что особенно целесообразно при дистанционном обучении;

- использование мобильных телефонов может заинтересовать студентов, помогая им повысить самооценку и уверенность в себе при изучении иностранного языка.

SWOT-анализ, выполненный для выявления преимуществ и недостатков использования мобильных телефонов при изучении иностранного языка в неязыковом вузе, показал:

- использование мобильных технологий имеет больше положительных моментов, чем отрицательных;

- развитие данного направления в обучении достаточно перспективно, даже с учетом определенных трудностей, связанных с освоением новых технологий;

- были выявлены сомнения в целесообразности создания системы мобильного обучения в качестве основной образовательной среды при изучении иностранного языка, предпочтение получило частичное использование мобильных технологий в образовательном процессе неязыкового вуза.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в организации и систематизации образовательного процесса на основе использования мобильных технологий с учетом всех возможных негативных последствий в условиях дистанционного обучения; создании особой среды обучения, основанной на информационных технологиях и междисциплинарных связях; выявлении критериев эффективности мобильного обучения, а также определении взаимосвязи между развитием навыков самообразования и мобильного обучения.

Ссылки:

1. Гордеева Н.О. Использование мобильных технологий в образовании: метаанализ российских исследований [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования : электронный научный журнал. 2018. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=27704> (дата обращения: 04.02.2021).
2. Восковская А.С. Особенности обучения студентов нового поколения в условиях цифрового общества // Самоуправление. 2019. № 2 (115). С. 288–290.
3. Восковская А.С., Карпова Т.А. Организация самостоятельной работы студентов в процессе изучения иностранного языка в неязыковом вузе // Самоуправление. 2019. № 3 (116). С. 83–86.
4. Дрыгина М.В. К вопросу использования мобильных технологий для изучения иностранного языка // Самарский научный вестник. 2018. № 3 (24). С. 317–321.
5. Hwang G.-J., Fu Q.-K. Trends in the Research Design and Application of Mobile Language Learning : A Review of 2007–2016 Publications in Selected SSCI Journals // Interactive Learning Environments. 2018. Vol. 27 (4). P. 567–581 ; Stošić L., Bogdanović M. M-learning – a New Form of Learning and Education // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2013. Vol. 1 (2). P. 114–118.
6. Godwin-Jones R. Smartphones and Language Learning // Language Learning & Technology. 2017. Vol. 21 (2). P. 3–17.
7. Klimova B. Impact of Mobile Learning on Students' Achievement Results // Education Sciences. 2019. Vol. 9. P. 90–98. <https://doi.org/10.3390/educsci9020090>.
8. Leis A., Tohei A., Cooke S.D. Smartphone Assisted Language Learning and Autonomy // International Journal of Computer-Assisted Language Learning and Teaching. 2015. Vol. 5 (3). P. 75–88. <https://doi.org/10.4018/ijcallt.2015070105>.

9. Avdeev A.A. The Use of Mobile Interaction Technologies for Teaching and Learning English in a Nonlanguage University // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2018. Vol. 2. P.52–57. <https://doi.org/10.5281/zenodo.2529556> ; Balula A., Marques F., Martins C. Bet on Top Hat – Challenges to Improve Language Proficiency // Proceedings of EDULEARN-15 Conference. Barcelona, 2015. P. 2627–2633. <https://doi.org/10.13140/rg.2.1.1756.6165> ; Ryabkova V.V. Mobile Devices and Apps for Developing Language Skills (on the Example of the English Language) // Perspectives of Science and Education. 2019. Vol. 38 (2). P. 320–326. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.2.24>.
10. Самохина Н.В. Использование мобильных технологий при обучении английскому языку: развитие традиций и поиск новых методических моделей // Фундаментальные исследования. 2014. № 6 (3). С. 591–595.
11. El-Hariry N.A. Mobile Phones as Useful Language Learning Tools // European Scientific Journal. 2015. Vol. 11 (16). P. 298–317.
12. Чуркина В.Я., Сухова О.В. Применение метода SWOT-анализа в исследовании системы управления организации // Научно-исследовательские публикации. 2016. № 4 (36). С. 72–76.

Редактор, переводчик: Сергейчик Людмила Ивановна

УДК 372.862

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.19>

Линник Алексей Петрович

Linnik Alexey Petrovich

кандидат военных наук, доцент,
старший преподаватель кафедры тактики
и общевоевых дисциплин
Краснодарского высшего военного
авиационного училища летчиков
им. Героя Советского Союза А.К. Серова

PhD in Military Science,
Senior Lecturer,
Department of Tactics
and General Military Disciplines,
Krasnodar Air Force Institute for Pilots
named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov

Ровенская Оксана Петровна

Rovenskaya Oksana Petrovna

кандидат ветеринарных наук,
старший преподаватель кафедры
общенаучных дисциплин
Армавирского механико-технологического
института (филиала) Кубанского государственного
технологического университета

PhD in Veterinary Science,
Senior Lecturer,
Department of General Scientific Disciplines,
Armavir Mechanics Technological Institute (branch),
Kuban State Technological University

Стадник Сергей Валерьевич

Stadnik Sergey Valerievich

кандидат экономических наук, доцент кафедры
конструкции и эксплуатации авиационной техники
Краснодарского высшего военного
авиационного училища летчиков
им. Героя Советского Союза А.К. Серова

PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Design
and Operation of Aviation Equipment,
Krasnodar Air Force Institute for Pilots
named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ И УМЕНИЙ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ АВИАЦИОННОГО ПЕРСОНАЛА

IMPROVEMENT OF ENVIRONMENTAL KNOWLEDGE AND SKILLS IN THE SYSTEM OF TRAINING OF AVIATION PERSONNEL

Аннотация:

В статье дается краткая характеристика последствий влияния летательных аппаратов и авиационной инфраструктуры на окружающую среду. Подчеркивается важность формирования, развития и совершенствования экологических знаний и умений всех субъектов экосистемы гражданской авиации в связи со стремительным развитием данного вида антропогенной деятельности. Авторы предлагают решать данную проблему с позиции компетентного подхода, однако с акцентом на концепцию «навыков XXI века». Достижению ключевых целей данной концепции активно способствует инструментальный конкурс движения, который только начинает интегрироваться в российскую систему профессионального образования. Авторы рассматривают сущность, цели, задачи, ориентиры конкурсов профессионального мастерства и делают вывод о том, что данный инструмент целесообразно использовать и при организации, реализации и совершенствовании экологических знаний и умений в системе подготовки авиационного персонала. При планировании такой инициативы за основу рекомендуется брать материал, разработанный союзом «Ворлдскиллс Россия» к компетенции «охрана окружающей среды».

Ключевые слова:

экологические знания, авиационный персонал, экологический кризис, положительная мотивация, методическое обеспечение, профессиональное образование, конкурс профессионального мастерства, объекты гражданской авиации

Summary:

The paper gives a brief description of the consequences of the impact of aircraft and aviation infrastructure on the environment. Attention is drawn to the importance of forming, developing and improving environmental knowledge and skills of all actors of the civil aviation ecosystem in connection with the rapid development of this type of anthropogenic activity. To solve this problem, the authors suggest from the point of view of a competent approach, however, with an emphasis on the concept of "skills of the 21st century". The key objectives of this concept are being actively promoted by the competition toolkit, which is just beginning to be integrated into the Russian professional education system. The authors consider the essence, goals, objectives, and guidelines of professional skills competitions and conclude that this tool is also advisable to be adopted as an active means of organizing, implementing and improving environmental knowledge and skills in the system of training of aviation personnel. When planning such an initiative, it is recommended to take as a basis the material developed by the WorldSkills Russia Union under the environmental protection competence.

Keywords:

environmental knowledge, aviation personnel, environmental crisis, positive motivation, methodological support, professional education, professional skills competition, civil aviation facilities

Тема экологии остается одной из ключевых в системе глобального проблемного поля, которую, невзирая на динамичность и сложность современного мира, а также пролонгированные кризисные (социально-политические) события последних лет, как никогда важно ставить в приоритет. Человечество является частью природы, следовательно, негативное нарушение экологического баланса соответствующим образом влияет на его жизнедеятельность. Б.Н. Карпин, А.М. Матягина и Н.И. Николайкин отмечают, что реальный акцент на данном вопросе начал делаться только в первые годы XXI столетия, когда возникла потребность общества в комплексной системе обеспечения безопасности жизнедеятельности, существенным элементом которой является защита окружающей среды от воздействия любых источников загрязнения [1, с. 100].

Известно, что отрицательное влияние авиации на окружающую среду состоит, прежде всего, в *выбросе загрязняющих веществ и значительном шумовом воздействии*. В первом случае речь идет о загрязнении воздуха продуктами сгорания авиатоплива, которое при сгорании выделяет оксиды азота и углерода и более 55 других загрязняющих веществ. Что касается авиационного шума, то акустическое загрязнение от самолетов (их турбулентные потоки, шумы двигателя и других систем авиатранспорта) негативно воздействует на людей, работающих в аэропорту или живущих рядом с ним. В материально-технический состав аэропорта входят не только летательные аппараты, но и объекты его обслуживания, которые также в значительной степени негативно воздействуют на окружающую среду. Вредные факторы важно контролировать и минимизировать их негативное воздействие на природу; это позволит сделать значительный шаг в преодолении прогрессирующего глобального экологического кризиса. Как отмечают О.С. Коробова и Д.В. Филиппова, «воздействие объектов гражданской авиации на окружающую природную среду характеризуется рядом особенностей, связанных с тем, что данный вид антропогенной деятельности стремительно развивается, занимает все увеличивающееся значение в жизни человечества» [2, с. 299]. В этой связи следует говорить о важности формирования, развития и совершенствования экологических знаний и умений *всех субъектов* экосистемы гражданской авиации.

Знания и умения в области экологии выступают и как *способ понимания природы*, и как *процесс ее познания*. В первом случае необходимо представлять человечество и природу как единое целое; второй аспект подразумевает конкретную практическую деятельность, которая проводится с целью изучения явлений природы. Мы склонны полагать, что именно деятельность людей, совершаемая на основе глубоких знаний законов природы, способна остановить развитие глобального экологического кризиса. В этой связи целесообразно говорить о том, что решение экологических проблем самым непосредственным образом зависит от формирования модуса *экологического образования и воспитания*.

Экологическое образование должно представлять собой *целостную обучающую систему*, которая сформирует у человека мировоззрение, основанное на представлении о своем единстве с природой, продемонстрирует необходимость решения соответствующих глобальных проблем, выходящих за национальные рамки, а также научит направлять культуру и практическую деятельность не на уничтожение природы и даже не на поддержание ее первоначального состояния, а на ее развитие в совокупности (параллельно) с технологическим прогрессом общества. Следовательно, можно говорить, что приоритетной целью экологического образования является формирование и развитие *экологической компетентности*. Данный вывод согласуется с позицией органов исполнительной власти РФ, осуществляющих управление в области дополнительного профессионального образования и так называемого «образования взрослых», что отражено, в частности, в Концепции развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации на период до 2025 года, а также в национальном проекте «Образование», утвержденном Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Выполнению требований к подготовке студентов технических специальностей способствуют создаваемые в учебных учреждениях базы данных. Их функциональные возможности осуществляются посредством модульной объектно-ориентированной динамической учебной среды. Так, база данных, разработанная в Кубанском государственном технологическом университете, состоит из шести блоков по дисциплине «Экология»*.

А.М. Клименко отмечает, что качество образования в обобщенном определении представляет собой комплекс характеристик компетенций и профессионального сознания, отражающих способность выпускника осуществлять профессиональную деятельность, в том числе с пониманием социальной ответственности за нее [3, с. 296].

* Коврига Е.В., Горовенко Л.А., Буцыленко И.Е. База данных электронного методического комплекса «Фонд оценочных средств по дисциплине «Экология». Номер свидетельства: RU 2019621576. Дата регистрации: 5 сентября 2019 г.

По определению О.А. Нечаевой, экологическая компетентность специалистов в области гражданской авиации реализуется и формируется путем решения экологических проблем в процессе повседневной деятельности [4, с. 244]. В данном случае речь идет о том, что экологическая компетентность как сумма знаний, умений и опыта составляют единый базис человеческого капитала специалиста в сфере гражданской авиации. Следовательно, система профессионального образования (в нашем случае авиационного персонала) как в целом, так и относительно рассматриваемой дисциплины должна быть априори ориентирована на развитие так называемых *навыков XXI века*, представляющих собой связующее звено при формировании определенного спектра важных компетенций, среди которых и социальная, и экологическая, и когнитивная [5]. Такая логика институций позволит будущим специалистам в сфере гражданской авиации достичь и профессионального, и социального успеха в области решения экологических проблем.

В качестве одной из форм приближения к этой цели современные организации профессионального образования, в программном модуле которых имеют место и экологические дисциплины, избрали инструментарий *конкурсных движений*. В.А. Дубровская, Л.П. Дуганова, Н.Н. Козинец, Е.М. Пахомова, Л.Н. Харавинина и другие ученые отмечают высокий педагогический потенциал конкурсов будущих и действующих специалистов. Ценность инициатив конкурсного движения отмечена на самом высоком уровне во многих странах мира. И Россия в данном случае не является исключением. Так, по мнению С.Ю. Попковой, такие конкурсы способствуют развитию государственно-частного партнерства путем объединения усилий государства, бизнеса и общества для решения социально значимых задач; увеличению уровня профессиональных навыков обучающихся; повышению мотивации будущих и уже практикующих специалистов продолжать развивать профессиональную образованность и повышать уровень квалификации для достижения карьерного и личного роста и пр. [6, с. 74].

Юридически на федеральном уровне конкурсное движение в рассматриваемом разрезе стартовало в 2012 г. Тогда был учрежден и проведен Всероссийский конкурс профессионального мастерства «Лучший по профессии». В соответствии с текстом Постановления Правительства РФ от 7 декабря 2011 г. № 1011, целевыми ориентирами конкурса являлось «повышение престижа рабочих профессий, совершенствование профессиональных знаний и методов работы, а также содействие росту квалификации кадров». Однако, в связи с недостаточным опытом организации подобных мероприятий в национальной практике, его организаторы и участники столкнулись с проблемой отсутствия единых подходов к проведению конкурсов профессионального мастерства. Как отмечает Н.А. Зайцева, для устранения этого недостатка было принято решение ориентироваться на международный опыт – использовать методику WorldSkills [7, с. 111].

В целом с момента присоединения России к международному движению было проведено более 500 региональных, корпоративных, вузовских и национальных чемпионатов. Оператором движения в нашей стране выступает союз «Молодые профессионалы» (WorldSkills Russia/Ворлдскиллс Россия).

Важно отметить, что конкурсы профессионального мастерства как средство обновления подготовки специалистов в последние годы приобрели массовый характер, особенно в России, хотя и существует необходимость в коррекции модели интеграции стандартов WorldSkills в конкурсную деятельность организаций профессионального образования.

Инструментарий конкурсов профессионального мастерства может служить, среди прочего, средством организации, реализации и совершенствования экологических знаний и умений авиационного персонала в системе его подготовки. Приоритетной целью конкурсного движения в системе профессионального образования будет выступать предоставление возможности специалисту в области гражданской авиации осмыслить и осознать значимость избранной им профессии, приобрести навыки, умения, опыт и в результате сформировать необходимый (дополнительный) спектр профессионально-личностных компетенций. Это положение подчеркивает важность и необходимость подобных конкурсов для профессионально-личностного развития; они являются эффективным ресурсом в области подготовки, переподготовки, повышения квалификации специалиста, а также средством формирования его профессиональной мобильности (Н.В. Белозерцева, Э.Р. Гайнеев, М.А. Галагузова, О.В. Ольховикова).

На развитие экологической компетенции ориентирован и Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (ФГОС ВО) по специальности 25.05.04 Летная эксплуатация и применение авиационных комплексов (Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 21 августа 2020 г. № 1083), который устанавливает применительно к дисциплине «Экология» компетенции по способности создавать и поддерживать безопасные условия жизнедеятельности как в мирное, так и военное время. Здесь же указывается на необходимость знаний и способности обучающихся использовать в профессиональной деятельности методические, регламентирующие и справочные документы экологической безопасности, их умение взаимодействовать с различными службами по обеспечению полетов и обслуживанию воздушного движения.

Новая редакция ФГОС ВО обязывает обучающихся знать не только основные понятия и законы экологии, но и существующую законодательную базу, уметь обеспечивать экологическую безопасность своей профессиональной деятельностью. Из этого вытекает необходимость овладения методами выбора рационального способа снижения воздействия авиационно-транспортного предприятия на окружающую среду; навыком составления экологического паспорта «авиационного городка».

Организация деятельности по совершенствованию экологических знаний и умений в системе подготовки, переподготовки, повышения квалификации и сертификации авиационного персонала (результатом которой будет выступать сформированная экологическая компетенция), основанной на содержании чемпионатов WorldSkills, в соответствующем образовательном учреждении должна осуществляться с учетом требований следующих документов: ФГОС ВО, Приказа Министерства транспорта РФ от 2 октября 2017 г. № 399 «Об утверждении Федеральных авиационных правил “Требования к порядку разработки, утверждения и содержанию программ подготовки специалистов согласно перечню специалистов авиационного персонала гражданской авиации”», а также положений Письма Государственного комитета РФ по охране окружающей среды от 11 декабря 1997 г. № 03-19/29-3931 «Об организации контроля за соблюдением “Требований экологической безопасности при эксплуатации, ремонте и испытаниях воздушных судов и авиадвигателей на предприятиях гражданской авиации”».

Целью данной деятельности должно стать, соответственно, развитие экологических знаний и умений в системе подготовки авиационного персонала в условиях подготовки и проведения конкурса профессионального мастерства на основе стандартов WorldSkills в учреждении образования. Данная цель обуславливает выбор иных структурных составляющих «педагогической модели». Основными задачами являются: создание положительной мотивации к использованию инструментария конкурсов WorldSkills для более эффективного управления экологической компетенцией, формирование знаний, умений и опыта, которые необходимы для осуществления профессиональной деятельности и самообразования, а также формирование значимых личностных качеств обучающегося специалиста.

Мы предлагаем дополнить содержание подготовки авиационного персонала курсом, структуру которого составляют модули заданий по компетенции «охрана окружающей среды» согласно стандартам WorldSkills [8].

Модуль 1. Контроль концентрации выбрасываемых загрязняющих веществ, инвентаризация источников загрязнения (в нашем случае летательных аппаратов и аэропорта), разработка перечня разрешительной документации аэропорта (авиаремонтного завода) в области охраны окружающей среды.

Модуль 2. Оценка воздействия на атмосферу и недра, а также расчет платы за негативное воздействие на окружающую среду для авиапредприятия (в нашем случае авиатранспортом и аэропортом).

Модуль 3. Приборный контроль физических факторов и разработка мероприятий по уменьшению уровня воздействия на население в ближайшей и располагающейся вблизи зданий и сооружений зонах, в том числе жилых.

Основываясь на опыте организаций профессионального образования по интеграции методики WorldSkills в образовательный процесс, разработаны принципы, в соответствии с которыми следует проводить подготовку специалистов к обучению по обновленной программе: системность и непрерывность, активность знаний, максимальная самостоятельность, принцип опережающего уровня сложности, индивидуальный подход, анализ результатов прошедших аттестационных мероприятий [9, с. 12].

В целях обеспечения эффективности формирования и развития экологической компетенции авиационного персонала с учетом интеграции в образовательный процесс стандартов WorldSkills, важно соблюдение соответствующих *педагогических условий*. Мы склонны полагать, что в их спектр должны входить следующие:

1) формирование положительной мотивации у обучающихся – специалистов в области гражданской авиации к овладению экологической компетенцией в условиях подготовки и проведения конкурса профессионального мастерства на основе стандартов WorldSkills;

2) осуществление методического обеспечения (программа обучения с интеграцией экспериментального курса по стандартам WorldSkills) процесса формирования экологической компетенции у обучающихся. Структура экспериментального курса должна полностью соответствовать требованиям к квалификации по компетенции «охрана окружающей среды» WorldSkills. Это позволит достичь определенного уровня в организации образовательной программы как для обучающихся, так и для преподавателей. Для обучающихся будут более характерны следующие

пункты: во-первых, катализатором их активного взаимодействия выступает активная практическая работа (соотношение лекционного материала к практическому), во-вторых, необходимо сделать так, чтобы каждый мог обучаться в своем темпе, изучал материал самостоятельно, в-третьих, сделать возможным изучение программы с преподавателем или экспертом в области экологии, в-четвертых, повышение положительной мотивации обучающихся за счет критериев оценок по стандартам WorldSkills. Для педагогов и их деятельности будут характерны следующие особенности: во-первых, их работа приобретает консультационно-координирующий характер, во-вторых, появляется возможность обучать специалистов в соответствии с его индивидуальными предпочтениями, уровнем знаний и темпом усвоения материала, в-третьих, возникают различные способы обратной связи с практикующими специалистами – экспертами в области экологии, что позволяет минимизировать появление ошибок, скорректировать способы подачи учебной информации и то, как она усваивается;

3) в целях достижения максимального результата от программы обучения с интегрированным в него курсом по стандартам WorldSkills важно, чтобы учебный материал включал в себя блоки и модули, каждый из которых соответствует содержанию комплекса компетенций, в том числе экологической, был сформулирован с практико-ориентированной точки зрения (с минимальной теорией и максимальной практикой), содержал реальные материалы, основанные на опыте практикующих специалистов – экспертов в области экологии, был оснащен выразительными средствами – медиа, анимацией, звуком, видео;

4) проведение мониторинга на основе разработанных педагогом критериев и показателей уровня сформированности экологической компетенции обучающихся – специалистов в области гражданской авиации.

Таким образом, авиационный персонал априори должен обладать компетенциями в области экологии, т. к. объекты гражданской авиации являются одним из источников негативного воздействия на окружающую среду. Современное экологическое образование специалистов в сфере гражданской авиации в связи с ограниченностью времени и ресурсов не позволяет в достаточной степени обеспечить условия для формирования столь важной для всех субъектов данной сферы экологической компетенции. Поэтому в качестве средства совершенствования экологических знаний и умений в системе подготовки авиационного персонала целесообразно использовать инструментарий конкурсов профессионального мастерства, основанный на компетенции «охрана окружающей среды» (в соответствии со стандартами WorldSkills).

Ссылки:

1. Карпин Б.Н., Матягина А.М., Николайкин Н.И. Некоторые аспекты разработки федеральных авиационных правил по охране окружающей среды в гражданской авиации // Научный вестник МГТУ ГА. 2009. № 144. С. 100–107.
2. Коробова О.С., Филиппова Д.В. Воздействие объектов гражданской авиации на окружающую среду на примере международного аэропорта «Шереметьево» // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2017. № 5. С. 299–305.
3. Клименко А.М. К вопросу о качестве образования в техническом вузе // Прикладные вопросы точных наук: материалы III Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, преподавателей. Армавир, 2019. С. 295–297.
4. Нечаева О.А. Использование комбинированного обучения при формировании социально-экологической компетентности в авиационном вузе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 6-2. С. 243–248.
5. Навыки XXI века. Новая концепция обучения // Мел. URL: <https://mel.fm/blog/mariya-lyutaya/18079-navyki-xxi-veka> (дата обращения: 23.03.2021).
6. Попкова С.Ю. Особенности конкурсов профессионального мастерства в отечественной и зарубежной практике // Традиции и инновации в образовании: сборник научных статей и материалов V Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 1. Архангельск, 2019. С. 73–77.
7. Зайцева Н.А. Национальные и региональные конкурсы профессионального мастерства как форма информирования общества о тенденциях рынка труда // Российские регионы: взгляд в будущее. 2016. Т. 3, № 2. С. 109–121.
8. Конкурсное задание. Компетенция «Охрана окружающей среды». М., 2020. 13 с.; Техническое описание компетенции «Охрана окружающей среды». М., 2020. 22 с.
9. Ольховикова О.В. Принципы подготовки к конкурсам профессионального мастерства студентов СПО // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. № 1. С. 10–12. <https://doi.org/10.17805/trudy.2020.1.2>.

Редактор, переводчик: Арсентьева Ирина Ильинична

Пирязева Елена Николаевна

Piryazeva Elena Nikolaevna

кандидат искусствоведения,
старший научный сотрудник
Института художественного образования
и культурологии
Российской академии образования

PhD in Art Criticism,
Senior Research Fellow,
Institute of Art Education
and Cultural Studies,
Russian Academy of Education

ГОЛОСА ПТИЦ В СОДЕРЖАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ

BIRDS' VOICES IN THE CONTENT OF ART-AESTHETIC EDUCATION OF PRESCHOOL CHILDREN

Аннотация:

Художественно-эстетическое воспитание с самого раннего возраста является неотъемлемым компонентом развития личности детей. В современном понимании оно позволяет вовлекать в процесс, помимо искусства, вопросы экологии и окружающей среды. В этой связи целесообразно разработать подход к конструированию заданий для детей младенческого, раннего и дошкольного возраста на основе взаимодействия природы и музыкального искусства, используя при этом средства информационно-коммуникационных технологий. Материалом для них могут стать звуки природы. В настоящей статье в качестве основы для создания творческо-игровых заданий рассматриваются голоса птиц, представленные в форматах аудио-, графической и нотной записи. В процессе их освоения у детей вырабатывается устойчивый интерес к природе и искусству, развиваются слухоречевые и музыкальные способности, социально-коммуникативные навыки. Результаты настоящего исследования могут быть использованы для повышения эффективности творческой деятельности дошкольников в рамках художественно-эстетического воспитания и целенаправленного развития в детских садах, центрах, клубах, кружках, студиях, а также в домашних условиях во время занятий с родителями.

Ключевые слова:

педагогика искусства, музыкальное образование, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация, музыкальные способности, художественная деятельность, творчество, музыка, пение птиц

Summary:

Art-aesthetic education of children from an early age is an integral component of personal development. In the modern sense, art-aesthetic education allows you to involve in the process, in addition to the sphere of art, issues of ecology and the environment. In this regard, it is advisable to develop an approach to the design of tasks for infants, early and preschool age based on the interaction of nature and musical art, using the means of information and communication technologies. Sounds of nature can be the material for them. The birds' voices, presented in audio, graphic and musical notation, became the basis for creating creative and game tasks in this article. Sustained interest in nature and art, auditory and musical abilities, social and communication skills are developed in the process of mastering such tasks. The results of this study can be used for increasing the effectiveness creative activity for the preschool children in the framework of artistic and aesthetic education. They can be used for purposeful children's development of in kindergartens, centers, clubs, clubs, studios, as well as at home in classes with parents.

Keywords:

art education, music education, information and communication technologies, digitalization, musical abilities, artistic activity, creativity, music, birdsong

В период переоценки ценностей в современном мире, кризиса гуманистических отношений, нехватки сострадания и добросердечности в обществе усиливается потребность поиска новых возможностей всестороннего развития духовно-нравственной личности, заботливой, отзывчивой, ответственной за окружающий мир, чуткой к восприятию красоты природы. Благоприятное решение данной проблемы обеспечивает выработка современных методов эстетического воспитания, предполагающих развитие «эстетического вкуса, творческих способностей и наклонностей каждого конкретного человека, начиная с самого раннего возраста» [1, с. 126]. Продуктивность приобщения к природе и искусству в творческой и игровой деятельности, начиная с младенчества, объясняется целостным восприятием ребенком окружающего мира. Кроме того, в исследованиях художественно-эстетического воспитания дошкольников подчеркивается целесообразность взаимодействия таких сфер духовно-нравственного мира человека, как природа и искусство.

Так, С.А. Козлова и Т.А. Куликова подразделяют задачи художественно-эстетического воспитания на две группы. К первой относится «формирование эстетического отношения детей к окружающему», что предусматривает развитие «умения видеть и чувствовать красоту в природе, поступках, искусстве, понимать прекрасное; воспитывать художественный вкус, потребность в познании прекрасного» [2, с. 81]. Вторая группа задач эстетического воспитания дошкольников, по мнению ученых, включает «формирование художественных умений в области разных искусств» [3, с. 81].

Коллектив ученых под руководством Н.А. Ветлугиной предлагает стимулировать детей «эмоционально воспринимать прекрасное в природе, музыке, творчески переносить его элементы в художественную деятельность», подчеркивая роль педагога, направляющего ребенка «эстетически воспринимать и оценивать окружающее, познавать природный мир, постигая его красоту и гармонию через красоту и гармонию музыкальных звуков» [4, с. 17].

Взаимодействие природы и искусства в воспитании дошкольников отмечает ФГОС ДО, характеризуя образовательную область художественно-эстетического развития, где предписано вырабатывать предпосылки ценностно-смыслового восприятия и понимания произведений искусства наряду с природой и эстетическим отношением к окружающему миру.

Таким образом, цель современного художественно-эстетического воспитания дошкольников – обогащение познания ребенком мира в творческой и игровой деятельности, приобщение к музыкальному искусству через законы природы, переживание жизненных событий и явлений окружающей действительности в художественно-творческой деятельности.

Художественно-эстетическое воспитание дошкольников эффективно при опоре на информационно-компьютерные технологии. Продуктивность применения коммуникационных средств подтверждается в ряде научных работ, где фиксируется уместность использования компьютера в исследовательской деятельности детей при наблюдениях за природой, несмотря на кажущуюся несообразность привлечения технических средств для знакомства дошкольников с окружающей средой [5]. Кроме того, информационно-коммуникационные технологии способствуют «развитию визуальной культуры, познанию разнообразной информации через экспериментирование и игру, переносу акцентов с информационных методов на демонстрационные» [6, с. 348].

Исходя из вышесказанного, предложим способы художественного эстетического воспитания, направленные на развитие музыкальных способностей в опоре на взаимодействие природы и искусства. Образы природы доступны и понятны детям, они усиливают эмоциональную отзывчивость дошкольников, вызывают у них любопытство, способствуют сопереживанию звуков окружающего мира, что поддерживает проявление интереса к занятиям. Звукоподражание доступно детям с одиннадцати месяцев [7]. Начиная с этого возраста, они с удовольствием пародируют звуки окружающей среды. Предлагаем сфокусировать внимание на голосах птиц для разработки творческо-игровых заданий для детей разного возраста (от младенческого до дошкольного) с целью их художественно-творческого воспитания.

Как показывает практика, музыкальный слух и речь эффективнее всего развивать одновременно в младенческий период, условно называемый учеными «Крик и лепет», в связи с совершенствованием в это время у детей слухового восприятия, артикуляторного аппарата и развитием способности улавливать общую ритмико-мелодическую структуру слова или фразы: «Слово на этой стадии воспринимается ребенком как единый нерасчлененный звук, обладающий определенной ритмико-мелодической структурой» [8, с. 160].

На сегодняшний момент в сети Интернет существует множество записей пения самых разных птиц. Для художественно-творческой деятельности детей отберем те из них, которые позволяют обозначить широкий диапазон разнообразия звучащего мира: верхний регистр доступен синице, средний – кукушке, а низкий – филину. Выбранные аудиозаписи представим в виде графической и нотной записей. Прослушивание звуков голосов птиц позволяет получить богатую познавательную информацию из области орнитологии, фонетики и акустики. Воспринимая и повторяя голоса птиц, дети получают представление о множественности разновидностей созданий природы, существовании самых разнообразных мелодических рисунков, фонетического состава птичьего пения, соотношении размера и высоты звука.

Звуковые представления важно подкрепить визуальными. Для этого следует отыскать фотографии птиц в сети Интернет, но наибольшую наглядность обеспечит видеоматериал об их жизни в природе, сопровождаемый тематической сказкой или историей, рассказанной педагогом, что вызовет значительный эмоциональный отклик ребенка.

Послушав, как поют птицы, детям захочется имитировать эти звуки. Младенец споет за птицей, подражая звуковысотному и фонетическому составу ее пения. Начиная с трехлетнего возраста, дети могут исполнить птичье пение разными способами: звуками, слогами, словами, показывая вместе с мамой или педагогом направление рукой, чтобы лучше прочувствовать его в движении, ребенок может даже петь, глядя на графическую запись (рис. 1–3).

Рисунок 1 – Синица. Графическая запись пения

Рисунок 2 - Кукушка. Графическая запись пения

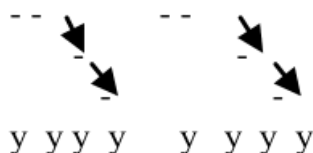

Рисунок 3 – Филин. Графическая запись пения

Дошкольник может изображать птицу в игре, петь за героя-птицу в спектакле кукольного театра или озвучивать персонаж мультфильма: «Трехлетний ребенок уже способен овладеть ролью – более сложным способом построения игры» [9, с. 15]. В подобных действиях ребенка привлекает потенциальность воплощения в своих движениях и поступках ярких и выразительных чувств от окружающей действительности, ощущая себя ее частью.

С четырехлетнего возраста ребенку по силам включаться во все более сложные виды сюжетно-ролевой игры, участвовать в ансамблевом исполнении, а также петь, глядя в нотную запись (рис. 4–6).

Рисунок 4 – Синица. Нотная запись пения

Рисунок 5 – Кукушка. Нотная запись пения

Рисунок 6 – Филин. Нотная запись пения

Следует отметить, что птицы поют в натуральном строе, запись нотами – это интерпретация птичьего пения, прилаживание его к темперированному строю. В этой связи, повторяя за аутентичным звучанием голосов птиц, ребенок приобщается к натуральному строю, музыке Вселенной; исполняя пение, «переведенное» на привычные ноты, под аккомпанемент металлофона, фортепиано, аккордеона или баяна, ребенок знакомится с общепринятой европейской музыкальной звуковысотной системой. Таким образом, дети обретают музыкальное звуковое «двуязычие».

Итак, голоса птиц в художественно-эстетическом воспитании дошкольников являются материалом конструирования заданий для творческой деятельности детей. В зависимости от возраста – младенческого, раннего или дошкольного – упражнения варьируются и усложняются. Наблюдение и подражание птицам в творческой совместной деятельности ребенка и взрослого

подталкивают его к элементарной поисковой, исследовательской и познавательной деятельности, позволяющей детям не только узнавать что-то новое, но и делать собственные самостоятельные открытия.

Повторение птичьего пения с младенческого возраста служит активным средством художественно-эстетического воспитания детей. Прежде всего, такая деятельность развивает речь, слухоречевую память, музыкальные способности, знакомит со звучанием натурального и темпированного строя. Художественно-эстетическое воспитание открывает перед ребенком возможности проявления гуманно-ценностного отношения к природе, которое выражается в сильной эмоциональной отзывчивости на явления действительности, в интересе к живым представителям окружающей среды: «Самая важная задача на пути художественного развития ребенка – это пробуждение и укрепление у него эстетического отношения к действительности» [10, с. 28].

Ссылки:

1. Бычков В.В. Эстетика : учебник. М., 2012. 528 с.
2. Козлова С.А., Куликова Т.А. Дошкольная педагогика. М., 2001. 416 с.
3. Там же. С. 81.
4. Нравственно-эстетическое воспитание ребенка в детском саду / Н.А. Ветлугина [и др.]. М., 1989. 80 с.
5. Комарова Т.С., Комарова И.И., Туликов А.В. Информационно-коммуникационные технологии в дошкольном образовании. М., 2011. 124 с.
6. Гогоберидзе А.Г., Солнцева О.В. Дошкольная педагогика с основами методик воспитания и обучения. СПб., 2013. 464 с.
7. Козлова С.А., Куликова Т.А. Указ. соч.
8. Психология детей дошкольного возраста. Развитие познавательных процессов / под ред. А.В. Запорожца, Д.Б. Эльконина. М., 1964. 352 с.
9. Программа «Развитие» (основные положения). М., 1994. 64 с.
10. Мелик-Пашаев А.А., Новлянская З.Н. Ступеньки к творчеству: художественное развитие ребенка в семье. М., 1995. 144 с.

Редактор: Ситникова Ольга Валериевна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна

УДК 378.14:372.851

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.21>

Сяси́на Татьяна Васи́льевна

Syasina Tatyana Vasilyevna

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры высшей математики
Тихоокеанского государственного университета
<https://orcid.org/0000-0001-8515-3775>

PhD in Education Science, Assistant Professor,
Department of Higher Mathematics,
Pacific State University
<https://orcid.org/0000-0001-8515-3775>

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКЕ

RESEARCH OF THE COGNITIVE ACTIVITY OF FUTURE ENGINEERS WHEN LEARNING MATHEMATICS

Аннотация:

Внедрение компетентностного подхода в организацию обучения студентов в современной России направлено на стимулирование их познавательной активности. Хотя многочисленные исследования этой проблемы имеют длительную историю, ее актуальность не вызывает сомнения. Статья посвящена анализу уровня познавательной активности студентов младших курсов высшей школы, которые изучают математику в условиях ограничения объемов аудиторных занятий в период пандемии COVID-19. Цель эмпирического исследования заключается в определении уровня познавательной активности студентов, а также выявлении личностных особенностей, соответствующих этому уровню. При проведении работы использовалась модификация опросника изучения уровня познавательной активности учащихся Б.К. Пашнева. Автором в результате анализа эмпирического материала обозначены особенности обучающихся с низким, средним и высоким уровнями познавательной активности.

Ключевые слова:

познавательная активность, уровни познавательной активности, студенты, будущие инженеры, изучение математики

Summary:

The introduction of a competence-based approach to the organization of college students education in modern Russia is aimed at stimulating their cognitive activity. Although numerous studies of this problem have a long history, its relevance is beyond any doubt. The present study deals with analysis of the level of cognitive activity of junior college students who study mathematics in the context of limited classroom studies during the COVID-19 pandemic. The purpose of the empirical research is to determine the level of students' cognitive activity and identify personal characteristics corresponding to the level of their cognitive activity. The study used a modification of the questionnaire for studying the level of cognitive activity of students developed by B.K. Pashnev. As a result of the analysis of the empirical material, the author presents the characteristics of students with low, medium and high levels of cognitive activity.

Keywords:

cognitive activity, levels of cognitive activity, college students, future engineers, studying mathematics

Постоянные изменения в современном мире требуют от учреждений высшего образования развивать у студентов сознательность и активность при освоении компетенций, потребность в постоянном овладении знаниями, умениями и навыками. Поэтому реализация принципа активности при обучении математике будущих инженеров становится с каждым годом все актуальнее, особенно при удаленной форме занятий в период ограничений в связи с пандемией COVID-19 в 2020 г. Для активизации процесса обучения математике необходимо выявить и проанализировать познавательную активность студентов.

Целью работы являлось исследование уровня познавательной активности будущих инженеров при изучении курса математики на удаленном обучении в период пандемии COVID-19 в 2020 г. Для реализации этой цели использовались теоретические (анализ философской, психолого-педагогической, научно-методической литературы по обозначенной проблеме) и эмпирические (наблюдение, анкетирование, тестирование, рейтинг) методы психолого-педагогической диагностики.

Вопросам формирования и развития познавательной активности обучающихся посвящены научные исследования философов (Н.А. Бердяева, Г. Гегеля, А. Дистервега, Дж. Дьюи, М.К. Мамардашвили и др.), психологов (Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, В.В. Давыдова, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Г.И. Щукиной и др.) и педагогов (Ю.К. Бабанского, А.А. Вербицкого, Я.А. Коменского, И.Я. Лернера, А.К. Марковой, Ж.-Ж. Руссо, В.А. Сухомлинского, К.Д. Ушинского, И.Ф. Харламова и др.). В современной науке феномен познавательной активности продолжает волновать умы ученых – познавательной активности обучающихся в процессе изучения математики посвящены работы В.А. Далингера [1], Н.А. Журавлевой [2], С.И. Осиповой [3], Л.В. Шкериной [4] и др.

Исследуя познавательный интерес и его развитие в процессе обучения математике, В.А. Далингер подчеркивает, что «это одно из личностных свойств школьника, черта его характера, проявляющаяся в виде пытливости, любознательности, активности» [5, с. 131].

Анализируя познавательную активность как педагогическое явление, А.В. Пашкевич отмечает, что она представляет собой взаимосвязанный двусторонний процесс, т. е. познавательная активность есть и форма самоорганизации обучающегося, и результат особых усилий преподавателя по организации учебной деятельности студентов [6].

Как цель и средство ее достижения, а также как результат этой деятельности рассматривает познавательную активность Т.И. Шамова [7, с. 5].

Определяя познавательную активность как составляющую структуры профессиональной мобильности будущих инженеров, Т.И. Маслова выделяет ее элементы. «Мотивационный компонент – совокупность устойчивых мотивов, познавательных интересов и самообразовательной потребности будущего инженера, устойчивость эмоционально-волевой сферы, самосознания. Конструктивный компонент – способность достижения желаемой познавательной цели через преодоление внутренних и внешних ограничений познания, через преобразование, усовершенствование, конструирование среды и самого себя. Компонент характеризует конструктивное взаимодействие со средой и субъектами. Рефлексивный компонент – способность оценивать свою деятельность, закреплять успешные и корректировать неудачные действия; способность просчитывать полезность внешних связей, адаптироваться к реальным ситуациям, проектировать свою деятельность до ее осуществления» [8, с. 89].

Рассматривая познавательную активность как объект педагогического анализа, С.И. Осипова и Н.С. Агишева выделяют ее признаки: «отношение к содержанию, характеру учебно-познавательной деятельности; стремление к самопознанию, саморазвитию, саморегуляции, самоорганизации, самоконтролю, самооценке; стремление к учению, умственное напряжение и проявление волевых усилий; устойчивый интерес к поиску новых знаний, готовность к поисковой деятельности; творческая реализация приобретенных знаний и умений» [9, с. 92].

По нашему мнению, познавательная активность студента вуза при изучении математики есть качество личности, характеризующееся устремлением к познанию, позитивным отношением к содержанию изучаемого раздела математики, серьезной мотивацией, устойчивым интересом к теоретическим положениям учебного материала по математике и его практическим приложениям, самостоятельностью в приложении волевых усилий к достижению поставленных образовательных целей, умением испытывать удовлетворение от решения задачи, достижения цели.

Понятие «уровень» отражает диалектический характер процесса развития, позволяющий познать предмет во всем многообразии его свойств, связей и отношений. Как отмечает В.И. Кремянский, термин «уровень» обычно употребляется в значении степени, характеризующей качество, высоту, величину, те узловые линии, где проявляются самые существенные различия видов материи и форм ее движения [10].

Уровень познавательной активности студентов при изучении математики является одним из ее свойств, мы рассматриваем его как содержательную характеристику личностных особенностей, знаний и деятельности обучающегося. Для оценивания степени познавательной активности студентов в обозначенной области мы составили описание низкого, среднего и высокого уровней.

Первый уровень – низкий. Студент характеризуется неосознанной познавательной направленностью или ее отсутствием, отрицательной или несформированной мотивацией к изучению математики, негативным отношением к математическим теориям и практическим приложениям. Знания отрывочные, бессистемные, неосознанные, проявляются лишь эпизодически или отсутствуют, слабо сформированы аналитические способности. Наблюдается вынужденное, стереотипное реагирование на внешние стимулы; в учебно-познавательной деятельности учебные умения проявляются неосознанно; навыки решения математических задач развиты слабо. Также студент с низким уровнем познавательной активности имеет слабые познавательный интерес, стремление к познанию и творчеству, мотивацию достижения, высокую степень личностной тревожности и низкую самооценку. Он пассивен, избегает споров, стесняется выступать перед аудиторией, не способен отстаивать собственное мнение, не радуется своим успехам в освоении математики, завидует успехам других.

Второй уровень – средний. Студент обладает устойчивой учебно-познавательной ориентацией, положительной мотивацией учебно-познавательной деятельности, имеет аналитические способности. Знания в области математики системные, но глубина их проявляется лишь по отдельным показателям, в первую очередь в решении практических заданий. Ориентирован на применение математических знаний при решении профессиональных задач, имеет развитый познавательный интерес, стремление к познанию и творчеству, мотивацию достижения, низкий уро-

вень личностной тревожности и адекватную самооценку. Активен, принимает участие в дискуссиях, умеет выступать перед аудиторией, способен отстаивать собственное мнение, радуется собственным успехам в освоении математики, но и завидует успехам других.

Третий уровень – высокий. Студент характеризуется стремлением к познанию через изучение математики, позитивно относится к рассматриваемым математическим теориям, анализирует учебный математический материал, самостоятельно прилагает волевые усилия при выполнении индивидуальных домашних заданий, предпочитает заниматься сложной интеллектуальной деятельностью, использует дополнительную учебную литературу, радуется своим успехам в изучении математики и не завидует успехам других. Умеет быстро включиться в учебно-познавательную деятельность на занятиях по математике, активно участвует в обсуждении математических теорий и задач, при решении профессиональных задач умеет применить математический аппарат. В дискуссии аргументированно отстаивает свою точку зрения и оказывает влияние на мнение других обучающихся. На занятиях ориентирован на совместную работу с преподавателем и другими студентами.

Уровни между собой взаимосвязаны, каждый последующий строится на сформированности предыдущего.

Для выявления уровня познавательной активности обучающихся была использована модификация опросника Б.К. Пашнева [11]. В исследовании приняли добровольное участие 64 студента из двух вузов (Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ) и Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ДВГУПС) в Хабаровске) по техническим направлениям подготовки бакалавров. Среди студентов было 40 первокурсников (25 из ДВГУПС, 15 из ТОГУ) и 24 второкурсника (ТОГУ). Анкетирование проводилось удаленно с использованием сервиса Google Forms, в анкете 52 вопроса. После обработки ответов в программе Microsoft Excel получены следующие результаты.

Во время занятия математикой только 16 студентов (25,00 %) предпочитают самостоятельно выполнять задания, остальные готовы слушать объяснения преподавателя.

Трудные задания нравится выполнять 25 респондентам (39,06 %), остальные 39 (60,94 %) предпочитают облегченный вариант работы. Вместе с группой стремятся выполнять сложное задание 48 опрошенных (75,00 %), в домашнем одиночестве – 16 человек (25,00 %).

Одним большим и трудным заданием течение всего занятия готовы заниматься 11 респондентов (17,19 %), остальные 53 (82,81 %) выбирают несколько небольших задач. Утомление при выполнении одного большого сложного задания два занятия подряд ощущают 40 опрошенных (61,54 %), готовы работать долго 25 студентов (38,46 %). При проведении подряд нескольких занятий по математике проблемы испытывают 40 человек (61,54 %).

Разные способы решения учебного задания предпочитают искать 29 студентов (45,31 %). Если при выполнении какой-либо задачи не сразу находится ответ, то постоянно думают о ней в поисках решения 39 опрошенных (60,00 %), не тратят много усилий на это и начинают заниматься чем-то другим 26 респондентов (40,00 %). Получение правильного ответа при решении задачи доставляет больше удовольствия 50 обучающимся (76,92 %), в процессе решения испытывают удовольствие 15 человек (23,08 %).

В ходе выполнения трудного задания 20 студентов (31,25 %) возражают против подсказки, но в основном участники исследования (44 человека, или 68,75 %) одобряют и принимают поддержку одноклассников. При выполнении интересного учебного задания тяжело отвлечь каким-либо другим интересным, но посторонним делом 43 человека (69,23 %), легко отвлекаются 22 респондента (30,77 %). Нравятся сложные контрольные работы 15 опрошенных (23,44 %). Считают, что лучше выполнить легкую контрольную работу и получить хорошую отметку 39 студентов (60,00 %), а услышать объяснение нового материала – 26 (40,00 %). В основном респонденты предпочитают играть в несложные развлекательные игры (36, или 55,38 %), трудные игры, где нужно много думать, выбирают 29 обучающихся (44,62 %).

Всегда внимательно слушает объяснения преподавателя на занятии 41 опрошенный (63,08 %), не делают этого 24 человека (36,92 %). По ходу изложения учебного материала у 52 студентов (81,25 %) возникают вопросы. После объяснения новой темы 42 респондента (65,63 %) хотели бы обсудить его с преподавателем. Всегда выполняют задания преподавателя 46 участников исследования (71,88 %), не выполняют – 18 (28,13 %).

Иногда размышляют на перемене о новом материале, полученном на занятии по математике, 40 студентов (61,54 %), не задумываются о нем 25 человек (38,46 %). Вспоминают дома во время занятия другим делом о новой информации 35 респондентов (54,69 %), не вспоминают – 29 (45,31 %). Часто рассказывают друзьям, родителям или знакомым о том интересном, о чем узнали на занятиях по математике, 27 обучающихся (42,19 %).

Ищут ответы на вопросы, возникающие при обучении, не только в учебниках, но и в других публикациях (например, научно-популярных) 37 студентов (56,92 %), не делают этого 28 опрошенных (43,08 %). Для уточнения каких-либо данных из области математики пользуются дополнительной литературой 32 респондента (50,00 %). Просматривают в учебниках по математике материал, который еще не проходили, 23 человека (35,39 %), не просматривают – 42 (64,61 %). Нравится во время летних каникул читать или проглядывать учебники следующего курса 16 участникам исследования (24,62 %), не обращаются к ним – 49 (75,38 %). Начав читать какую-либо книгу, обязательно дочитывают ее до конца 34 студента (52,31 %).

Работать у доски на занятиях по математике хотят 32 респондента (49,23 %), 33 опрошенных (50,77 %) нравится, когда их редко вызывают. Часто дополняют ответы других студентов 20 человек (31,25 %), большинство – 45 обучающихся (68,75 %) – предпочитают не вмешиваться.

Подавляющая часть респондентов – 36 (56,25 %) – полагают, что если бы вообще не ставили отметок, то они бы учились хуже; 46 (71,88 %) студентов не считают, что нужно ставить только самые хорошие оценки, а другие отметки не ставить. Однако если бы опрошенные сами оценивали свои ответы, то отметки были бы хуже у 23 человек (35,38 %), лучше – у 42 (64,62 %). Таким образом, просматривается желание иметь более высокую оценку независимо от качества знаний по математике.

Среди участников исследования 38 студентов (58,46 %) не хотят, чтобы им задавали домашние задания. Считают, что они должны быть несложными, 56 респондентов (86,15 %), на трудные задания согласны 9 человек (13,85 %).

Значительная часть респондентов – 38 (59,38 %) – отмечают, что предлагается избыточное количество математических теорий и лучше сократить курс математики. С ними не согласны 26 студентов (40,63 %). Уменьшить в образовательной программе число часов, отведенных на рассматриваемую дисциплину, хотели бы 34 опрошенных (53,13 %), не стремятся к этому 30 человек (46,88 %).

27 участников исследования (41,54 %) считают целесообразным, чтобы незаконченный материал по математике преподаватель продолжал объяснять на следующем занятии вместо физкультуры или какого-либо развлечения, против – 38 (58,46 %). Вместо математики заниматься спортом или чем-то иным предпочитают 40 студентов (61,54 %), не стремятся к этому 25 человек (38,46 %).

Примерно половина респондентов – 33 (50,77 %) – считают, что могли бы что-то изобрести, не интересуются изобретательством 32 опрошенных (49,23 %). Особо увлечены изучением математики и хотели бы посещать дополнительные часы 12 студентов (18,46 %), не заинтересованы в посещении математического кружка 53 человека (81,54 %).

Не наскучивает узнавать новое на занятиях по математике 40 опрошенным (61,54 %). 37 (57,81 %) человек считают, что время, затрачиваемое на занятия, должно быть длиннее периода отдыха, с ними не согласны 27 студентов (42,19 %). После длительного перерыва 24 участника исследования (37,50 %) стремятся заниматься математикой. Желали бы продлить каникулы 38 респондентов (58,46 %), хотят посещать занятия после окончания каникул 27 студентов (41,54 %). Всегда готовы к началу учебного процесса 40 человек (61,54 %), нет – 25 (38,46 %).

Утверждают, что никогда не опаздывали на занятия по математике, 29 студентов (45,31 %), всегда безупречно ведут себя во время занятий – 23 (35,94 %). Без подготовки на занятия когда-либо приходили 64 человека (100,00 %), пользовались подсказкой – 62 (95,38 %).

Радуются своим успехам в обучении математике 59 респондентов (90,77 %), не делают этого – 6 (9,23 %). Иногда испытывает зависть к студентам, которые учатся лучше, 41 человек (63,08 %). Готовы спорить с преподавателем, защищая собственную точку зрения на тот или иной вопрос, 48 опрошенных (73,85 %), не готовы – 17 (26,15 %).

Результаты были распределены по уровням – высокому, среднему, низкому (табл. 1). Количественно уровень определяется по числу набранных в анкете ответов, демонстрирующих познавательную активность, один ответ равен одному баллу.

Таблица 1 – Уровни познавательной активности студентов

Уровень	Балл	ДВГУПС, 1-й курс	ТОГУ, 1-й курс	ТОГУ, 2-й курс	Всего
		чел./%			
Высокий	23–42	15/60	11/73,33	12/50,00	38/59,38
Средний	11–22	9/36	2/13,33	11/45,83	22/34,38
Низкий	0–10	1/4	2/13,33	1/4,17	4/6,25
Итого		25/100	15/100	24/100	64/100

Результаты исследования познавательной активности будущих инженеров показывают, что большое число студентов обладают ее высоким уровнем, что свидетельствует об их личностном развитии. Однако есть респонденты, познавательная активность которых находится на среднем и низком уровне. Для перехода на более высокий уровень им необходимо использовать личностный потенциал в учебно-познавательной деятельности, возможности учебного материала.

Стимуляцию познавательной активности студентов целесообразно осуществлять через организацию внеаудиторной самостоятельной учебно-познавательной деятельности в виде индивидуальных домашних заданий по изучаемым разделам дисциплины, создание на занятиях благоприятной среды, реализацию традиционных и инновационных форм обучения. Применяются следующие педагогические условия – систематичность, регулярное оценивание, разноуровневые задания с элементами научно-познавательной работы (использование дополнительной научной и справочной литературы, в том числе учебников и пособий, для поиска решения трудной задачи и уточнения какого-либо вопроса по математике).

Таким образом, в ходе исследования выявлены личностные особенности обучающихся с разными уровнями познавательной активности. Студенческий контингент распределен по этим уровням. Установлена необходимость дальнейшего поиска методов и форм организации учебно-познавательной деятельности для эффективного личностного развития и повышения уровня познавательной активности студентов.

Ссылки:

1. Далингер В.А. Познавательный интерес учащихся и его развитие в процессе обучения математике // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 3-1. С. 131–137.
2. Журавлева Н.А. Формирование базовых ключевых компетенций студентов – будущих учителей математики в процессе обучения математическому анализу : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2012. 23 с.
3. Осипова С.И., Бутакова С.М. Интегративно-базисный подход в формировании математической компетентности студентов // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2011. № 2. С. 46–51.
4. Шкерина Л.В. Профессионально-ориентированная учебно-познавательная деятельность студентов в процессе математической подготовки в педвузе : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2000. 38 с.
5. Далингер В.А. Указ. соч. С. 131.
6. Пашкевич А.В. Основы проектирования педагогической технологии. Взаимосвязь теории и практики : учебно-методическое пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 2015. 76 с.
7. Шамова Т.И. Активизация учения школьников. М., 1979. 96 с.
8. Маслова Т.И. Структура профессиональной мобильности будущих инженеров и факторы ее формирования в процессе обучения графическим дисциплинам // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 7-1 (61). С. 88–91. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.61.036>.
9. Осипова С.И., Агишева Н.С. Познавательная активность как объект педагогического анализа // Гуманизация образования. 2016. № 2. С. 89–96.
10. Кремянский В.И. Структурные уровни живой материи: теоретические и методологические проблемы. М., 1969. 295 с.
11. Опросник изучения уровня познавательной активности учащихся (Б.К. Пашнева) [Электронный ресурс] // Ваш психолог. URL: <http://www.vashpsixolog.ru/psychodiagnostic-school-psychologist/69-diagnosis-emotional-and-the-personal-sphere/2645-oprosnik-izucheniya-urovnya-poznavatelnoj-aktivnosti-uchashhixsya-bkpashneva-> (дата обращения: 17.03.2021).

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Герасимова Валентина Евгеньевна

УДК 378:34

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.22>

Шайдуллина Венера Камилевна

Shaydullina Venera Kamilevna

кандидат юридических наук,
доцент департамента международного
и публичного права,
заместитель декана юридического факультета
Финансового университета при Правительстве РФ
<https://orcid.org/0000-0002-2716-9282>

PhD in Law, Associate Professor,
International and Public Law Subdepartment,
Deputy Dean, Law Department,
Financial University
under the Government of the Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-2716-9282>

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ*

DIRECTIONS FOR THE IMPROVEMENT OF LEGAL EDUCATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION**

Аннотация:

Целью настоящего исследования является рассмотрение некоторых актуальных проблем совершенствования юридического образования в условиях цифровизации. В статье рассмотрены наиболее важные проблемы, связанные с применением в юридическом образовании цифровых технологий. Проведен обзор вопросов развития цифровых, коммуникативных и профессиональных навыков у студентов-юристов. Проанализировано несколько инновационных подходов к организации высшего юридического образования в России (коллаборация, обучение через опыт, «перевернутое», адаптивное и непрерывное обучение). Отражен опыт использования технологии проектного обучения при анализе проблемных аспектов, связанных с правовым регулированием информационного пространства, в результате которого генерируется цифровой образовательный контент (в том числе системы тренингов и тестирования, анимированные видеоролики, теоретический материал, тезаурус по изучаемой теме, ментальные карты).

Ключевые слова:

интерактивные модели обучения, цифровые образовательные технологии, групповое проектное обучение, «перевернутое обучение», коллаборация, адаптивное обучение, обучение через опыт, непрерывное обучение

Summary:

The study aims to consider some topical problems of improving legal education in the context of digitalization. The author discusses the most important problems related to the use of digital technologies in legal education. The issues of digital, communicative and professional skills development of law students are reviewed. Several innovative approaches to the organization of higher legal education in Russia (collaborative, experiential, flipped, adaptive, lifelong learning) are analyzed. The research reflects the experience in the use of project-based learning technology in the analysis of problematic aspects related to the legal regulation of the information space that generates digital educational content (including training and testing systems, animated videos, theoretical material, thesauruses on the studied topics, mental maps).

Keywords:

interactive learning models, digital learning technologies, group project-based learning, flipped learning, collaborative learning, adaptive learning, experiential learning, lifelong learning

Переход к использованию цифровых технологий отразился на всех сферах человеческой жизнедеятельности, включая право, экономику и управление образовательной системой, в том числе системой подготовки юристов. В условиях развития современных технологий – информационно-коммуникационных, машинного обучения и искусственного интеллекта – традиционные институты образования должны кардинально изменить существовавшие десятилетиями траектории обучения. Для того чтобы успевать за изменениями, необходимо активнее внедрять в практику образовательного процесса инновационные решения, технологии, модели и методы обучения. Система образования до сих пор основана на принципе передачи теоретических знаний, но в нынешних условиях этого явно недостаточно. Уже давно назрела необходимость в усовершенствовании моделей и методов обучения для приведения их в соответствие с нынешними реалиями.

В последнее время одним из наиболее обсуждаемых и дискуссионных является вопрос о том, нужны ли юристы в условиях цифрового общества. Российские аналитики прогнозируют снижение потребности в юристах. Иностранные специалисты придерживаются такого же мнения, считая, что в ближайшие несколько лет все участники юридического рынка столкнутся с глобальными

* Исследование выполнено при финансовой поддержке и по заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

** The research was carried out with the financial support and on the instructions of Financial University under the Government of the Russian Federation.

переменами, связанными с возникновением роботизированных заменителей юристов, услуги которых будут стоить гораздо дешевле. Поэтому все более актуальной становится подготовка сетевых юристов, для этого отечественная система образования должна быть переориентирована [1].

В течение нескольких десятилетий в нашей стране существовали определенные подходы к подготовке юристов. Однако эти подходы более не актуальны и не отвечают цифровым реалиям. Возникновение новых форм правового регулирования привело к необходимости кардинального преобразования всех структурных компонентов высшего юридического образования.

В настоящее время ведется активная работа по созданию «Концепции развития юридического образования в эпоху цифровой экономики» (далее – Концепция). В основу данной Концепции должны быть положены базовые общечеловеческие ценности, правовые основы российского общества, достижения в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, призванные обеспечивать становление и развитие нового информационного общества с развитой цифровой инфраструктурой. Приоритетными задачами этого документа можно назвать определение целей оптимизации юридического образования в России, а также разработку нового стандарта подготовки юристов, обладающих необходимым набором профессиональных компетенций. В ходе работы над Концепцией разрабатываются принципиально новые управленческие и концептуальные подходы к функционированию системы профессиональной подготовки юристов, пересматриваются содержательные аспекты высшего юридического образования, вводятся в образовательную практику новые формы юридического образования, отвечающие цифровым реалиям [2].

Устойчивое развитие цифровых компетенций у будущих юристов требует обеспечения определенной степени подготовки педагогов в сфере предметных компетенций и формирования цифрового контента для обучения в онлайн-режиме. Сегодня уже можно с высокой долей уверенности говорить о том, что цифровые технологии стали неотъемлемым атрибутом преподавания и обучения, т. к. любой из современных форматов обучения (дистанционное, интерактивное, виртуальное и др.) требует использования в учебном процессе цифровых технологий [3]. В ближайшие несколько лет наиболее востребованными могут стать такие цифровые образовательные технологии, как образовательные чат-боты, вопросно-ответные чат-боты, игровые интернет-приложения, виртуальные симуляторы, системы тренингов и тестов, онлайн-консультации и онлайн-курсы, гипермедийные учебники и др. [4].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что для достижения успеха в образовательном цифровом пространстве новые технологии необходимо интегрировать в традиционные обучающие практики. Однако некоторые авторы высказываются против чрезмерного внедрения современных технологий в систему юридического образования, считая, что от использования цифровых технологий страдают коммуникативные навыки студентов [5]. Часть актуальных проблем можно устранить, если сделать дисциплину «Информационные технологии в юридической деятельности» обязательной при обучении студентов-юристов. Благодаря освоению этой дисциплины будущие юристы обретут необходимые цифровые навыки, которые обеспечат их конкурентоспособность на современном рынке труда [6].

Далее рассмотрим новые подходы к организации высшего образования, предполагающие активное применение современных информационно-коммуникационных и компьютерных технологий в практике обучения:

1. *Коллаборация*. Особая форма сотрудничества в интеллектуальной сфере, связанная с развитием инновационных процессов. Основной задачей коллаборации становится создание креативного пространства для работников нового поколения, являющихся носителями междисциплинарных компетенций. В качестве инструментария организации совместной работы выступают социальные и корпоративные сети, обеспечивающие возможности блогинга и общения в групповых чатах [7].

2. *Обучение через опыт*. Разновидность интерактивного обучения, основанного на взаимодействии обучающегося с педагогом и другими студентами. Применяемые технологии обучения (метафорические и обучающие упражнения, деловые и ролевые игры, игровое моделирование, групповая работа) позволяют каждому студенту включиться в процесс решения проблемы, способствуют активному вовлечению в решение задач и более прочному усвоению знаний, навыков и умений. Ключевым принципом обучения через опыт является поощрение, подталкивание студентов к обдумыванию, поиску знаний, самостоятельному пониманию определенных вещей. В таком случае результат обучения обретает актуальность, а у студентов развивается внутренняя мотивация для применения полученных знаний на практике. Обучение на рабочем месте навыкам исполнения конкретных задач может при необходимости дополняться разработкой решений для реальных правовых ситуаций и проблем, а также организацией деловых игр и симуляций.

3. *«Перевернутое обучение»*. Предполагается, что теоретические правовые знания студенты получают самостоятельно: используя цифровые образовательные ресурсы, изучая специ-

альную литературу, решая практические правовые задачи в рамках группового обучения, развивая коммуникативные навыки. Роль преподавателя в данном случае одна – быть наставником для студентов и направлять их в самостоятельном обучении.

4. *Адаптивное обучение.* Примером служит любой учебный проект, подстраивающий обучение к пониманию интересов, навыков и умений каждого обучающегося. Дизайн обучения может быть адаптивным с применением технологий машинного обучения и искусственного интеллекта. Учебные курсы и программы, применяемые при адаптивном обучении, позволяют студентам с разными исходными данными достигать единых результатов.

5. *Непрерывное обучение.* В юридическом образовании сущность непрерывного обучения состоит в добровольном, постоянном и самостоятельном поиске правовых знаний. Необходимо понимать, что это обучение длиною в жизнь. Ключевые компоненты непрерывного обучения: обучение знаниям – владение инструментарием обучения; действиям – обретение навыков решения правовых задач; коммуникативным навыкам – овладение навыком групповой работы; навыкам получения знаний – освоение умения учиться, а также следует обучать формированию качеств полноценной, всесторонне развитой личности.

В некоторых юридических вузах уже начали практиковать внедрение в проектное групповое обучение методик развития у студентов цифровых, коммуникативных и профессиональных навыков. В рамках такого обучения предполагается баланс контактов в виртуальной среде и живого общения студентов с преподавателем, а также исследование проблемных ситуаций в сфере правового регулирования цифрового общества. При обучении студентов-юристов существует немало моментов, на которые стоит обращать внимание [8]. Например, наиболее актуальными в условиях цифрового общества можно назвать правовое регулирование взаимодействия в виртуальном пространстве при использовании облачных технологий и привлечение к юридической ответственности за совершение уголовно наказуемых преступлений с использованием современных технологий.

В результате практического применения технологии проектного обучения при анализе вышеуказанных проблемных аспектов, связанных с правовым регулированием информационного пространства, генерируется цифровой образовательный контент, на основе которого формируются презентации, системы тренингов и тестирования, анимированные видеоролики, разрабатывается теоретический материал, составляются тезаурус по изучаемой теме и ментальные карты. Благодаря демонстрации разработанного цифрового контента обеспечивается повышение уровня юридических и правовых знаний обучающихся, они обретают коммуникативные и цифровые навыки, формируют собственное мировоззрение. Самостоятельная оценка образовательного контента и возможность использования студентами необходимой им информации способствуют формированию системы мотивов деятельности, выступая в качестве фундамента для становления и устойчивого развития профессиональных компетенций.

Таким образом, для того чтобы получить юриста цифровой эпохи, специалиста, способного работать и в реальном, и в виртуальном пространстве, необходимо модернизировать систему профессиональной подготовки и привести ее в соответствие с реалиями современности. Большую роль в этом играет внедрение в образовательную практику цифровых технологий, современных методов и моделей обучения.

Ссылки:

1. Троицкий Н.А., Трофимова Е.В. Проблемы и перспективы цифровых технологий в юридическом образовании: опыт зарубежных университетов // Юридическое образование и наука. 2019. № 6. С. 3–7.
2. Батлер У.Э. Ценность юридического образования – в развитии навыков анализа и доказывания // Закон. 2019. № 9. С. 8–24 ; Бурьянов С.А., Кривенький А.И. О состоянии и перспективах формирования глобального образования, включая юридическое // Государство и право. 2019. № 8. С. 95–100 ; Енькова Е.Е. Трудности цифровизации юридического бизнес-образования // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 69–74.
3. Кузнецов Д.Л. Юридическое дополнительное профессиональное образование в цифровую эпоху // Закон. 2019. № 9. С. 53–64 ; Левитан К.М. О векторах эволюции российского юридического образования // Российский юридический журнал. 2019. № 3. С. 75–82. <https://doi.org/10.34076/2219-6838-2019-3-75-82> ; Лукина И.М. Юридическая клиника: образование и правовая помощь // Промышленность и сельское хозяйство. 2019. № 7 (12). С. 57–61.
4. Орнацкая Т.А. Категории «просвещение» и «образование» в отечественной юридической науке // Проблемы высшего образования. 2019. № 1. С. 122–124.
5. Сазанова И.В. Реальные и мнимые проблемы высшего юридического образования в России // Знание. 2019. № 7-1 (71). С. 94–98 ; Сафина С.Б. К вопросу о роли юридического образования в государственном управлении // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2019. № 5 (149). С. 132–135.
6. Устинова Е.В. О высшем юридическом образовании в Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 2. С. 217–219. <https://doi.org/10.24411/2073-3305-2019-10117>.
7. Шепелева О.С. Юридическое образование и подготовка юристов: что может подсказать зарубежный опыт? // Закон. 2019. № 9. С. 65–74.
8. Батлер У.Э. Указ. соч. С. 8–24.

Редактор, переводчик: Сергейчик Людмила Ивановна

УДК 37.012.3“192/193”

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.23>**Ялозина Елена Алексеевна****Yalozina Elena Alekseevna**

кандидат исторических наук,
доцент Департамента гуманитарных наук
Финансового университета при Правительстве РФ

PhD in History, Associate Professor,
Humanitarian Sciences Department,
Financial University
under the Government of the Russian Federation

ВТОРОГОДНИЧЕСТВО КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СОВЕТСКОГО ВСЕОБУЧА 1920–1930-Х ГГ.*

GRADE REPETITION AS A PEDAGOGICAL AND SOCIO-ECONOMIC PROBLEM OF THE SOVIET UNIVERSAL EDUCATION IN 1920S–1930S

Аннотация:

Статья посвящена проблеме второгодничества, которая являлась педагогическим и социально-экономическим инвариантом советской системы образования в предвоенное десятилетие. В работе показаны приоритетные направления деятельности Народного комиссариата просвещения по сокращению показателей второгодничества и предотвращению отсева учащихся из школ. Анализ разноплановых исторических, статистических, нормативно-правовых источников позволяет комплексно и интегрировано рассмотреть проводимые ведомством мероприятия. Власть рассматривала второедничество не только как педагогическую проблему, но, прежде всего, как финансово-экономическое отягощение бюджета, критиковала школу за учебно-методическую неэффективность, «очковитительство» в представлении результатов. Вместе с тем государственная политика недофинансирования системы образования на протяжении рассматриваемого периода не только влияла на материально-техническую базу обеспечения школьного всеобуча, но и во многом затрудняла и консервировала решение проблемы второгодничества.

Ключевые слова:

Народный комиссариат просвещения, всеобщее обучение, отделы народного образования, школа, второедничество, народные комиссары просвещения А.В. Луначарский, А.С. Бубнов, В.П. Потемкин

Summary:

The author studies the problem of grade repetition, which was a pedagogical and socio-economic invariant of the Soviet education system in the pre-war decade. The study shows the priority areas of activity of the People's Commissariat of Education to reduce the number of repeaters and prevent students from dropping out of schools. The analysis of diverse historical, statistical, and regulatory sources provides comprehensive and integrated review of the agency's activities. The authorities considered grade repetition not only as a pedagogical problem, but, first of all, as a financial and economic burden on the budget, criticized the school for educational and methodological inefficiency, negligence in work, "fraud" in the presentation of results. At the same time, the state policy of underfunding the education system during the period under review not only affected the material and technical base for providing universal education, but also in many ways hindered and preserved the solution of the problem of second-year education.

Keywords:

People's Commissariat of Education, universal education, departments of public education, school, grade repetition, people's commissars of education Anatoly Lunacharsky, Andrei Bubnov, Vladimir Potemkin

История двух первых десятилетий советской власти сконцентрировала в себе сложные многомерные процессы внутренней политики. Значимой проблемой большевики декларировали развитие системы просвещения, а в качестве приоритета, с точки зрения классового подхода, выдвигали всеобщее обучение (всеобуч) детей рабочих, батраков и крестьянской бедноты. Историко-педагогические, социально-экономические научные исследования в этой области представлены практически вековой отечественной и зарубежной историографией [1]. Тем не менее, проблематика не только не устаревает, но и актуализируется на перманентных реформаторских «витках» российской системы образования [2].

На протяжении всей истории отечественной школы субъектом ее педагогического и учебно-методического внимания, в большей или меньшей степени, являются слабоуспевающие ученики. В дореволюционный и советский период таких детей оставляли на повторный курс обучения с целью достижения у них удовлетворительного уровня знаний. Эти учащиеся относились к категории «третьегодников» и «второгодников». Низкий уровень и качество усвоения знаний определенным процентом учащихся остается тревожной педагогической проблемой и современ-

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет средств Научного фонда Финансового университета.

ной школы. Ее реализация рассматривается в контексте гуманистического направления, личностного подхода к ученику, развития его индивидуальности средствами нового содержания образования и инновационных технологий обучения [3].

Предметом рассмотрения в данной статье является второгодничество в советской школе и мероприятия ведомства Народного комиссариата просвещения по его преодолению в условиях социально-экономической конъюнктуры второй половины 1920-х – 1930-х гг.

Исследования материально-технического состояния сети школ и уровня обеспечения учебного процесса в восстановительный период 1920-х гг. свидетельствуют, что на школьном образовании большевики вынуждены были экономить. Средства центрального и местного бюджетов выделялись на народное образование по остаточному принципу, использовались возможности его внебюджетного финансирования за счет самообложения родителей, договорных кампаний с населением, шефской помощи, платы за обучение и других видов [4, с. 130–154]. В конце 1920-х гг. в условиях форсированной индустриализации власть активно задействовала все внутренние источники финансирования, в частности, перекачивала их из социально-культурной сферы, оптимизируя и уменьшая расходы бюджета на нее. В системе образования это осуществлялось за счет сокращения инспекторского аппарата местных отделов народного образования, расходов на курсовую подготовку учителей, на транспорт, командировки, замораживания или многомесячных задержек зарплаты учителей [5].

В этом ряду «режима экономии» и секвестра оказался и всеобуч, одним из показателей эффективности которого был уровень второгодничества. В ходе реализации директив первых пятилеток советское правительство рассматривало проблему второгодничества с точки зрения финансово-экономической целесообразности. Ведь большое количество второгодников затрудняло выполнение государственных планов всеобуча в установленные сроки и стоило бюджету дополнительных нерациональных затрат, связанных с увеличением срока повторного обучения учащихся, дополнительными кадрами учителей, школьными помещениями, многосменностью занятий. О том, насколько тема второгодничества вызывала серьезную озабоченность власти, свидетельствует внимание к ней делегатов высшего государственного органа – XIII Всероссийского съезда Советов (апрель 1927 г.). Выступая на заседании, нарком просвещения А.В. Луначарский говорил о второгодничестве как о социально-экономическом препятствии реализации советского всеобуча. По сведениям Наркомпроса, в 1927/1928 учебном году только в начальной школе оставалось около 900 000 второгодников, на которых было потрачено почти 23 млн р.; в школе второй ступени – около 100 000 второгодников, обошедшихся советскому государству примерно в 6 млн р. [6, с. 23]. Съезд констатировал, что второгодничество как элемент всеобуча являлось результатом недостатков педагогической работы отделов образования и оборачивалось экономическим ущербом для народного хозяйства.

Комплексное представление о формах и методах сокращения показателей второгодничества дают Циркуляры комиссариата просвещения, в частности, «О борьбе с второгодничеством», «Об организации нулевых групп», опубликованные в ведомственном Еженедельнике в 1928/1929 учебном году [7, ст. 452, ст. 453]. Наркомпрос исходил из того, что в основе проблем с обучением лежат социально-бытовые причины. Дети из «бедняцкой и рабочей среды» с низким уровнем жизни семей изначально приходят в школу «несколько отставшими в своем развитии» по сравнению со сверстниками из семей служащих или интеллигенции. Ошибка школы состоит в том, что она подходит ко всем ученикам одинаково, и это приводит к высокому проценту второгодников из бедных слоев и их последующему отсеву, то есть преждевременному уходу из школы. А незаконченный курс обучения в школе – это срыв государственных планов всеобуча. В документах подчеркивалась важная роль школы и учителя по своевременному налаживанию связи с родителями, выявлению материального положения семей учащихся с целью перераспределения бесплатных учебников, горячих завтраков в пользу малообеспеченных. Отделам народного образования рекомендовалось в местах «массового скопления бедняцко-батрацких слоев населения» создавать «нулевые группы» в качестве мероприятия по подготовке детей рабочих, батраков и бедняцкой части крестьянства к школе и профилактике возможного второгодничества. Циркуляры обращали внимание на эффективность и полезность общественной работы «кружков взаимопомощи», когда под руководством учителя хорошо успевающие в учебе пионеры и комсомольцы помогают отстающим и в учебное, и в летнее время. При этом Наркомпрос рекомендовал выполнять циркуляр не «по букве, а по смыслу» и не относиться к учащимся формально и безапелляционно, даже если ученик не сдал по двум предметам необходимые зачеты и работы. При всей исключительной важности борьбы с второгодничеством Народный комиссариат призывал не допускать соревнования между школами и группами в отношении снижения процента и показателей количества отстающих. Соревнование должно проходить по линии проведения лучших

и серьезных мероприятий: деятельности кружков взаимопомощи, вовлеченности в эту работу активных и успевающих пионеров, обеспечения отстающих учеников пособиями и письменными принадлежностями, устройства в школе «уголков спокойной и тихой работы» для тех, чьи домашние условия не позволяют готовить уроки.

Местные отделы народного образования и школы по мере своих организационных и материально-технических возможностей расширяли перечень рекомендованных мероприятий по обеспечению нуждающихся учеников обувью, одеждой, завтраками. Учителя на общественных началах проводили с ними дополнительные занятия [8]. В борьбе с второгодничеством школе по-прежнему приходилось противостоять родителям, которые в силу традиционных взглядов, по материальным или бытовым соображениям не пускали детей в школу, оставляя нянчить малолетних, пасти скот, работать в поле, на промыслах. В 1929/1930 учебном году журнал «Народное просвещение» наглядно отражал эту проблему всеобща, называя ее родительским произволом, рекомендовал учителям, в целях предотвращения второгодничества и отсева, своевременно и настойчиво проводить разъяснительную работу с родителями о пагубности их действий. Партийно-комсомольские и профсоюзные руководители, в свою очередь, призывали рядовых членов организаций развернуть широкую общественную кампанию и культпоходы против второгодничества. Раздавались призывы законодательно запретить «малокультурным» родителям забирать детей из школы до ее окончания «без совершенно исключительных причин», доказанных перед вышестоящей инстанцией [9, с. 23–24].

Осенью 1929 г. Наркомпрос возглавил А.С. Бубнов. Принципы его руководства ведомством отражали общегосударственные управленческие тенденции: планирование, администрирование, контроль, ужесточение дисциплины. Уже по итогам 1929/1930 учебного года стали заметны обнадеживающие сдвиги в деле всеобща. В городских школах второгодничество составило 7,4 %, в сельской местности – 8,8 %, отсев учащихся начальных классов сельских школ в среднем сократился на 4–8 % [10, с. 12]. Органы народного образования возлагали серьезные надежды на принятый летом 1930 г. закон «О всеобщем обязательном начальном обучении». Однако ожидания, что с его вступлением в действие сократятся показатели второгодничества и отсева, не оправдались. Директива не была обеспечена соответствующей социально-экономической и материально-технической поддержкой со стороны государства, при этом часть родителей привычно придерживалась патриархальных взглядов на образование.

На протяжении предвоенного десятилетия Народный комиссариат просвещения методично отслеживал динамику и тенденции второгодничества, административно управлял этим процессом, используя методы поощрения и наказания. По итогам 1930/1931 учебного года школа вновь показала высокие цифры отсева (20–30 %) и второгодничества (11–8,5 %) [11, с. 11]. В следующем году, по официальным данным, статистика второгодничества в городских и сельских школах снизилась в среднем на 2–3 %. При этом на обучение второгодников государство по-прежнему тратило большие суммы: около 30 % всего бюджета начальной школы и около 25 % бюджета школы II ступени [12]. В 1932/1933 учебном году Наркомпрос установил допустимую планку второгодничества не выше 1 %, обещав премировать учителей, успешно справившихся с выполнением показателей. Чтобы снизить уровень второгодничества, школам официально разрешили давать задания на лето учащимся, которые не успевали по одному-двум предметам. Если отставание в учебе было ликвидировано, ученика переводили в следующий класс. Тем не менее, второедничество продолжало оставаться серьезной проблемой советской системы образования. В 1934 г. его показатели по начальной школе составляли около 7 %, по неполной средней школе – более 9 %, по средней школе – около 2 % [13, с. 90–91]. В 1936 г. в начальных школах после весенних проверочных испытаний на второй год было оставлено в среднем 11 % учащихся, 4,2 % получили осенние испытания.

Низкая успеваемость и второедничество являлись предметом серьезной партийной критики. Школу обвиняли в том, что она работала с высоким процентом «брака», с низким коэффициентом полезного действия и нерентабельно использовала средства. Так, секретарь Горьковского краевого комитета ВКП(б), выступая на съезде учителей в 1936 г., указывал, что на «удовольствие» повторного обучения школьников из бюджета ушло 19 700 тыс. р. [14, с. 6]. Второгодничество и отсев учащихся из школы были отнесены к неприемлемым недостаткам советской системы образования и раскритикованы летом 1936 г. в постановлении ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов». Наркомат просвещения оперативно реагировал на партийную критику и активно задействовал свой инспекторский аппарат Управления школой для ежегодных проверок краевых, областных отделов народного образования по различным направлениям их деятельности. Только в 1936/1937 учебном году состоялись 134 командировки бригад инспекторов по проверке хода всеобща. На 20 июня 1937 г. по информации из 22 краев и областей РСФСР о количестве учащихся, оставленных на второй год в начальных школах, Наркомпрос располагал следующими сведениями: количество учащихся – 2 425 357; из них второгодников 193 787 (8 % против

11 % в предыдущем году) [15, с. 137]. Дети пропускали занятия из-за материальных трудностей в семье, распространенным фактором был правовой нигилизм родителей относительно выполнения Закона об обязательном всеобуче. В ходе инспекторских проверок вскрывались факты преднамеренного занижения реальных показателей второгодничества. Выяснялось, что отделы народного образования, как правило, не предпринимали мер административного воздействия против родителей, не отпускавших детей в школу, и, опасаясь критики в свой адрес со стороны вышестоящего руководства и последующего наказания, фальсифицировали отчеты.

По итогам инспекторских проверок Наркомпрос заключал, что низкие показатели всеобуча во многом являются результатом не только бесконтрольности школ со стороны отделов народного образования, но и безответственности и недобросовестного отношения к делу учителей. К примеру, при обследовании школ Западной области было обнаружено, что, несмотря на достаточное образование и многолетний стаж работы, учителя в этом регионе имели большой процент второгодников. В отчетах инспекторов приводились примеры, когда в одной из школ из 45 учащихся IV класса 16 человек не выдержали испытаний, 5 человек не явились на испытания. Причину этой неявки ни учителя, ни заведующий школой не знали. Были обнаружены множественные факты сокрытия реального числа второгодников, когда учителя показывали в статистическом отчете школы в 2–3 раза меньше учеников, чем реально было оставлено на второй год. Показательным стало резонансное дело школы № 25 г. Москвы, где учились дети высокопоставленных советских чиновников. Вскрытая там система необъективного завышения оценки знаний учащихся рассматривалась на уровне Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), была раскритикована на страницах центральной печати в мае 1937 г. как наглядный пример «очковтирательства» [16, с. 21].

Сводно-статистические сведения планово-финансового Управления Наркомпроса позволяют увидеть, что показатели второгодничества в республиках и областях разнились. Наиболее благоприятная ситуация успеваемости была в школах Москвы и Ленинграда. Число оставленных там в 1940 г. на второй год сократилось вдвое [17]. Вместе с тем, много тревожной информации приходило из регионов. Например, показатели второгодничества в начальной школе Карелии и Дагестана составляли 10–15 % [18]. В Ростовской области число второгодников возросло на 13,4 %, в Саратовской области в результате весенних испытаний 1940 г. было переведено в следующие классы только 79 % учащихся [19, с. 27–28].

Летом 1940 г. проблема реализации всеобуча рассматривалась на заседании актива Наркомпроса. Назначенный недавно наркомом просвещения В.П. Потемкин подчеркивал, что неуспевающие ученики – это не только армия детей, выбивавшаяся из нормального течения школьной учебы, это – миллионы рублей, выбрасываемые на ветер. Второгодничество рассматривалось как «величайшее зло», позорившее школу и приносящее экономический ущерб стране. Наркомпрос признавал, что в основе такого негативного явления лежали не только педагогические, но, в значительной степени, материально-технические проблемы системы образования, а именно: сохранявшиеся трехсменные занятия, недостаток учебников и письменных принадлежностей, нехватка интернатов для учащихся из отдаленных районов, плохая организация подвоза детей в школу [20]. Скорейшее решение этих вопросов напрямую увязывалось с преодолением второгодничества и достойной реализацией советского всеобуча. Однако события Великой Отечественной войны отодвинули решение множества педагогических проблем.

Ссылки:

1. Мясников В.А., Овчинников А.В., Козлова Г.Н. Историография общеобразовательной школы РСФСР. М., 2013. 184 с.; Овчинников А.В., Козлова Г.Н., Петухова И.В. Власть и общество в развитии общего образования в России (XIX – конец XX века). М., 2019. 230 с.; Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики: сб. ст. Пермь, 2010. 300 с.; Холмс Л. Социальная история России 1917–1941. Ростов н/Д., 1994. 148 с.; Юинг Е.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М., 2011. 359 с.
2. Ялозина Е.А. Ретроспектива отечественного школьного всеобуча. В 2-х томах. Т. 2. Форсированное развитие школьного всеобуча (1930-е гг.). Ростов н/Д., 2017. 152 с.
3. Курепина А.В. Историко-педагогическое исследование проблемы неуспеваемости школьников: дис. ... канд. пед. наук. Таганрог, 2003. 191 с.
4. Ялозина Е.А. Ретроспектива отечественного школьного всеобуча. В 2-х томах. Т. 1. Истоки, генезис, государственная политика всеобуча (X – начало XX вв.). Ростов н/Д. 2015. 220 с.
5. Там же. С. 155–160; 197–200.
6. Народное просвещение. 1929. № 10–11.
7. Еженедельник НКП РСФСР. 1929. № 20.
8. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1849. Оп. 1. Д. 139. Л. 4–6.
9. Народное просвещение. 1930. № 7–8.
10. Там же. С. 12.
11. Коммунистическое просвещение. 1931. № 21.
12. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 30. Д. 1041. Л. 8; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 34. Д. 556. Л. 27.
13. Коммунистическое просвещение. 1934. № 5–6.
14. Докладная записка. Итоги работы начальной школы в 1936/1937 учебном году. Наркомпрос. М., 1937.

15. Итоги работы начальной школы в 1936/37 г. Наркомпрос. М., 1937.
16. Докладная записка наркома просвещения об итогах работы школы в 1936/1937 учебном году. Наркомпрос. М., 1937.
17. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 30. Д. 1041. Л. 8; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 34. Д. 556. Л. 27.
18. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 6842. Л. 13–15.
19. Ростовской области – 70 лет (1937–2007 гг.). Сборник документов. Ростов н/Д., 2007. 560 с.
20. Коммунист. 1940. № 67 (1051). 12 июля.

Редактор, переводчик: Невзорова Наталья Викторовна

УДК 373.24

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.24>

Салькова Алиса Валерьевна

Salkova Alisa Valeryevna

специалист по учебно-методической работе
первой категории отдела аспирантуры
Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена

Specialist in Educational and Methodical Work
of the First Category of the Postgraduate Department,
Herzen State Pedagogical University of Russia

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОПЫТА ВКЛЮЧЕНИЯ МУЗЕЙНОЙ СРЕДЫ В СИСТЕМУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ

THEORETICAL ANALYSIS OF PEDAGOGICAL EXPERIENCE OF INCLUDING MUSEUM ENVIRONMENT IN THE SYSTEM OF EARLY CHILDHOOD (PRESCHOOL) ARTS EDUCATION

Аннотация:

В статье изложен теоретический анализ педагогического опыта по проблеме включения музейной среды в систему художественного воспитания детей дошкольного возраста. Дается представление о понятиях «музей», «музейная среда», «художественное воспитание», «виртуальный музей», «медиатеchnологии», «медиаресурсы», «интерактивный музей», «мини-музей», «коллекционирование», «игровые приемы», «квест-игры», «детский проект», «маршрутные листы», «детские путеводители», «дидактические книги», «рабочие тетради» применительно к дошкольной образовательной организации. Определены варианты, технологии, приемы включения музейной среды в систему художественного воспитания дошкольников. Обозначены механизмы взаимодействия дошкольной образовательной организации с социальными партнерами. Раскрывается содержание направлений взаимодействия субъектов единого музейно-педагогического сообщества. Автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего системного и целостного изучения данной темы в рамках научной теории.

Ключевые слова:

музей, музейная среда, художественное воспитание, цифровой музей, мини-музей, игровые приемы, социальные партнеры дошкольной образовательной организации, музейно-педагогическое сообщество

Summary:

The present study provides a theoretical analysis of pedagogical experience related to the problem of including museum environment in the system of early childhood (preschool) arts education. There is given insight of such concepts as "museum", "museum environment", "arts education", "online museum", "media technologies", "media resources", "interactive museum", "mini-museum", "collecting", "play techniques", "quest games", "children's project", "route sheets", "children's guidebooks", "didactic books", "workbooks" in relation to preschool educational organization. The study identifies options, technologies and methods of including museum environment in the system of arts education of preschool children. There are also determined the mechanisms of interaction between preschool educational institutions and social partners. The content of directions of cooperation between the subjects of a single "museum and pedagogical community" is revealed. The author comes to conclusion that it is necessary to conduct further systemic and holistic study of the present topic within the framework of a scientific theory.

Keywords:

museum, museum environment, arts education, online museum, mini-museum, play techniques, social partners of a preschool educational institution, museum and pedagogical community

Вопросы художественного воспитания детей (формирование эстетической картины мира, развитие творческих способностей и обогащение художественно-эстетического опыта ребенка) не перестают занимать современных исследователей и практиков (Н.А. Ветлугина, Л.С. Выготский, С.М. Каган, А.М. Мелик-Пашаев, Б.М. Неменский, Н.Н. Фомина, Е.А. Флерина и др.). Под художественным воспитанием исследователи понимают воспитание средствами искусства, которое сопряжено с образовательной областью «искусство» [1, с. 336].

В современной педагогической системе координат приобщение детей дошкольного возраста к искусству немыслимо без знакомства с музеем. Он является особым феноменом культуры, способным создать условия для пересечения детского мира с миром искусства. Такая связь способствует развитию кругозора, художественного восприятия, формированию я-позиции и всестороннему обогащению детского опыта.

Художественный музей обладает особым образовательным потенциалом в рамках исследуемой темы и выступает как «территория творчества», где возникают уникальные условия для знакомства с культурным наследием и приобщения к визуально-пространственному языку экспозиции. Художественный музей погружает ребенка в насыщенную переживаниями атмосферу, создавая условия для развития интереса к освоению предметов искусства [2].

Дети дошкольного возраста могут испытывать затруднения в восприятии экспозиции художественного музея. Такие сложности связаны с отсутствием опыта понимания художественного образа. Гармоничное становление подобного опыта возможно только при включении музейной среды в систему художественного воспитания дошкольников.

Музейная среда – это часть воспитывающей, образовательной, творческой социальной среды на базе подлинного музейного предмета, тематических экспозиций [3]. Существуют различные способы включения музейной среды в систему художественного воспитания детей дошкольного возраста. Данный процесс связан с детскими культурными практиками.

Коллекционирование выделяют как одну из культурных практик, которая возникает в период дошкольного детства и сопровождает человека в течение всей жизни. Данное понятие можно рассматривать как «целенаправленное собирательство разнообразных предметов, объединенных по определенным признакам и представляющих художественный и познавательный интерес» [4].

Дети дошкольного возраста имеют особое отношение к коллекциям в отличие от взрослых. Ребенок может собирать самые неожиданные предметы (пуговицы, перья, пробки, камни) и позже с особым трепетом прятать эти сокровища в тайник. Главная ценность такой коллекции не в уникальности экспонатов, а в возможностях для игровой деятельности.

Существуют разные формы организации коллекции: коллективная, домашняя, индивидуальная, эмоциональная, познавательная, социальная. Особым потенциалом для организации коллекций с учетом визуальности и манипулятивности детского коллекционирования обладает интерактивный музей. М.В. Мацкевич рассматривает данную форму через призму диалога посетителя с музейными предметами, музейной средой и атмосферы максимального комфорта. Такая среда предполагает проявление активной позиции ребенка в различных видах детской деятельности [5]. Например, опыт коллекционирования камней в МБДОУ № 84 «Восход» в Калуге позволил создать интерактивный музей «Волшебный мир камня».

Е.И. Мулюкина отмечает следующие ключевые моменты, на которые стоит обратить внимание в процессе организации интерактивного музея в дошкольной образовательной организации.

Возможность реализации различных видов деятельности в пространстве музея, в том числе по отношению к экспонатам.

Необходимость создания условий для поступательного развития умений коллекционирования у детей. В совместной деятельности взрослый постепенно прививает ребенку ряд навыков: сбор материала, оформление коллекции и т. д.

Наличие вариантов для переоформления коллекции – возможны изменения в соответствии с характерными признаками экспонатов.

Коллекционирование как вариант свободного проявления ребенком желаний, замыслов и интересов имеет развивающий эффект, если взрослый поддерживает, сопровождает эту деятельность как культурную практику с позиции единомышленника.

Начальный опыт коллекционирования ребенок может приобрести в привычной и комфортной среде, которую формирует мини-музей. Технология его создания в ДОО широко известна педагогическому сообществу и является актуальной на данный момент. Мини-музеи позволяют решить проблему удаленности учреждения от музеев, культурных достопримечательностей.

В практике дошкольной педагогики процесс организации полноценного музея на территории детского сада представляется затруднительным. Однако мини-музей хотя и будет обладать ограниченной тематикой и скромной экспозицией, он способен стать пространством для решения ключевых задач в рамках реализации требований ФГОС ДО: развитие личности, мышления, речи ребенка и т. д.

Технология создания мини-музея в пространстве школы подробно освещалась в науке (Г.В. Вишина, Е.Ф. Голикова, О.Н. Кокшайская, Н.Л. Кульчинская, Н.П. Макарова). На уровне дошкольного образования эта тема не получила достаточного внимания, а соответствующие исследования носят фрагментарный характер.

Мини-музеи могут быть посвящены различной тематике: «Лучший друг» – о роли животных; «Мой родной город» – об истории города; «Театральные куклы» – приобщение к миру культуры и искусства и т. п. Безусловно, тематика должна быть близка и заманчива для ребенка. В пространстве подобных музеев организуются экскурсии, занятия, встречи с социальными партнерами, в том числе родителями воспитанников. Таким образом, родители задействованы в образовательном процессе уже с позиции не наблюдателя, а полноценного активного участника.

А.М. Вербенец и М.С. Вересова выявили целесообразные педагогические условия создания мини-музея:

– организуется как «оболочка» для детских коллекций и временных выставок по разным темам;

- тематики коллекции должны быть вариативны;
- необходимо использовать особые приемы развития групп умений музейной коммуникации [6].

В процессе организации мини-музея следует учитывать данные условия. Их реализация способствует обогащению музейного опыта детей и гармоничному приобщению к культурному наследию.

При включении музейной среды в систему художественного воспитания детей дошкольного возраста специалисты используют медиатехнологии и медиаресурсы, поскольку данные средства обучения дают возможность задействовать сразу несколько чувственных модальностей – аудиальную, визуальную, аудиовизуальную. Такие методы позволяют создать условия для полноценного восприятия художественного объекта.

Среди подобных технологий особое внимание стоит уделить виртуальному музею, который формирует реальность, совершенно отличную от традиционного представления о музее. Экспозиция такого музея постоянна только в своем развитии, а выставки могут продолжаться годами. Ограничения в реализации данной технологии могут возникнуть только концептуального характера. Также виртуальный музей не связан с реальным помещением, что только подтверждает актуальность использования этой технологии в рамках образовательного процесса ДОО.

Виртуальный музей представляет собой веб-сайт, оптимизированный для музейной экспозиции, которая включает предметы искусства, исторические артефакты, коллекции, реликвии и др. На данный момент уже существуют примеры создания такой музейной формы на базе ДОО: музей «Волшебная пещера», организованный при поддержке Государственного геологического музея им. В.И. Вернадского РАН; международный проект «Русский музей: виртуальный филиал»; Виртуальный музей детства, сотрудничающий с филиалом Башкирского государственного художественного музея им. М.В. Нестерова – выставочным залом «Ижад», и др. [7].

Становится очевидным, что в реализации данной технологии ДОО взаимодействует с социальными партнерами – музеями, школами, вузами, библиотеками. Подобное сотворчество направлено на приближение мира культуры, искусства к ребенку, гармонизацию общественных отношений и является источником педагогических инноваций.

Для эффективного включения музейной среды в систему художественного воспитания детей дошкольного возраста воспитатели, специалисты музейно-педагогической направленности используют особые игровые приемы (ассоциирование с героем, персонажем и личным опытом, обыгрывание предмета и т. п.). Подобные приемы обладают весомым образовательным потенциалом: активизация музейной коммуникации, создание позитивной атмосферы, организация условий для лучшего запоминания и мотивации к посещению музея.

Среди популярных игровых приемов встречаются «оживление» экспоната, придумывание слов-ассоциаций, подбор музыкального (шумового) сопровождения к предмету, «литературная мозаика» и т. д. Особое внимание педагоги уделяют квест-играм, которые направлены на активизацию самостоятельного детского поиска в музейной среде. Такие игры имеют различную форму, но чаще всего эта технология состоит в последовательном передвижении маленьких исследователей от одной локации к другой, где дети демонстрируют разные виды деятельности, что позволяет решить поставленные задачи в рамках данного события [8].

Также реализация и перспективы игровых технологий и приемов динамично исследуются в поле научно-педагогического сообщества. В работах М.В. Мацкевич определен потенциал подобных методик в рамках музея, а также разработаны особые формы игры: дидактическая, игра-поиск, игра-моделирование, игра-самопроекция, ритмическая, сюжетно-ролевая, арт-терапевтическая и т. д. [9]. При проектировании и реализации игровых приемов в процессе включения музейной среды в систему художественного воспитания детей дошкольного возраста необходимо учитывать доминирующую роль объекта или информации о нем во избежание смещения акцента в сторону самой игры (ради развлечения).

Среди современных и часто используемых форм организации деятельности дошкольников следует выделить детские проекты, которые могут быть ориентированы на создание условий для формирования познавательного интереса к музею. На данный момент существуют исследования в области классификации проектов, характеристики проектной работы, проектирования и организации детской проектной деятельности.

В процессе включения музейной среды в систему художественного воспитания детей дошкольного возраста и в рамках реализации музейно-педагогических программ («Мы входим в мир прекрасного», «Детство») организуются проекты по обобщенной теме «музей». Идея подобных проектов должна заключаться в активизации интереса детей к последующему посещению музея. Под «технологией» проектов подразумевается не проведение запланированного мероприятия, а

сопровождение детско-взрослой досуговой деятельности. Это позволяет создать условия для гармоничного восприятия детьми привычки приятного времяпрепровождения в музее.

А.М. Вербенец определяет особо значимые аспекты в организации проектов по теме «музей»: последовательность и событийность, содержательная вариативность, технологический, развивающий, организационно-технологический, мотивационно-результативный, ресурсный, экскурсионный, аспект социального партнерства. Подготовка и реализация детской проектной деятельности в соответствии с упомянутыми аспектами позволяют эффективно использовать музейные технологии, создавать условия для возникновения интереса к миру музея.

Для благоприятного включения музейной среды в систему художественного воспитания детей дошкольного возраста зачастую необходимы особые «средства-помощники», которые стимулируют самостоятельное освоение пространства музея детьми. Такими инструментами могут стать маршрутные листы (активизация «продвижения» детей в пространстве музея и мире «осваиваемых» идей), детские путеводители (представление разнообразной достоверной информации об объектах музея), рабочие тетради, дидактические книги (подготовка к восприятию предметов, передача содержания небольшого объема информации и заданий).

А.М. Вербенец подтвердила эффективность использования маршрутных листов в процессе детской экскурсии: «Значительно улучшаются показатели художественно-эстетического восприятия предмета» [10]. Также этот исследователь выделяет группы требований к данным материалам: к содержательному наполнению, структуре, оформлению. Кроме требований, выделяются и методические правила: начальная ориентация в маршрутном листе, стратегия «вариативности», приемы сопровождения музейной коммуникации и т. п. Работы указанного автора демонстрируют интерес современных детей дошкольного возраста к применению маршрутных листов, усиление их познавательной активности, становление постоянного желания посещать музеи.

Таким образом, анализ педагогического опыта позволил выявить различные варианты включения музейной среды в систему художественного воспитания детей дошкольного возраста.

Музейная среда как часть образовательного пространства ДОО. В дошкольной образовательной организации в рамках исследуемой темы могут быть реализованы коллекционирование, мини-музей, интерактивный музей, виртуальный музей, детские проекты по обобщенной теме «музей», тематический уголок и т. д.

Музей как социальный партнер ДОО. Музей и ДОО могут объединить усилия для совместного оптимального решения педагогических проблем в области обучения, развития и воспитания детей (Т.И. Бабаева, Л.В. Байбородова, Т.А. Нежнова, А.А. Майер). В рамках подобного взаимодействия музей выступает как социальный партнер. При этом музейные работники осуществляют консультирование воспитателей, музейных педагогов ДОО, специалистов, родителей воспитанников по теме знакомства с миром музея, приобщения к культуре; проводят воркшопы, мастер-классы для педагогов и родителей. Таким образом налаживаются профессиональные контакты между субъектами-партнерами.

В пространстве музея, помимо традиционных экскурсий, возможно применение игровых приемов: дидактических игр, игры-поиска, игры-моделирования, игры-самопроекции, ритмических, сюжетно-ролевых, арт-терапевтических, квестов. Также целесообразно представление «успехов» детей посредством подарков музею, сделанных своими руками на тему экспозиции. Это могут быть рисунки, необычные сказки, стихотворения, письма с интересными вопросами.

Музей и ДОО как участники единого музейно-педагогического сообщества. Проблема развития детей средствами музейной педагогики определила появление единого музейно-педагогического сообщества, нацеленного на изучение, определение направлений и проектирование процесса развития детей средствами искусства, усилиями музеев и образовательных учреждений (О.Б. Архипова, Л.М. Ванюшкина, А.М. Вербенец, Г.В. Вишина, Л.А. Неменская, М.В. Мацкевич, Ю.Н. Протопопов, Б.А. Столяров). Подобное взаимодействие можно наблюдать в рамках реализации следующих музейно-педагогических программ:

- «Здравствуй, музей!» (раздел «Мы входим в мир прекрасного») (Б.А. Столяров);
- «Музейный всеобуч» (Е.Г. Ванслова);
- «Воспитание культурой» (Н.Б. Кутыина);
- «Кругозор» (Л.М. Ванюшкина, Л.Ю. Копылова, А.А. Соколова).

«Взаимодействие субъектов осуществляется в нескольких взаимовыгодных для всех участников направлениях:

- диагностическое (совместное изучение особенностей становления художественной культуры современных детей);
- исследовательское (поиск и апробация инновационных форм работы с детьми);
- проектировочное (совместная разработка музейно-педагогических программ, пособий);
- просветительское (информирование субъектов-партнеров);

– образовательное (создание единой образовательной среды)» [11].

Нужно отметить, что большинство исследований, посвященных включению музейной среды в систему художественного воспитания дошкольников и предлагающих теоретическое осмысление актуальных сопутствующих проблем, направлены на точечные аспекты (образовательные технологии, приемы, средства обучения, особенности субъектных проявлений, развитие интереса детей к музею и т. д.). Полувековой опыт исследований на пересечении музейной и дошкольной педагогики обозначил круг вопросов, которые требуют комплексного теоретического осмысления и анализа.

Многие векторы развития механизмов взаимодействия ДОО и заинтересованных социальных партнеров, отчетливо проявившиеся в музейно-педагогической практике, не изучены теоретически. Представляется, что данная тема требует системного и целостного исследования в рамках научной теории.

Ссылки:

1. Гогоберидзе А.Г., Солнцева О.В. Дошкольная педагогика с основами методик воспитания и обучения : учебник для вузов. СПб., 2013. 464 с.
2. Вербенец А.М. Приобщение старших дошкольников к изобразительному искусству в условиях взаимодействия ДОО и музея // Педагогика искусства. 2011. № 2. С. 16–34.
3. Решетникова М.И., Мугуев Г.И. Музейная среда в пространстве образовательного диалога // Высшее образование сегодня. 2011. № 5. С. 84–88.
4. Мулюкина Е.И. Культурная практика коллекционирования как способ накопления экспонатов для создания интерактивного музея в ДОО // Вопросы педагогики. 2020. № 3. С. 154–158.
5. Мацкевич М.В. Интерактивность в музее: прямая и обратная перспектива // Музейный просвет : сборник статей. СПб., 2009. С. 134–141.
6. Вербенец А.М., Вересова М.С. Особенности и направления развития умений музейной коммуникации у старших дошкольников в условиях мини-музея // Герценовские чтения. Художественное образование ребенка: стратегии будущего : сборник докладов VI Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2020. Т. 6, вып. 1. С. 55–59.
7. Фарфоровская Е.Г., Сотникова Л.В. Использование возможностей виртуального музея в работе с детьми дошкольного возраста // Традиции и новации в дошкольном образовании. 2018. № 4. С. 4–6.
8. Халикова К.К. Занятие в музее как средство формирования универсальных познавательных компетентностей детей старшего дошкольного возраста // Интерактивная наука. 2017. № 2 (12). С. 112–115. <https://doi.org/10.21661/r-117852>.
9. Мацкевич М.В. Указ. соч.
10. Вербенец А.М. Особенности восприятия и использования музейных маршрутных листов и детских путеводителей старшими дошкольниками // Герценовские чтения. Художественное образование ребенка. СПб., 2015. Т. 1, вып. 1. С. 133–139.
11. Вербенец А.М. Приобщение старших дошкольников...

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Герасимова Валентина Евгеньевна

Хубешты Елена Геннадьевна

Khubeshty Elena Gennadievna

соискатель кафедры дошкольного образования
Северо-Осетинского государственного
педагогического института

External PhD student,
Department of Preschool Education,
North Ossetian state pedagogical Institute

КУЛЬТУРА ЗДОРОВЬЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К РЕАЛИЗАЦИИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДОШКОЛЬНО- ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

HEALTH CULTURE AS AN INDICATOR OF STUDENTS' PREPARATION FOR THE IMPLEMENTATION OF HEALTH-SAVING TECHNOLOGIES IN THE PRESCHOOL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Аннотация:

В работе показано, что в современном обществе здоровье занимает значимое место в системе человеческих ценностей, что определяет задачи профессионального образования, которые направлены на формирование здорового образа жизни и безопасной среды для обучающихся. При этом культура здоровья, заключающаяся в образованности по вопросам здоровья и здорового и безопасного образа жизни, в сформированных умениях строить процесс воспитания и навыках формирования, сохранения и укрепления как собственного здоровья, так и воспитанников, представляется важным показателем готовности студентов – будущих педагогов дошкольного образования – к реализации здоровьесберегающих и здоровьесберегающих технологий в образовательной среде. В статье представлены результаты исследования отношения к здоровью студентов педагогического вуза, согласно которым большинство студентов – будущих педагогов дошкольного образования – характеризуются средними показателями отношения к здоровью на всех уровнях: когнитивном, эмоциональном, ценностно-мотивационном и поведенческом. Выявлены студенты с низкими показателями отношения к здоровью, что определяет задачи в профессиональной подготовке студентов по повышению их культуры здоровья, направленные на сохранение и приумножение здоровья участников образовательного процесса.

Ключевые слова:

здоровье, культура здоровья, здоровьесберегающие технологии, здоровьесберегающие технологии, отношение к здоровью, профессиональные компетенции, профессиональная подготовка, студенты

Summary:

The paper shows that in modern society, health occupies a significant place in the system of human values. It determines the tasks of professional education aimed at the formation of student's healthy and safe lifestyle. Health culture can be considered as an indicator of students' readiness to implement health-saving and health-developing technologies in the preschool educational environment. It is reflected in education in health issues and a healthy lifestyle, possession of a set of ways to form, preserve and strengthen their own health, the ability to effectively build the process of educating a health culture and use health-saving technologies. The article presents the results of a study of pedagogical university students' attitude to health, according to which, the majority of students, who are future teachers of preschool education, are characterized by average indicators of attitude to health at the cognitive, emotional, behavioral and value-motivational levels. Students with low indicators of attitude to health have been identified. The following determines the tasks, aimed at preserving and increasing the health of participants of the educational process, in the professional training of students on improving their health culture.

Keywords:

health, health culture, health-saving technologies, health-developing technologies, attitude to health, professional competencies, professional training, students

Одной из приоритетных задач современного образования является воспитание гармоничной личности, что заключается в успешности, социальной активности, в физическом и духовном развитии. Основные положения, касающиеся защиты и охраны здоровья детей, находят свое отражение в нормативных актах и законодательно закреплённых документах международного и государственного уровней. К примеру, в Конвенции о правах ребенка в статье 6 указывается, что «каждый ребенок имеет право на жизнь и здоровое развитие» [1]. В Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования приводятся требования к реализации направления педагогической деятельности по сохранению и укреплению здоровья детей [2], где обосновываются требования к формированию профессиональных компетенций по способности и готовности создавать психологически комфортную и безопасную образовательную среду, направленную на сохранение и укрепление здоровья детей, с учетом социально-экономических прав и свобод личности.

Исходя из этого, необходимо готовить будущих педагогов дошкольного образования к выполнению вышеобозначенных задач в профессиональной деятельности.

Отметим, что проблема здоровьесбережения в условиях образования раскрывалась Е.А. Багнетовой, Р.А. Березовской, В.И. Бондиным, Н.А. Жмыховой, К.П. Зайцевой, М.О. Зотовой, А.А. Ивановской, Г.Ф. Карповой, А.В. Лысенко, В.И. Мареевым, А.В. Пелиховой, И.А. Пономаревой, Н.А. Рыбачук, В.В. Сериковым, Н.К. Смирновым и др.

Большинство исследователей схожи во мнении о том, что качество современного образования невозможно рассматривать в отрыве от позиции здоровьесбережения. При этом здоровьесберегающее образование должно строиться по принципу комплексности с использованием таких педагогических технологий, которые нацелены на совместную творческую деятельность всех участников образовательно-воспитательного процесса, а также учитывать не только возрастные, но и психологические и физиологические особенности субъектов данного процесса.

Традиционный подход в педагогике характеризуется разноплановостью в понимании здоровьесберегающих технологий (ЗОТ). Но, если опираться на методологические положения, выдвинутые В.В. Сериковым, то здоровьесберегающая педагогическая деятельность отличается совершенно новым подходом построения взаимодействий процессов воспитания и образования в рамках образовательно-воспитательного процесса, направленного на обеспечение психологически комфортного пространства и реализацию педагогических технологий по сохранению и укреплению здоровья всех его субъектов [3].

Развивая данные идеи, Н.К. Смирнов обосновывает, что здоровьесберегающие технологии должны представлять собой комплексные системы психолого-педагогических и организационных методов и технологий, построенных на научно-методологической основе, отражающей акценты на сохранение и укрепление здоровья обучающихся при формировании культуры здоровья у всех субъектов образовательно-воспитательного процесса [4].

В педагогической теории мы находим разночтения в трактовании термина «здоровьесберегающие технологии». Многие исследователи подчеркивают значимость педагогического потенциала в развитии культуры здоровья, исходя из чего вводят понятие «здоровьеразвивающие педагогические технологии» [5], что обуславливает необходимость создания образовательной среды, направленной на развитие, сохранение и укрепление здоровья всех участников образовательно-воспитательного процесса.

В современной педагогике профессионального образования цели реализации педагогических технологий здоровьесбережения и здоровьесформирования характеризуются разнообразием и взаимообуславливаемостью. Среди них отметим основные:

- разработка и трансляция представлений о здоровье;
- формирование культуры здоровья, сопровождающееся развитием мотивации к коррекции образа жизни с целью укрепления и сохранения здоровья;
- разработка и реализация мониторинга и диагностики уровня здоровья, а также прогнозирование его динамики;
- овладение современными здоровьесберегающими и здоровьеразвивающими технологиями, умениями их самостоятельного использования;
- реализация индивидуальных оздоровительных программ;
- создание условий для профессионального роста в овладении как теоретическими знаниями, так и практическими навыками в здоровьесберегающем сопровождении образовательного процесса, а также для внедрения здоровьесберегающих и здоровьеразвивающих технологий в учебно-воспитательную среду образовательного учреждения.

Теоретический анализ показал, что современные концепции образования содержат здоровьесберегающие и здоровьеразвивающие технологии, внедряемые в образовательное пространство на основе принципов гуманизации и реализации здравоцентристской парадигмы развития человека третьего тысячелетия, называемого эпохой расцвета культуры здоровья [6].

Здоровьесберегающая среда образовательных учреждений, деятельность которых направлена на подготовку будущих педагогов, сочетаясь с другими факторами профессионального образования, способна обеспечить формирование культуры здоровья и сопряженные с ней установки на здоровый образ жизни у обучающихся студентов [7], которые в будущем будут использовать здоровьесберегающие и здоровьеразвивающие технологии в своей профессиональной деятельности [8].

Мы, разделяя точку зрения Е.А. Багнетовой, считаем, что основой формирования культуры здоровья у участников образовательного процесса является создание здоровьесберегающей среды, которая будет «втягивать» обучающихся в сферу здоровья до уровня стереотипа здоровьесберегающего поведения. Исходя из этого, можно сказать, что «воспитание культуры здоровья – это процесс рефлексивной выработки стереотипа поведения обучающегося, направленный

на обеспечение развития личности как субъекта оздоровительной деятельности в соответствии с его интересами, склонностями, способностями, ценностными установками на самосохранение здоровья, а также стремление передачи знаний, умений и навыков обоснованного ведения здорового образа жизни» [9, с. 176].

Подобное целеполагание в профессиональной подготовке студентов разделяет основные положения современных концепций образования, которые рассматривают здоровье как одну из наивысших ценностей общества и личности в отдельности. При этом необходимо отметить, что включение ценности здоровья в систему не должно быть абстрактно. Требуется выведение ее в ценность-цель, достижение которой требует постоянной и целенаправленной педагогической деятельности, переходящей в насущную потребность.

Данные размышления привели к необходимости диагностики уровня культуры здоровья через выявление особенностей отношения к здоровью у студентов – будущих педагогов дошкольного образования.

С помощью опросника «Отношение к здоровью» Р.А. Березовской [10] мы анкетировали 60 студентов, обучающихся в ГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный педагогический институт» (г. Владикавказ) по направлению подготовки – 44.03.01 «Педагогическое образование», профиль «Дошкольное образование».

В результате исследования выявили данные, которые позволяют говорить об уровне адекватности отношения к здоровью у опрошенных респондентов (табл. 1).

Таблица 1 – Распределение показателей отношения к здоровью студентов педагогического вуза, %

Уровень отношения к здоровью	Высокий	Средний	Низкий
Когнитивный	23,3	48,4	28,3
Эмоциональный	21,7	60,0	18,3
Поведенческий	30,0	46,7	23,3
Ценностно-мотивационный	21,7	63,3	15,0

Как мы видим из таблицы 1, на когнитивном уровне отношения к здоровью 28,3 % студентов характеризуются слабой осведомленностью о культуре здоровья и низкой компетентностью в вопросах сохранения и укрепления здоровья. У этих респондентов не сформированы знания об основных факторах риска и антириска здоровьесбережения, они не осознают значимости здоровья в обеспечении активной и продолжительной человеческой жизни. 23,3 % студентов, напротив, обладают осведомленностью относительно ценности здоровья и важности его сохранения, они компетентны в сфере здоровья и обладают знаниями о факторах риска и антириска при сохранении и укреплении здоровья, осознают ценность здоровья в обеспечении активной, полноценной и продолжительной человеческой жизни. Остальные 48,4 % студентов характеризуются средним уровнем когнитивного показателя отношения к здоровью.

Низкими показателями эмоционального уровня отношения к здоровью характеризуются 21,7 % студентов. Они не проявляют тревожность по поводу сохранения и укрепления своего здоровья, также для них не характерны состояния наслаждения и радости относительно собственного здоровья. Другая крайность, отражающая чрезмерное беспокойство и тревогу относительно своего здоровья, выявлена у 18,3 % студентов. На среднем уровне, характеризующимся адекватностью, что проявляется в оптимальном уровне тревожности относительно своего здоровья и сопровождается умениями радоваться и наслаждаться состоянием здоровья в умеренной степени, выявлено 60 % студентов.

Рассмотрим распределение уровня отношения к здоровью на поведенческом уровне. 30 % студентов не характеризуются соответствием действий и поступков требованиям, отражающим представления и установки здорового образа жизни. Напротив, 23,3 % выборки чрезмерно озабочены соблюдением требований ЗОЖ. Остальные 46,7 % проявляют адекватность на поведенческом уровне отношения к здоровью, соблюдая основные требования, необходимые для сохранения и укрепления здоровья.

На ценностно-мотивационном уровне отношения к здоровью 15 % студентов обладают показателями высокой значимости здоровья как человеческой ценности в системе ценностных ориентаций (в частности, терминальных), что определяет высокую степень мотивации на сохранение и укрепление здоровья. Напротив, 21,7 % выборки проявляют беспечность в этом отношении и не рассматривают здоровье как высшую человеческую ценность, не стремятся к его сохранению и укреплению. 63,3 % респондентов характеризуются адекватными показателями отношения к здоровью на ценностно-мотивационном уровне, для них здоровье является значимой человеческой ценностью.

Таким образом, большинство студентов современного педагогического вуза характеризуются адекватной степенью отношения к здоровью как на когнитивном, так и на эмоциональном, ценностно-мотивационном и поведенческом уровнях, что проявляется в некоторой относительной осведомленности и компетентности в сфере здоровья, тревожности по поводу состояния своего здоровья и сопровождается умениями радоваться и наслаждаться состоянием здоровья при соблюдении основных требований, необходимых для его сохранения и укрепления. Согласно результатам проведенного исследования более одной пятой части студентов педагогического вуза, принявших участие в исследовании, имеют низкие показатели отношения к здоровью. Опираясь на воззрения А.А. Ивановской о том, что студенты являются весьма динамичной социальной группой, характеризующейся процессами формирования физиологической, психологической и социальной зрелости, способны быстро адаптироваться к различным факторам как природного, так и социального контекста, но при этом представляют собой наиболее уязвимую категорию населения, подверженную высокому риску нарушений в показателях здоровья [11], необходимо усилить работу по оптимизации влияния образовательной среды на личность студентов, особенно на когнитивном и поведенческом уровнях, повышая показатели культуры здоровья и отношению к нему. При этом отметим, что забота и охрана здоровья обучающейся молодежи с помощью педагогического арсенала обусловлена установками педагогов, работающими со студентами, на формирование здорового образа жизни, что связано с их уровнем культуры здоровья. В связи с этим воспитание культуры здоровья становится одним из приоритетных направлений в индивидуальном психолого-педагогическом развитии студентов. Следовательно, опираясь на результаты данного исследования, можно разрабатывать модели и программы развития культуры здоровья студентов педагогического вуза как трансляторов идеологии здорового образа жизни, а также установок на формирование безопасной образовательной среды, что выступит перспективой нашего исследования.

Ссылки:

1. Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 21.03.2021).
2. Приказ Минобрнауки РФ от 17 октября 2013 г. № 1155 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования». [Электронный ресурс]. URL: http://минобрнауки.рф/.../12.02._% (дата обращения: 21.03.2021).
3. Сериков В.В. Обучение как вид педагогической деятельности: учеб. пособие для вузов / под ред. В. А. Сластенина, И.А. Колесниковой. М., 2008. 256 с.
4. Смирнов Н.К. Здоровьесберегающие образовательные технологии и психология здоровья в школе. М., 2005. 315 с.
5. Там же.
6. Жмыхова Н.А. Культура здоровья студентов и технология ее формирования, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/npo-spo/obrazovanie-i-pedagogika/library/2019/11/30/kultura-zdorovya-studentov-i-tehnologiya-eyo> (дата обращения: 21.03.2021) ; Зотова М.О. Проблема здоровьесбережения личности в образовательном процессе // Вестник университета ГУУ. Серия : Социология и управление персоналом, 2008. № 12 (50). С. 60–62 ; Пелихова А.В., Зайцева К.П. Подготовка педагогов дошкольного образования к осуществлению здоровьесберегающей деятельности // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров, 2018. С. 84–89 ; Рыбачук Н.А. Теория и технология формирования культуры здоровья студентов : дис. ... д-ра пед. наук. Краснодар, 2003. 519 с.
7. Бондин В.И., Карпова Г.Ф., Лысенко А.В., Мареев В.И., Пономарева И.А., Толстокора О.Н. Культура здоровья молодежи [Электронный ресурс]: монография. М., 2018. URL: <https://izd-mn.com/30mnnpm18.html> (дата обращения: 21.03.2021).
8. Багнетова Е.А. Культура здоровья студентов педагогического вуза как необходимое условие будущей профессиональной деятельности // Успехи современного естествознания, 2004. № 4. С. 175–176.
9. Там же. С. 176.
10. Березовская Р.А. Отношение к здоровью // Практикум по психологии здоровья / под ред. Г.С. Никифорова. СПб., 2005. С. 100–110.
11. Ивановская А.А. Формирование культуры здорового образа жизни студентов в условиях здоровьесберегающей системы образования, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://infourok.ru/formirovanie-kulturi-zdorovogo-obraza-zhizni-studentov-v-usloviyah-zdorove-sberegayuschey-sistemi-obrazovaniya-664914.html> (дата обращения: 21.03.2021).

Редактор: Шушанян Наринэ Суреновна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна

УДК 372.878-057.874

<https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.26>

Каракаш Юлия Юрьевна

Karakash Yulia Yurievna

аспирант, старший преподаватель кафедры
музыкальных инструментов и сольного пения
Института культуры и искусства
Дагестанского государственного
педагогического университета

PhD Student, Senior Lecturer,
Instrument and Solo Singing Department,
Culture and Arts Institute,
Dagestan State Pedagogical University

ФОРМИРОВАНИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА МАТЕРИАЛЕ ДАГЕСТАНСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКИ

FORMATION OF MUSICAL CULTURE IN YOUNGER SCHOOLCHILDREN WITH DAGESTAN PROFESSIONAL MUSIC

Аннотация:

Рассматриваются особенности формирования музыкальной культуры школьников средствами народного фольклора. Дагестанская профессиональная музыка своими корнями связана с этническим составом, культурой, особенно музыкальным фольклором горного края. Фольклор понимается как душа народа. Необходимым условием в подготовке подрастающего поколения является использование знаний этномызыки и осмысления своего места в системе цивилизации. На развитие музыкальной культуры школьников влияют этнические, национально-региональные особенности, которые необходимо учитывать в процессе обучения музыке. Музыкальная культура школьника определяется как целостное образование, включающее: целенаправленную музыкально-творческую деятельность, мотивированную музыкальную нравственность, музыкальную грамотность, музыкальность. Одним из условий формирования музыкальной культуры школьников является приобщение их к национальному профессиональному искусству.

Ключевые слова:

этнокультура, этномызыка, Дагестан, воспитание, личность, фольклор, музыкальная культура

Summary:

The features of the formation of the musical culture of schoolchildren by means of folklore are considered. Dagestan professional music is rooted in ethnic composition, culture, especially musical folklore of the mountainous region. Folklore is understood as the soul of the people. A prerequisite for the training of the younger generation is the use of the knowledge of ethnomusic and understanding their place in the civilization. The development of the musical culture of schoolchildren is influenced by ethnic, national and regional characteristics, which must be taken into account in the process of teaching music. The musical culture of a student is defined as a holistic education, which includes purposeful musical and creative activity, motivated musical morality, musical literacy, musicality. One of the conditions for the formation of the musical culture of schoolchildren is their introduction to the national professional art.

Keywords:

ethnic culture, ethnic music, Dagestan, education, personality, folklore, musical culture

Дагестанская профессиональная музыка своими корнями связана с этническим составом, культурой и особенно музыкальным фольклором горного края. Для формирования личности с музыкальной культурой нужна целенаправленная деятельность субъектов педагогического процесса, содержательно представляющая собой формирование знаний, умений и качеств, характеризующих личность. В социальной среде личность школьника воспитывается и без учета всех ее особенностей, компонентов, влияющих как положительно, так и отрицательно на процесс формирования [1].

Решая задачи формирования личности школьника, школа находится в особых условиях, которые определяют принципы ее работы. На процесс воспитания оказывают влияние социально-экономические, культурно-бытовые, педагогические условия региона. На формирование школьника влияют к тому же природные факторы, а также при формировании музыкальной народной культуры учитывается нравственный и эстетический опыт народа.

Музыкальная культура школьника определяется нами как целостное образование, включающее:

- целенаправленную музыкально-творческую деятельность;
- мотивированную музыкальную нравственность;
- музыкальную грамотность;
- музыкальность.

Музыкальная культура младшего школьника выступает как единство способностей, музыкально-эстетических знаний, навыков, поведения, чувств, оценок. Она формируется в процессе

активной музыкальной деятельности. В пении, во время слушания музыки, в игре на музыкальных инструментах учащиеся знакомятся с музыкальными произведениями, получают знания, приобретают навыки и умения, необходимые для осознанного восприятия и исполнения. Каждый раздел урока музыки, любой вид музыкальной деятельности способствует формированию музыкальной культуры у школьников.

Важным условием развития музыкальной культуры младших школьников является включение во все виды музыкальной деятельности произведений мирового музыкального наследия. На развитие музыкальной культуры школьников влияют этнические, национально-региональные особенности, которые необходимо учитывать в процессе обучения музыке. Одним из условий формирования музыкальной культуры школьников является приобщение их к национальному профессиональному искусству.

Музыкальный народный фольклор занимает важное место в духовной жизни народа. От отцов к детям передавались нравственные нормы поведения, накопленные в бытовых, семейных отношениях, которые имели большое значение в формировании мыслей и идеалов [2].

Изучением процесса зарождения и становления фольклора, обычаев, традиций, праздников и обрядов занимались исследователи М.С. Акимов, М.А. Булатов, Н.Н. Миклашевская, Б.А. Калоев, Л.И. Лавров.

Музыкальный народный фольклор, традиции, обычаи содействуют в формировании мыслей и чувств народа.

По нашему мнению, для решения проблем формирования личности с музыкальной культурой необходимо не только оптимальное использование этнокультурных, этнопедагогических основ (для изучения соответственно традиционной культуры и педагогических систем), но и привлечение этноастрономии, этноискусствоведения, этномузыкологии, этноорганологии и т. д.

Изучение музыкальной, искусствоведческой литературы показывает, что фольклорные жанры связаны с образом жизни народа. Без традиционной народной культуры и фольклора этносу существовать невозможно. Сегодня мировым сообществом осознана жизненная необходимость выявления, сбора, записи, изучения и правильного использования самых лучших памятников этномузыки, народного фольклора, культурных традиций народов мира.

Необходимым условием подготовки подрастающего поколения является использование знаний этномузыки и осмысление своего места в системе цивилизации. Осмысление подрастающим поколением культурных традиций и структуры является эффективным механизмом самосовершенствования каждого этноса.

Фундаментом для овладения этномузыкой, народным фольклором, этнокультурой стали собранные этномузыкологами, этнографами, фольклористами бесценные аудиоколлекции народного фольклора, этномузыки и этноинструментария. Однако в результате отсутствия необходимого ухода и реставрации образцов этнотворчества исчезают редчайшие произведения этнокультуры каждого народа [3].

Описанные проблемы актуальны и для Дагестана, в котором взаимодействуют немалое количество этнокультур. Народы Дагестана на протяжении тысячелетий народной культурой доказали жизнестойкость в структуре всемирной истории, культуры, этномузыки.

Каждая многонациональная народная музыкальная культура имеет две точки отсчета исторического периода. Первая – это музыка, рассматривавшая творчество композитора. В особом своем разнообразии – будь то этномузыка, народный фольклор или различные виды мастерства (музыкальное искусство, народное творчество отдельных известных деятелей) – этот пласт накапливается в нашем сознании как музыкальная «частица» народа [4].

Вторая точка отсчета – зарождение композиторских школ, следствием чего является появление жанров профессионального искусства. Исследования последних лет позволяют высказать мнение о том, что в недрах народного творчества Дагестана еще до начала XX в. складывались многие виды профессионального искусства, в том числе и музыкального.

Реальное содержание национального наследия народов Дагестана настолько масштабно и убедительно, что не нуждается в специальных мотивациях. Это тем более очевидно теперь, в разгар оживленного и плодотворного процесса переосмысливания духовной эволюции народов, выявления, освоения и обнародования новых пластов интеллектуального потенциала предков, представленного в незаурядных человеческих личностях, в широком спектре индивидуального мышления, оригинальных идейных и творческих созданиях, ярких памятниках устной и письменной словесности, по праву относящихся к разряду общечеловеческих ценностей. Безусловно, процесс этот одухотворен небывалым взлетом национального самосознания и повышенным интересом к национальному историко-культурному прошлому, что так характерно для нашего времени.

Анализ художественного наследия помогает выявить известное единство художественно-эстетического мышления народов Дагестана, позволяет говорить о том, что музыкальная культура,

несмотря на имеющиеся локальные отличия, своеобразие и специфику каждого конкретно-национального проявления, в целом, в своей основе составляет единую художественную систему. На это обстоятельство обращают внимание исследователи памятников духовной культуры, художественного наследия и культурных традиций прошлого дагестанских народов М.М. Ихиллов, С.С. Агаширинова, А.И. Исламмагомедов, М.А. Агларов, С.Ш. Гаджиева, М.О. Османов, А.Г. Пашаева, и др.

Так, общепризнанно, что памятники фольклора всех дагестанских народов по социальной направленности, тематике и сюжетным формам, образно выразительным элементам имеют много общего. Как правильно отмечено известными исследователями дагестанского фольклора, многие эпические и героико-исторические песни, произведения народной лирики не имеют национальных границ. При этом редкостным многообразием, глубокой оригинальностью и самобытностью отмечено музыкальное и хореографическое творчество дагестанских народов. Но при всем их многообразии, наличии отличительных особенностей образцов хореографического творчества, песенных жанров, музыкальных народных мелодий, многонациональных инструментов есть возможность говорить об объединении народной, музыкальной и хореографической культуры народов Дагестана [5].

Известный дагестанский композитор Г.А. Гасанов, говоря о многообразии и богатстве горской музыкальной культуры, отмечал: «Ритм всех дагестанских песен характеризуется частой сменой двухдольного и трехдольного размеров, а лад многих песен – частой сменой мажора и минора» [6]. Он также указывал, что дагестанские народные музыкальные песни и мелодии содержат куплетную форму с двухчастной мелодией, кроме того, им свойственен дорийский лад.

К таким же выводам, позволяющим говорить об общих чертах музыкального творчества дагестанских народов, пришли композиторы С.А. Керимов, Х.Н. Ханукаев и М.П. Плоткин.

Н. Капиева писала: «Песенное творчество Дагестана складывается на протяжении веков, знает все жанры, все поэтические формы, присущие развитому фольклору. Обширен героический эпос. Циклы исторических песен охватывают важнейшие события прошлого. Видное место занимают отличающиеся высокими поэтическими достоинствами баллады. Бесконечно богата у всех народов Дагестана любовная лирика. Разнообразны игровые, шуточные трудовые и обрядовые песни, колыбельные и детские песенки» [7]. Немаловажное место занимают лирические, драматические баллады.

Несмотря на отдельные отличия в творчестве народов Дагестана, общие черты подтверждают то обстоятельство, что в целом, дагестанская мелодика и гармония развивались в тесном взаимодействии и взаимно обогащали друг друга. Так зародились основные выразительные средства, которые свойственны музыке всех народов. Характерные ритмы музыки танца «Лезгинка» постепенно проникали в песни самого различного характера: венчальные, героико-эпические, лирические и шуточные. Тенденция к упрочению общности музыкальных культур, начиная с рубежа веков и до наших дней, ярко проявляется во взаимопроникновении песенного творчества, когда песни одних народов с любовью исполняются другими народами, порою входят в их художественную традицию. Многие популярные песни, музыкальные мелодии, танцевальная музыка стали общедагестанскими, одинаково близкими, своими для всех народов многонационального Дагестана. Специфичность и особенность локально-национальных проявлений общедагестанского больше всего прослеживается в своеобразии музыкальных мелодий, в их ладовой, интонационной, ритмической основе, особенностях музыкально-ритмических элементов и танцевальных движений народной хореографии, в языковой форме словесного творчества.

Значительное место в народнопоэтическом творчестве многонационального дагестанского народа занимает богато разветвленный героический эпос горцев, легендарные и исторические сказания, героико-исторические песни и др.

В эпосе и лирике дореволюционного Дагестана особенного внимания заслуживают песни, посвященные многовековой борьбе горцев против восточных завоевателей. Наиболее близки к нашему времени песни о борьбе с иранским захватчиком Надир-шахом. Чувство братства племен и помощи соседских народов является основой эпических песен почти всех народов Дагестана. В эпических песнях о народной борьбе с иноземными восточными завоевателями отражена мысль о глубоком уважении к женщинам, участвующим в сражениях наряду с мужчинами, о любящих матерях, подругах и сестрах.

В лакском героическом эпосе женщина также предстает как предводитель боев с иноземными захватчиками (образ Парту-Патимы – женщины-воительницы).

Среди героических легенд народов Дагестана внимание многих исследователей привлекала песня о Хочбаре – легендарном герое военного общества Гидатль, боровшемся против Хунзахских нуцалов.

В Дагестане, как и у многих других народов, встречается определенная группа легенд и преданий, в которых объясняется происхождение ряда мелодий народных песен. Внутри некоторых прозаических произведений сохранились песенные тексты, сопровождающие мелодии.

Среди дагестанских прозаических произведений, связанных с мелодией, значительную часть составляют легенды. К таким легендам дагестанский фольклорист Х.М. Халимов относит лакские легенды «О юноше под скалою», «Дочь мельника», даргинскую легенду «Об Андийском озере». У горцев Дагестана много легенд, отражающих культ камня («О каменном мальчике», «О женщине, превратившейся в камень», «О сумбатлинском камне»), мотивы превращения в дерево («Хосрехские деревья», «Юноша из Кумуха и девушка из Азайни»). В этих песнях-легендах и балладах много эпического движения, в них разрабатывается тема верности и дружбы, создан яркий образ влюбленного, которого даже смерть не может разлучить с любимой. Такова тема последней песни о юноше из горного Кумуха и девушке из старинного селения Азайни (есть варианты этой песни у аварцев, даргинцев и лакцев) [8].

Любовь к жизни является характерной чертой горской народной лирики. Славословие жизни и любование прекрасным для нее органично и проявляется в подлинно поэтических формах. И, тем не менее, тяжелые условия жизни в начале XX в. четко окрашивали песню в печальные тона. Драматичны созданные лакскими народными певцами образы Давди из аула Балхар, бедной девушки Баху.

Среди горцев Дагестана славились военные песни, воспевающие героизм и отвагу воинов. О силе песни говорит и тот факт, что у народов Дагестана существовали особые песни, которые исполнялись у постели раненого или больного горца. Они развлекали его, вселяли в него дух бесстрашия, стойкости.

Так, кумыкское предание о силе музыки и песни связано с именем известного певца Ирчи Казака. Ирчи Казак, прирожденный музыкант, виртуозно владевший агач-кумузом, слагал песни о Счастье, Удаче, о судьбах простых людей в народной трактовке.

В самом начале XX в. народная поэзия горцев пополнилась произведениями, продолжавшими традиции старинной, богатой всеми оттенками чувств горской лирики. Эти произведения создали даргинец Батырай и аварец Махмуд. Задушевные песни о любви, созданные Батыраем и Махмудом, образ любимой, окрашенный романтикой новых чувств, освещают сознание горца новым, истинно гуманистическим отношением к женщине. Посвящение всей своей лирики одной, на всю жизнь избранной возлюбленной, и одной теме неудовлетворенной любви дало Н. Тихонову повод назвать Махмуда «кавказским Блоком».

В лезгинской поэзии творцами нового направления были Сулейман Стальский и Тагир Хрюгский, в аварской – Гамзат Цадаса, в кумыкской – Абдулла Магомедов, в даргинской – Азиз Имангаев.

Поэты Дагестана в своих песнях стремились всеми творческими усилиями помочь переустройству жизни и быта горцев, воспитать людей в духе гуманистических идеалов. Таким образом, отмеченный выше интерес к жизненным первоисточникам музыки особенно активно проявился в изучении и творческом развитии народно-национальных музыкальных культур народов Дагестана. Прикосновение к еще нетронутым профессиональной музыкой элементам фольклора является способом совершенствования искусства: с одной стороны, возрастает истинность в выражении действительно национального, а с другой – благодаря характерным стилистическим элементам происходит процветание этномызыки.

Становление дагестанского народного творчества заключается в соединении традиций народного музыкального фольклора и овладении музыкальной культурой. Широкое развертывание собирательской деятельности и серьезное изучение национального фольклора началось в Дагестане лишь после революции. Появившиеся в последующие десятилетия фольклорные сборники и исследования Г. Гасанова, С. Керимова, Х. Ханукаева, С. Агабабова, Ш. Галаева дают в целом некоторое общее представление о тех богатых и многообразных истоках, которыми питается современное музыкальное творчество Страны гор.

Большой вклад в подготовку музыкальных кадров из местных национальностей внесли педагоги Е.А. Юдина, Х.М. Ханукаев, Г.Ф. Тамлер, И.Н. Варшавский, Е.А. Зусер.

Возникновение и развитие современных форм профессионального композиторского творчества у многих наций и народностей, знавших в прошлом лишь искусство устной традиции, – один из важнейших и характерных процессов в истории музыкальной культуры XX столетия. Центральное место в этом процессе занимают художественное наследие и творческая деятельность композиторов, делавших первые шаги в создании профессионального искусства. В Дагестане с этим процессом связаны имена Г.А. Гасанова – основоположника дагестанской профессиональной музыки, Н.С. Дагирова, С.А. Агабабова, М.М. Кажлаева, С.А. Керимова. Искусство такого масштаба, такой исторической значимости нельзя, конечно, объяснить, исходя только из современных ему или непосредственно предшествующих явлений. Оно было подготовлено длительным ходом исторического развития дагестанской культуры и общества в целом.

С присоединением Дагестана к России все более широкие масштабы приобретает взаимовлияние в области художественного творчества. В частности, история, быт горских народов, их богатейший фольклор привлекают пристальное внимание русских литераторов, ученых, музыкантов.

Дагестанские музыканты, в свою очередь, ища пути самобытного развития своей культуры, пытливо изучали опыт гениальных русских мастеров. Именно их открытия сделаются для Гасанова отправной точкой в создании основ национального стиля.

Однако в середине XIX в. сама мысль о дагестанской композиторской школе показалась бы смешной и нелепой. Все многообразие звукового мироощущения, все богатства музыкально-интонационного сознания, выработанные дагестанскими народами за века и тысячелетия их исторической жизни, существовали лишь в устном предании, сохранились в памяти национальных певцов и музыкантов: ашугов, шаэров, йырчи, зурначей, домраши и т. п. Многоязычный, многонациональный горный край, объединявший больше тридцати народностей, обладал сокровищами фольклора, которыми могла бы гордиться любая цивилизация.

Порой наивные по замыслу и весьма несовершенные по воплощению, но полные горячего энтузиазма и веры в конечный успех опыты Михаила Шувалова, Дженнет Далгат, Ивана Сафонов, Елены Юдиной, Темирбулата Бейбулатова становятся качественно лучшим событием в истории народной музыкальной культуры Дагестана, явным и неоспоримым признаком движения к освоению опыта классического наследия, то есть «письменной музыки», к творчеству «письменной традиции», выработанной веками развития человеческой культуры. Сейчас к этим именам можно добавить имена В. Шаулова, Р. Фаталиев, З. Джанаев, М. Касумов, А. Джафарова [9].

Основа становления дагестанского профессионального музыкального творчества – органическое слияние богатейших традиций национального фольклора и достижений мировой музыкальной культуры. А изучение школьниками дагестанского наследия и профессионального музыкального творчества обеспечивает формирование у них развитой музыкальной культуры.

Ссылки:

1. Абакарова Б.А. К вопросу о формировании музыкальной культуры школьников // Вестник научных конференций. 2016. № 5-2 (9). С. 7–9.
2. Мустафаева Д.Ш. Педагогические условия подготовки будущего учителя к формированию ценностного отношения старшеклассников // Общественные науки. 2012. № 2. С. 59–66.
3. Абакарова Б.А. Фольклор как средство формирования музыкальной культуры человека и педагога // Вестник научных конференций. 2015. № 2-5 (2). С. 8–9.
4. Геворкян М.М. Формирование готовности студентов к межнациональному поликультурному диалогу в процессе музыкально-педагогического образования : дис. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2006. 206 с.
5. Ханжов Ю.Г. Песенная культура Дагестана: от локального к общедагестанскому // Образование и право. 2018. № 10. С. 222–227.
6. Якубов М. Отец дагестанской музыки. Очерк о жизни и творчестве Г.А. Гасанова. Махачкала, 1980. 168 с.
7. Капиева Н.В. Вступительная статья // Песни народов Дагестана. Л., 1970. 581 с.
8. Булатов Б.Б., Лугув С.А. Духовная культура народов Дагестана в XVIII–XIX вв. (аварцы, даргинцы, лакцы). Махачкала, 1999. 218 с.
9. Традиционный фольклор народов Дагестана: сб. науч. тр. М., 1991. 493 с.

Редактор, переводчик: Невзорова Наталья Викторовна

Этические и правовые основы редакционной политики ООО Издательский дом «ХОРС»**Обязанности редакции****Решение о публикации**

Редактор и сотрудники ООО Издательский дом «ХОРС» опираются в своей деятельности на общепринятые этические принципы публикации научных материалов, зафиксированные в Декларации «Этические принципы научных публикаций», утвержденной на Общем собрании Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) в рамках 5-й Международной научно-практической конференции «Научное издание международного уровня – 2016: решение проблем издательской этики, рецензирования и подготовки публикаций», которая прошла в Москве 20 мая 2016 г. [1]. Публикационная этика ООО Издательский дом «ХОРС» также базируется на соблюдении норм и правил международного Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE) [2] и Кодекса поведения и наилучшей практики для редакторов журналов [3].

При организации работы редактор и сотрудники редакции руководствуются общепризнанными принципами научности, объективности, профессионализма и беспристрастности. Полученные материалы оцениваются безотносительно к расе, полу, сексуальной ориентации, религиозным убеждениям, этнической принадлежности, гражданству и политическим взглядам авторов. Решение о публикации основывается на научной значимости статьи, ее оригинальности, ясности изложения, новизне, соответствии профилю журнала, а также с учетом действующего законодательства в области клеветы, авторского права и плагиата [4]. Сотрудники редакции ориентируют всех участников публикационного процесса (авторов, рецензентов, членов редакционного совета, работников издательства, читателей) на соблюдение общепризнанных стандартов публикационной этики.

Представленная рукопись может быть отклонена редактором на этапе, предшествующем рецензированию, если для этого имеется веская причина: несоответствие тематики статьи тематике журнала, низкое научное качество статьи, представление ранее опубликованной в другом издании статьи, нарушение в статье этических принципов, которыми руководствуются в своей деятельности редактор и сотрудники редакции, несоблюдение (игнорирование) автором требований оформления статьи.

Редакция оставляет за собой право производить сокращение и редакционные изменения рукописи, которые не влияют на суть и содержательную сторону представленного материала, сохраняя при этом целостность публикации. При работе с текстом статьи редакторы придерживаются соответствующих стандартов научной и публикационной этики.

Все поступающие в редакцию статьи, не отклоненные по тем или иным причинам на первом этапе рассмотрения, передаются экспертам на рецензирование. Они подбираются из числа наиболее компетентных специалистов в области представленного исследования. Имена рецензентов сохраняются в тайне от авторов рукописи, равно как и имена авторов неизвестны рецензентам.

Редакция в своей деятельности придерживается принципа высокого качества публикуемых материалов и их содержательной составляющей, а также осуществляет публикацию исправлений, дополнений, пояснений, извинений в тех случаях, когда в этом возникает необходимость. Размещенные в журнале материалы отражают личную точку зрения авторов, которая может отличаться от точки зрения редакции. Ответственность за приводимые в статьях фактические материалы и данные несут авторы.

Конфиденциальность

Редактор и сотрудники редакции не имеют права разглашать информацию о представленной рукописи никому, кроме ее автора, рецензентов, потенциальных рецензентов, других редакционных консультантов и в случае необходимости издателя. Они собирают только те сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, ученое звание, ученая степень, название аффилированной организации, адрес организации, контактные данные для связи с автором), которые необходимы для осуществления публикации. Эти сведения становятся доступными для неопределенного круга лиц, на что авторы дают свое согласие, подписывая соответствующие сопроводительные документы с указанием полных сведений о себе, требуемых для индексирования российских журналов в библиометрической базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Разглашение указанных сведений осуществляется в интересах автора с целью полного и корректного учета его публикаций, их цитирования соответствующими библиометрическими базами данных организаций и обеспечения широкого научного контакта автора с отечественным и мировым сообществом. Предоставляемая авторами личная информация будет использоваться исключительно для контактов с ними в процессе подготовки статьи к публикации. Редактор и сотрудники редакции обязуются не передавать данную личную информацию третьим лицам, которые могут использовать ее в иных целях, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Неопубликованные материалы и конфликт интересов

Потенциальный конфликт интересов может возникнуть тогда, когда существуют особые финансовые, личные или профессиональные условия, которые могут повлиять на научное суждение редактора, сотрудников редакции или рецензента относительно публикации представленной статьи. Для предотвращения подобной ситуации в тексте статьи должны быть указаны все источники финансирования исследования, отсутствовать коммерческие, финансовые, личные или профессиональные факторы, которые могли бы создать конфликт интересов в отношении поданной на рассмотрение статьи.

Редактор и сотрудники редакции принимают все доступные им меры для предотвращения конфликта интересов. В процессе работы отношения между автором и рецензентами строятся по принципу double-blind peer review: рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента. При подозрении о возможном конфликте интересов автор может попросить исключить из рассмотрения присланной им статьи какого-либо конкретного известного ему редактора и/или рецензента. В таком случае статья будет направлена другому редактору и/или рецензенту. При возникновении конфликта

интересов оценка статьи носит непредвзятый характер, не происходит автоматического отказа от ее публикации, поскольку для редакции определяющим критерием является научная составляющая рукописи. При необходимости редактор и сотрудники редакции могут проинформировать авторов, что по причине возможных конфликтов интересов их работы не могут быть опубликованы в определенных разделах журнала (например, в написанных по заказу статьях или обзорах).

Неопубликованные материалы, содержащиеся в переданной рукописи, не могут быть использованы редактором, сотрудниками редакции или рецензентами в собственных исследованиях без письменного согласия автора. Конфиденциальная информация или идеи, полученные в процессе рецензирования, не будут разглашаться и использоваться в целях получения собственной выгоды. В некоторых обстоятельствах допускается привлечение широкого круга экспертов для анализа текста рукописи, но при сохранении конфиденциальности полученных сведений.

Снятие статьи с публикации

В ряде случаев редактор и сотрудники редакции могут принять решение об отзыве статьи (ретракции). Причинами таких действий могут быть: обнаружение плагиата в статье, в том числе заимствований изображений, рисунков, графиков, таблиц и т. п., если факт плагиата стал очевидным уже после публикации статьи; появление претензий в части авторских прав на статью или отдельные ее части со стороны третьих лиц; обнаружение сотрудниками редакции или рецензентами факта публикации представленной рукописи в другом издании до даты ее выхода в журнале; наличие в опубликованной статье серьезных ошибок, ставящих под сомнение ее научную ценность. При возникновении подобных обстоятельств сотрудники редакции инициируют проверку, по результатам которой статья может быть отозвана с публикации (ретрагирована). После окончания произведенных действий составляются отчет о проверке статьи и протокол об отзыве статьи с публикации, последний подписывается директором ООО Издательский дом «ХОРС». Копии отчета и протокола направляются автору статьи. Статья физически не изымается из опубликованного тиража. Редакция публикует заявление об отзыве статьи с размещением его на соответствующей странице содержания выпуска на своем официальном сайте. Сотрудники редакции внимательно и ответственно рассматривают все обоснованные обращения по поводу обнаруженных нарушений в опубликованных материалах и принимают все допустимые меры для исправления ситуации.

Политика в отношении плагиата

Все поступившие в редакцию статьи в обязательном порядке на начальной стадии приема проверяются на оригинальность и корректность заимствований. В случае обоснованных подозрений о плагиате или обнаружения технических приемов, позволяющих скрыть его наличие или понизить процент заимствований, статьи не принимаются к дальнейшему рассмотрению. Авторам направляется сообщение об отказе в рассмотрении в связи с наличием подозрения о плагиате. Если плагиат обнаружен в уже опубликованной статье, такая статья снимается с публикации без возможности восстановления. При наличии в поступившей статье некорректного заимствования все случаи такого заимствования рассматриваются индивидуально.

Редакция относит к формам плагиата: использование (дословное цитирование) любых материалов в любом объеме без указания источника; использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации без указания источника; использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации, опубликованных в научных и популярных изданиях без согласования с правообладателем; использование без письменного разрешения материалов, авторы или правообладатели которых запрещают использование своих материалов без специального согласования.

К формам некорректного заимствования редакция относит: ссылку не на первый источник заимствованного текста без явного указания на этот факт (ошибка в определении первоисточника); отсутствие ссылок из текста на источники, приведенные в приставном списке; избыточное цитирование (при наличии ссылок на источники), объем которого не обоснован жанром и целями статьи.

Допустимый объем цитирований (корректного заимствования) – не более 20 % от общего объема статьи. Требование не распространяется на обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований. Такие материалы рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке. Статьи, содержание которых соответствует другим научным материалам автора (диссертация, автореферат, монография, предыдущие публикации в журналах и сборниках), к публикации не принимаются.

Обязанности рецензентов

Вклад в редакционные решения

Рецензирование научных статей экспертами играет огромную роль в обеспечении объективного и научного оценивания представленного материала. Этот процесс основан на взаимном доверии и требует, чтобы все его участники вели себя ответственно и этично [5]. Рецензирование помогает редактору и сотрудникам редакции определить ценность статьи и принять верное решение относительно дальнейшей судьбы рукописи. Деятельность рецензента играет важную роль и в улучшении содержания статьи автора путем дополнения или редукции представленного в ней материала. В конечном счете объективное мнение эксперта о рукописи определяет решение редактора и сотрудников редакции о ее публикации.

Исполнительность

Рецензент должен достаточно оперативно отвечать на предложение написать рецензию, особенно если он не собирается ее готовить по объективным или субъективным причинам. Эксперт, который считает свою квалификацию недостаточной для рассмотрения статьи или поверхностно знает предмет исследования для написания рецензии, должен уведомить об этом редактора, описав границы области, в которой он имеет достаточные познания, или полностью отказаться от рецензирования представленной статьи. Большое значение при подготовке публикации имеет оперативность рассмотрения статьи, поэтому рецензент должен своевременно проинформировать редакцию о возможных затруднениях со сроками рецензирования рукописи.

Конфиденциальность

Эксперты не должны предавать огласке тексты рукописи и подготовленные рецензии, а также информацию или идеи, содержащиеся в них. Они не должны обсуждать рецензируемые статьи с другими экспертами или посторонними лицами без предварительного разрешения редакции. Рецензенты не должны привлекать посторонних лиц к составлению рецензии, включая своих помощников, без получения на то согласия со стороны редактора или сотрудников редакции; имена всех лиц, помогавших экспертам в написании рецензий, должны быть включены в текст итогового заключения по публикации, чтобы факт их участия был учтен [6].

Стандарты объективности

Для качественного рецензирования эксперты должны предоставлять журналам точную и правдивую информацию о своих личных и профессиональных знаниях и опыте. Экспертная оценка статьи должна быть научной и объективной. Рецензенты не могут позволить, чтобы на содержание их рецензии влияли происхождение рукописи, принадлежность к расе, пол, сексуальная ориентация, религиозные убеждения, этническое происхождение, гражданство, политические взгляды или иные взгляды ее автора (авторов), а также коммерческие соображения. Рецензенты должны высказать свое мнение относительно содержания рукописи четко и аргументированно. Личная критика автора недопустима, поэтому в тексте рецензии эксперту необходимо воздерживаться от враждебных или подстрекательских заявлений, а также от клеветнических или унижительных комментариев [7].

Признание первоисточников

В рамках рецензирования эксперты должны выявлять случаи, когда в публикуемой работе используются материалы, не указанные в библиографии. Любые наблюдения, выводы или аргументы, взятые из других публикаций, должны быть соответствующим образом оформлены как цитаты с приведением библиографической ссылки. Во всех возможных случаях должна быть указана ссылка на первоисточник [8]. Рецензенты также должны информировать редактора о любом существенном сходстве или частичном совпадении рассматриваемой рукописи с любым другим опубликованным исследованием, знакомым эксперту.

Раскрытие информации и конфликт интересов

Эксперты должны уважать конфиденциальность информации и идеи, содержащиеся в представленной на рецензирование рукописи. Не допускать в своей деятельности разглашения и использования каких-либо материалов статьи с целью получения личной выгоды или выгоды других лиц или организаций, а также для причинения вреда другим лицам или дискредитирования других лиц. Рецензенты не должны участвовать в рассмотрении статей при наличии конфликта интересов вследствие конкурентных отношений, сотрудничества, различного рода взаимодействий или отношений с авторами, компаниями или учреждениями, как-либо связанными с представленными рукописями. Рецензенты должны обращаться за советом к редактору и сотрудникам редакции, если они не уверены в том, может или нет представленная статья вызвать конфликт интересов.

Обязанности авторов**Требования к предоставляемой информации**

Авторы оригинального исследования предоставляют достоверные результаты проделанной ими работы, а также объективно обсуждают ее научную значимость. Лежащие в основе рукописи данные излагаются предельно четко. Текст статьи должен быть проработан и содержать соответствующие ссылки, демонстрирующие признание вклада других лиц в разработку темы исследования. Все внешние источники информации, используемые в рукописи, должны быть подкреплены библиографическими ссылками. Они должны давать возможность рецензентам и всем заинтересованным лицам перепроверить или повторить результаты исследования. В тексте статьи не допускаются личные, критические или пренебрежительные замечания и обвинения в адрес других исследователей. Рукопись не должна содержать обманные или заведомо ошибочные утверждения автора. В противном случае этот факт будет рассматриваться редактором и сотрудниками редакции как неэтичное и неприемлемое поведение автора в научной сфере.

Доступ к данным и их хранение

Авторы могут попросить предоставить исходные данные их исследования для редакционного рассмотрения. Авторы должны быть готовы предоставить открытый доступ к подобной информации, если это выполнимо. В любом случае авторы должны обеспечить доступ к исходным данным для любых компетентных специалистов в течение как минимум десяти лет после публикации (предпочтительно через институциональную или специализированную базу данных или центр обработки и хранения данных) при условии, что сохраняется конфиденциальность информации и законные права относительно запатентованных разработок не препятствуют их обнародованию.

Оригинальность, плагиат и признание источников

Авторы должны подавать на рассмотрение редакции и экспертов только полностью оригинальные работы. Цитирование и ссылки на работы и/или утверждения других ученых должны быть оформлены соответствующим образом. Публикации, повлиявшие на характер представленной для рецензирования работы, также должны быть указаны. Использование заимствованных материалов (в том числе иллюстраций, таблиц, изображений) допускается только с обязательным указанием автора этих материалов и/или владельца авторских прав на материалы заимствования и разрешением от правообладателей.

Множественные, дублирующие или одновременные публикации

Предоставление автором одной и той же рукописи в более чем один журнал рассматривается как неэтичное поведение автора и является неприемлемым. Статьи, опубликованные ранее как охраняемый авторским правом материал, не подлежат рассмотрению. Также рецензируемые журналом рукописи не должны быть повторно представлены для публикации в других изданиях до принятия редакцией решения

об отклонении статьи. Нарушение авторских прав на использование переданных для публикации и обработанных редакцией материалов преследуется по закону. Однако, представляя работу на рассмотрение, автор(ы) сохраняет(ют) за собой права на публикуемый материал.

Авторство и авторские права

Авторские права на представленные рукописи принадлежат их авторам. Под автором понимаются все лица (соавторы), принявшие участие в создании рукописи и несущие ответственность за ее содержание. Авторство распространяется только на тех лиц, которые внесли значительный вклад в разработку концепции, модели, проектирования, обработали и интерпретировали материалы представленного исследования. Все лица, которые внесли существенный вклад в разработку материала, должны быть перечислены как соавторы. Автор статьи должен гарантировать, что список соавторов не включает тех, кто не участвовал в работе над текстом рукописи. Ответственность за полноту представления состава авторского коллектива и согласование с ними всех изменений, вносимых в текст рукописи по результатам ее рецензирования и редактирования, лежит на лице (авторе), представившем рукопись в редакцию. Он должен удостовериться, что все соавторы одобрили окончательный вариант статьи и согласились с представлением ее к публикации. Автор, направляющий статью в редакцию ООО Издательский дом «ХОРС», выражает тем самым свое согласие на ее опубликование в журнале и передает издателю права на использование статьи, в том числе ее перевод, размещение в открытом доступе на сайте журнала в сети Интернет, на передачу текста статьи (в том числе ссылок, библиографической информации и т. д.) лицам, предоставление которым данных сведений носит обязательный характер, либо иным лицам в целях обеспечения возможности цитирования публикации и повышения индекса цитируемости автора и журнала. Для перепечатки любых авторских материалов, опубликованных в журналах ООО Издательский дом «ХОРС», обязательны согласование с редакцией, ссылка на журнал, автора и название статьи. Нарушение авторских прав на использование переданных для публикации и обработанных редакцией материалов преследуется по закону.

Раскрытие информации и конфликт интересов

Все авторы статей должны заявлять о любых финансовых, личных, профессиональных или других условиях, имеющих значение в конфликтах интересов, которые могут быть истолкованы как оказавшие влияние на результаты исследования или интерпретацию работы. Все источники финансовой поддержки рукописи должны быть названы. При наличии конфликта интересов автор может попросить исключить из рассмотрения присланной им статьи какого-либо конкретного редактора или рецензента. Редакция оставляет за собой право отклонить публикацию статьи в случае нарушения этических норм и правил, а в случаях возможного ущерба провести соответствующие проверочные и публичные мероприятия, не противоречащие законодательству РФ.

Существенные ошибки в опубликованных работах

В случае обнаружения автором существенной ошибки или неточности в его/ее опубликованной работе обязанностью автора является своевременно сообщить об этом редактору журнала или сотрудникам редакции и содействовать в исправлении статьи или ее изъятии (ретрагировании публикации).

Порядок отзыва (ретрагирования) статьи от публикации

1. Порядок подготовлен на основе «Редакционной этики» [9], договора-оферты ООО Издательский дом «ХОРС», «Правил отзыва (ретрагирования) статьи от публикации» АНРИ [10].

2. Ретрагирование (ретракция, отзыв текста от публикации) – комплекс действий по исправлению опубликованной в научной статье информации в связи с обнаружением в публикации плагиата, недобросовестных заимствований, ошибочных данных, фальсификации и фабрикация, цитирований без указаний авторства, а также дублирующих или множественных публикаций, в том числе и с разным составом авторов. При ретрагировании не происходит полного физического изъятия статьи из сети Интернет в сетевом издании журнала, электронных библиотечных баз данных и тиража журнала в печатном издании журнала.

3. При обнаружении одного или нескольких оснований, перечисленных в п. 2, директором ООО Издательский дом «ХОРС» выносится решение о рассмотрении вопроса о ретрагировании статьи. С этой целью проводится заседание редакции. Решение принимается открытым голосованием. Предварительно назначается внутренняя экспертиза с целью установить/опровергнуть причину ретракции.

4. Редакция рассматривает вопрос о ретрагировании статьи при самостоятельном обнаружении причин ретракции, по обращению автора или третьих лиц. При этом редакция направляет автору соответствующее письмо о целях, причинах ретракции и принятом решении.

5. В случае обнаружения незначительных нарушений, таких как отсутствие некоторых ссылок на заимствованные данные, допущенные ошибки в расчетах и приведенных данных, указание не всех источников цитирования, опечатки, в статью вносятся соответствующие изменения. Авторам запрещается подавать новые статьи для публикации во все журналы ООО Издательский дом «ХОРС» в течение 2 лет.

При внесении изменений в статью в содержании журнала в сети Интернет напротив статьи добавляется пометка «Статья исправлена», рядом с первоначальным текстом размещается исправленный вариант, в ближайшем номере печатного выпуска журнала публикуется соответствующее объявление, статья вносится в список ретрагированных и исправленных статей. Статья продолжает считаться опубликованной. Информация об исправленной статье передается в РИНЦ, Совет АНРИ, EBSCO, Вольное сообщество «Диссернет».

6. В случае обнаружения значительных нарушений, таких как плагиат, множественные недобросовестные цитирования, фальсификации и фабрикация, дублирующие или множественные публикации, в том числе и с разным составом авторов, статья ретрагируется. Авторам запрещается подавать новые статьи для публикации во все журналы ООО Издательский дом «ХОРС» в течение 3 лет.

При ретрагировании статьи (см. п. 6) в содержании журнала в сети Интернет напротив статьи добавляется пометка «Статья ретрагирована», в тексте статьи ставится водяной знак «RETRACTED», в ближайшем номере

печатного выпуска журнала публикуется соответствующее объявление, статья вносится в список ретрагированных и исправленных статей. Статья более не считается опубликованной. Информация о ретрагированной статье передается в НЭБ, Совет АНПИ, EBSCO, вольное сетевое сообщество «Диссернет», КиберЛенинку.

7. В соответствии с договором-офертой плата за публикацию ретрагированных статей не возвращается.

Ссылки:

1. Декларация Ассоциации научных редакторов и издателей «Этические принципы научных публикаций» [Электронный ресурс]. URL: <https://rasep.ru/sovet-po-etike/deklaratsiya> (дата обращения: 20.06.2018).
2. Подготовка и издание научного журнала. Международная практика по этике редактирования, рецензирования, издания и авторства научных публикаций [Электронный ресурс]. URL: https://academy.rasep.ru/files/documents/____3_1.pdf (дата обращения: 20.06.2018).
3. Кодекс поведения и наилучшая практика для редакторов журналов [Электронный ресурс]. URL: <https://rasep.ru/sovet-po-etike/kodeksy-i-knigi/134-kodeks-povedeniya-i-nailuchshaya-praktika-dlya-redaktorov-zhurnalov> (дата обращения: 20.06.2018).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ : ред. от 23 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/0b318126c43879a845405f1fb1f4342f473a1eda/ (дата обращения: 20.06.2018) ; Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : ред. от 27 июня 2018 г. Статья 146. Нарушение авторских и смежных прав [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b683408102681707f2702c05f0a3025daab7ab/ (дата обращения: 20.06.2018) ; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ : ред. от 23 мая 2018 г. Статья 1252. Защита исключительных прав [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/a68c2e03d7967da86ff598906972cd025196845e/ (дата обращения: 20.06.2018) ; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ : ред. от 23 мая 2018 г. Статья 1301. Ответственность за нарушение исключительного права на произведение [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/c2f79b53ce582e92680379e2ebd23eeb9fb7855a/ (дата обращения: 20.06.2018).
5. Хэймс И. Руководство для редакторов: определение качества исследований, аудита и услуг // Подготовка и издание научного журнала. Международная практика по этике редактирования, рецензирования, издания и авторства научных публикаций : сборник переводов / сост. О.В. Кириллова. М., 2013. С. 66.
6. Там же. С. 69.
7. Там же. С. 67.
8. Уэйджер Э., Кляйнерт С. Ответственный подход к публикации научно-исследовательских работ: международные стандарты для авторов // Подготовка и издание научного журнала ... С. 81.
9. Редакционная этика [Электронный ресурс] // Издательский дом «ХОРС»: международное научное издательство. URL: <http://dom-hors.ru/redakcionnaya-etika/> (дата обращения: 20.06.2018) ; Редакционная этика [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития: международный научный журнал. URL: <http://teoria-practica.ru/redakcionnaya-etika/> (дата обращения: 20.06.2018).
10. Правила отзыва (ретрагирования) статьи от публикации [Электронный ресурс] // Официальный сайт профессионального сообщества Ассоциация научных редакторов и издателей. URL: <https://rasep.ru/sovet-po-etike/pravilo-otzyva-retragirovaniya-statii-ot-publikatsii> (дата обращения: 20.06.2018).

Автор – Шаповалов Сергей Николаевич, член редакционного совета научного журнала «Общество: философия, история, культура», кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета.

Материал опубликован в научном журнале «Общество: философия, история, культура», 2018, № 7. Редакция от 30.04.2019.

Тип лицензии

Журнал публикует статьи в открытом доступе в соответствии с лицензией Attribution cc by Creative Commons (лицензия «С указанием авторства»).

Данная лицензия позволяет людям распространять, редактировать, поправлять и брать произведение за основу для производных даже на коммерческой основе с указанием авторства.

Ознакомиться с условиями лицензирования: <https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/deed.ru>.

Ознакомиться с текстом лицензии: <https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/legalcode>.

Полнотекстовые файлы всех архивных и текущих выпусков журналов находятся в открытом доступе на сайте <http://dom-hors.ru>. Электронная версия журнала является изданием открытого доступа для читателей. При использовании материалов ссылка на журнал и авторов статей обязательна.

Для архивирования и сохранения материалов журнал использует собственный онлайн-архив, архив ООО Научная электронная библиотека, архив EBSCOHost.

Порядок и условия публикации

1. К рассмотрению принимаются только оригинальные, ранее нигде не публиковавшиеся статьи на русском языке через онлайн-заявку – <http://www.dom-hors.ru/onlayn-zayavka/>.

2. Содержание статьи должно соответствовать тематике журналов ООО Издательский дом «ХОРС», которые включены в Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования России по следующим отраслям наук и научным специальностям:

Журнал «Теория и практика общественного развития»:

экономические науки – 08.00.01, 08.00.05, 08.00.10, 08.00.12, 08.00.13, 08.00.14

юридические науки – 12.00.01, 12.00.04, 12.00.08, 12.00.09, 12.00.10, 12.00.11, 12.00.14

социологические науки – 22.00.01, 22.00.03, 22.00.04, 22.00.05, 22.00.06, 22.00.08

Журнал «Общество: философия, история, культура»:

исторические науки – 07.00.02, 07.00.03, 07.00.09, 07.00.10, 07.00.15

философские науки – 09.00.01, 09.00.03, 09.00.04, 09.00.05, 09.00.07, 09.00.08, 09.00.11, 09.00.14

культурология – 24.00.01 (философские науки), 24.00.01 (культурология), 24.00.03 (культурология)

Журнал «Общество: политика, экономика, право»:

экономические науки – 08.00.05, 08.00.14

юридические науки – 12.00.01, 12.00.08, 12.00.12, 12.00.14

политические науки – 23.00.01, 23.00.02, 23.00.03, 23.00.04, 23.00.05, 23.00.06

Журнал «Общество: социология, психология, педагогика»:

педагогические науки – 13.00.02, 13.00.08

психологические науки – 19.00.01, 19.00.02, 19.00.07

социологические науки – 22.00.01, 22.00.03, 22.00.04, 22.00.05, 22.00.06, 22.00.08.

3. Все поступающие в редакцию статьи проходят проверку на заимствования и внутреннее научное рецензирование в соответствии с Порядком рецензирования – <http://www.dom-hors.ru/poryadok-recenzirovaniya-publikacii/>.

4. Редакция оказывает услуги по публикации авторских статей на возмездной основе согласно прайс-листа: <http://www.dom-hors.ru/rus/files/prajs-list-ooo-izdatelskij-dom-hors---s-15012021-g.pdf>.

Оформление публикации

1. Объем статьи должен составлять не менее 8 страниц от одного автора, 10 страниц – от двух авторов, 12 страниц – от трех.

В каждой научной статье журнала должны быть указаны следующие данные:

код УДК;

фамилия, имя, отчество автора (полностью) – на русском и английском языках;

ученая степень, ученое звание – на русском и английском языках;

должность, место работы (если таковое имеется). Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы и должность без каких-либо сокращений – на русском и английском языках;

открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID – ORCID) (при наличии);

контактная информация (почтовый адрес, по которому можно выслать экземпляр журнала; e-mail, телефон – для оперативной связи с автором);

название статьи – на русском и английском языках;

аннотация объемом 100–150 слов с краткой характеристикой содержания работы, изложением основных выводов и результатов – на русском и английском языках;

ключевые слова по содержанию статьи (8–10 слов или словосочетаний). Каждое ключевое слово отделяется от другого запятой (точкой с запятой, если в перечне содержатся словосочетания, уже имеющие в своем составе запятую) – на русском и английском языках;

ссылки (статьи без ссылок на используемые источники и литературу не принимаются).

2. Текст публикации должен быть набран в текстовом редакторе Word, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25 см, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

3. Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы. Заголовок следует помещать над таблицей без точки в конце. Таблицу необходимо располагать после текста, в котором она упоминается впервые, или на следующей странице. Ссылка на таблицу в тексте обязательна – она должна находиться до момента представления самой таблицы. Ссылка должна органически входить в текст, а не выделяться в самостоятельную фразу, повторяющую тематический заголовок таблицы. Заголовок (таблица 1) располагается слева без абзацного отступа. Заголовки и подзаголовки граф должны быть подписаны.

4. Пристатейный список цитирований должен быть представлен авторами. Включенные в пристатейный список библиографические описания цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи других документов связывают отсылками с конкретным фрагментом текста. При отсылке к произведению, описание которого включено в библиографический список, в тексте статьи после упоминания о нем (после цитаты из него) проставляют в квадратных скобках номер, под которым оно значится в библиографическом списке, и страницы, а в необходимых случаях – том (выпуск, часть и т. д.), например: [1, т. 2, с. 25]. Несколько подряд идущих ссылок отбиваются знаком «;», например: [1; 2; 3], или объединяются в комплексную ссылку. Примечания указываются в затекстовом списке источников. Пристатейный библиографический список литературы размещается после текста статьи, предваряется заголовком «Ссылки» или «Ссылки и примечания», оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке),

нумеруется. При ссылке на данные, полученные из сети Интернет, указываются электронный адрес первичного источника информации и дата обращения в круглых скобках, например: URL: <http://www.teoriapracitica.ru/> (дата обращения: 22.01.2011). При записи подряд нескольких библиографических ссылок на один документ в повторной ссылке приводят слова «Там же.» или «Ibid.» (для документов, применяющих латинскую графику). В повторных ссылках только на одну работу данного автора (авторов) основное заглавие и следующие за ним повторяющиеся элементы опускают или заменяют словами «Указ. соч.» или «Op. cit.» (для документов, применяющих латинскую графику). При этом указывается страница цитирования, например: «Там же. С. 250.» или «Иванов Г.П. Указ. соч. С. 13.».

5. Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

6. Каждый случай повторного использования текста (самоплагиата) в исследовательской статье рассматривается редакцией индивидуально с целью определения оправданности текстового повтора. Большое внимание обращается на то, какая именно часть статьи содержит самоплагиат. Как правило, определенная степень самоплагиата допускается во введении работы, содержащем описание проблемы, в описании использованных методов; небольшая доля самоплагиата может присутствовать в представлении и обсуждении результатов исследования, если предполагается связь с предыдущим этапом авторского исследования. В этих случаях самоцитирование должно быть прозрачным, следует указывать первоисточник. Самоплагиат категорически недопустим в выводах статьи. Крайне редко разрешается воспроизведение ранее опубликованных рисунков и таблиц, если только автором не обоснован самоплагиат в отношении этих элементов публикации.

Допускаются случаи самоупоминания, представляющие собой ссылки на предыдущие работы автора без цитирования. Редакция рассматривает самоупоминание как важный академический прием, позволяющий автору сделать отсылку к рассмотренным им ранее вопросам, являющимся значимыми для новой публикации, без дословного цитирования изданных работ.

Не допускается наличие в тексте статей объемных дословных заимствований из уже защищенных диссертационных исследований.

Работа редакции с повторным использованием текста осуществляется согласно положениям «Руководства по работе с повторным использованием текста (автоплагиатом)» (Text Recycling Guidelines. BioMed Central. The Open Access Publisher. URL: https://publicationethics.org/files/Web_A29298_COPE_Text_Recycling.pdf; перевод на русский язык представлен в «Научный редактор и издатель. 2017. № 2 (2-4). С. 113–115»).

7. Рекомендуется цитирование (1 и более ссылок) иностранных авторов – специалистов по теме исследования. Цитируемый текст приводится на языке научной работы (на русском), библиографическое описание источника – на языке оригинала. Желательно привлекать статьи из иностранных журналов.

8. Рекомендуется цитирование литературы, изданной в течение последних 5 лет.

9. Не рекомендуется цитирование ненаучных и научно-популярных источников (энциклопедий, словарей, учебных пособий), а также новостных лент и блогов, если это не оправдано логикой исследования. При необходимости можно сохранять отсылки в самом тексте.

10. Авторы должны указывать информацию о финансовой поддержке исследования.

Примеры библиографических ссылок

1. Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. L., 1991. 272 p. ; Barth F. Ethnic Groups and Boundaries // Theories of Ethnicity: A Classical Reader / ed. by W. Sollors. N. Y., 1996. P. 294–323 ; Son Zh.G. Problems of Transformation of the Korean Language in the Russian Korean Society // The Contemporary Relevance of Document Culture: Knowledge, Media, Power / comp. H.H. Lee. Seoul, 2015. P. 185–221.

2. Кассу Ж. Энциклопедия символизма. Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка / пер. с фр. Н.В. Кисловой, Н.Т. Пасхарьян. М., 1998. 428 с. ; Пайман А. История русского символизма / пер. с англ. В.В. Исакович. М., 2000. 413 с.

3. Kagarlitsky B. The Crimean War and the World System // Kagarlitsky B. Empire of the Periphery: Russia and the World System / trans. by R. Clarke. L. ; Ann Arbor, MI, 2008. P. 192–199. <https://doi.org/10.2307/j.ctt18fs32g.13>.

4. См.: Неклюдова М.Г. Традиции и новаторство в русском искусстве конца XIX – начала XX в. М., 1991. 395 с. ; Стернин Г.Ю. Художественная жизнь России 1900–1910-х гг. М., 1988. 285 с. ; Его же. Художественная жизнь России начала XX в. М., 1976. 221 с.

5. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 305. Л. 32–35.

6. См.: Власов В.Г. Стили в искусстве : словарь : в 3 т. СПб., 1995 ; Культурология. XX век : словарь / гл. ред., сост. С.Я. Левит. СПб., 1997. 640 с. ; Руднев В.П. Словарь культуры XX в. М., 1997. 384 с. ; The Cambridge History of Russian Literature. Cambridge (Mass.), 1992. 709 p. ; и др.

7. Цит. по: Милюков П.Н. Живой Пушкин: историко-биографический очерк. М., 1997. 413 с.

8. Багаутдинов А.М. Амбивалентность духовности в информационном обществе : дис. ... д-ра филос. наук. Уфа, 2016. 321 с.

9. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Психология межкультурной коммуникации и этнокультурная гетерогенность общества: перспективы развития с позиций отечественной гуманитарной науки // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии : материалы V Международной научной конференции : в 2 т. Т. 1 / под ред. В.В. Гриценко. Смоленск, 2016. С. 42–45.

10. Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства РФ от 2 февр. 2015 г. № 151-р // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/16757/> (дата обращения: 26.03.2019).

11. Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по профилактике суицидов и иных форм аутоагрессивного поведения [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 13 марта 2018г. № 184-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.: 1) Социально-психологическое пространство самоопределяющегося субъекта: понимание, характеристики, виды // Вестник практической психологии образования. 2007. № 2 (11). С. 7–13 ; 2) Структура и личностные детерминанты экономического самоопределения субъекта // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 2. С. 5–15.

13. Сидоров К.Р. Тревожность как психологический феномен // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2013. № 2. С. 42–52.

14. Рязанцев С.В. Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // Социологические исследования. 2018. № 1 (405). С. 105–111. <https://doi.org/10.7868/s0132162518010117>.

Пример оформления статьи

УДК 000.00

Фамилия Имя Отчество

соискатель кафедры экономики Государственного университета

тел.: (000) 000-00-00

1234567@mail.ru

350000, г. Краснодар, ул. Молодежная, 139

Название статьи

Аннотация: Текст объемом 100–250 слов об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах.

Ключевые слова: 8–10 слов или словосочетаний по выбранной теме.

Surname Name Patronymic

PhD applicant of the Economic Department, State University

tel.: (000) 000-00-00

1234567@mail.ru

The title of the article

Summary: The text of 100–250 words on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects.

Keywords: 8–10 words or phrases on a selected topic.

Текст статьи [1, с. 111]. Текст статьи [2].

Ссылки и примечания:

1. Фамилия И.О. Название работы. М., 2000.

2. Примечание к тексту статьи.

Таблица 1 – Название таблицы

Текст	Текст	Текст	Текст
Текст	Текст	Текст	Текст

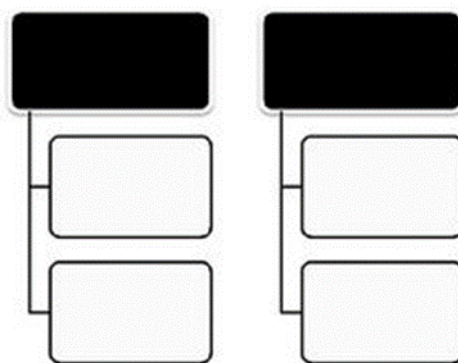

Рисунок 1 – Название рисунка

Порядок рецензирования публикации

1. Все поступающие в редакцию соответствующие тематике издания материалы направляются на внутреннее научное рецензирование для экспертной оценки. Внутреннее рецензирование проводится по принципу инкогнито (double-blind peer review): рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента.

2. Рецензирование проводится специалистами по тематике рецензируемых журналов – докторами или кандидатами наук с ученой степенью и/или ученым званием в соответствующей Номенклатуре специальностей отрасли науки и/или группе специальностей научных работников. Все утвержденные редакцией рецензенты являются признанными российскими и зарубежными специалистами в рецензируемой области и имеют публикации по тематике рецензируемого научного материала в течение последних трех лет. Все рецензии соответствуют общепризнанным в научной среде критериям и оформляются в установленном редакцией порядке. Рецензенты проводят рецензирование, опираясь на Редакционную этику (<http://teoria-practica.ru/redakcionnaya-etika/>, <http://dom-hors.ru/redakcionnaya-etika/>). При подозрении на конфликт интересов рецензенты сообщают об этом в редакцию.

3. Каждая статья направляется на рецензирование двум внутренним рецензентам.

4. Результат рецензирования должен содержать одну из рекомендаций:

- статья принимается без доработок;
- статья рекомендуется к публикации с незначительными доработками; автору дается 3 дня на устранение замечаний;
- статья рекомендуется к публикации после внесения значительных изменений; автору дается 5 дней на устранение замечаний, после чего рукопись направляется на повторное рецензирование;
- статья не рекомендуется к публикации.

5. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала на основании рецензий от специалистов в соответствующей отрасли науки с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности. При несогласии с рецензентом автор должен кратко и четко обосновать свою позицию. Рукопись, получившая два отрицательных отзыва, снимается с публикации.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

7. При поступлении соответствующего запроса редакция направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации.

График выхода журналов

2021

«Теория и практика общественного развития»	выход журнала
№ 4	2 апреля
№ 5	7 мая
№ 6	4 июня
№ 7	2 июля
№ 8	6 августа
№ 9	3 сентября
№ 10	1 октября
№ 11	3 ноября
№ 12	3 декабря

«Общество: философия, история, культура»	выход журнала
№ 4	9 апреля
№ 5	14 мая
№ 6	11 июня
№ 7	9 июля
№ 8	13 августа
№ 9	10 сентября
№ 10	8 октября
№ 11	12 ноября
№ 12	10 декабря

«Общество: социология, психология, педагогика»	выход журнала
№ 4	23 апреля
№ 5	28 мая
№ 6	25 июня
№ 7	23 июля
№ 8	27 августа
№ 9	24 сентября
№ 10	15 октября
№ 11	26 ноября
№ 12	24 декабря

«Общество: политика, экономика, право»	выход журнала
№ 4	16 апреля
№ 5	21 мая
№ 6	18 июня
№ 7	16 июля
№ 8	20 августа
№ 9	17 сентября
№ 10	22 октября
№ 11	19 ноября
№ 12	17 декабря

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ОБЩЕСТВО: СОЦИОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА

Оригинал-макет: К.Г. Угулава

Сдано в набор 24.03.2021
Подписано в печать 26.03.2021
Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная
Печать трафаретная. Тираж 550 экз.

Отпечатано в ООО «ПринтТерра»
Заказ №

г. Краснодар, ул. Садовая 161/2, литер 2, оф. 511
тел./факс: 8 (861) 217-75-17
e-mail: mail@printterra.biz